

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XIV Всероссийская конференция
молодых историков
(Самара, 14-15 ноября 2008 г.)

Материалы и доклады

Самара
Издательство «Самарский университет»
2008

УДК 94
ББК 63.3
П37

П37 Платоновские чтения: материалы и доклады XIV Всероссийской конференции молодых историков (Самара, 14-15 ноября 2008 г.) / отв. ред. П.С. Кабытов; Федеральное агентство по образованию. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. – 225 с.

ISBN 978-5-86465-408-8

В сборнике представлены статьи участников XIV Всероссийской научной конференции «Платоновские чтения», проходившей в Самарском государственном университете 14-15 ноября 2008 года. Авторами статей являются молодые историки – студенты и аспиранты более чем 20 российских вузов и научных организаций.

Представленные статьи имеют несомненную актуальность и научную новизну, авторы вовлекают в научный оборот широкий пласт архивных материалов и новейшей литературы. Проблематика материалов сборника представляет собой обширную палитру сюжетов истории России, в том числе вопросы социально-экономической истории, взаимодействия власти и общества, основные направления общественной мысли и истории культуры.

УДК 94
ББК 63.3

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. П.С. Кабытов (ответственный редактор);
д-р ист. наук, проф. Ю.Н.Смирнов; д-р ист. наук, проф. Э.Л. Дубман
(зам. ответственного редактора); д-р ист. наук, проф. Л.В. Храмов;
д-р ист. наук, проф. М.И. Леонов; д-р ист. наук, проф. Л.М. Артамонова;
канд. ист. наук, доцент В.А. Тюрин (ответственный секретарь);
канд. ист. наук, ст. преп. Д.В. Серых

ISBN 978-5-86465-408-8

© Авторы, 2008
© Самарский государственный
университет, 2008
© Оформление. Издательство
«Самарский университет», 2008

XIV ВСЕРОССИЙСКИЕ ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2008

14-15 ноября 2008 г. на историческом факультете Самарского государственного университета состоялась XIV Всероссийская конференция-конкурс студентов, молодых ученых и преподавателей «Платоновские чтения». Чтения были посвящены памяти выдающегося историка, академика Сергея Федоровича Платонова (1860-1933), последний период жизни которого прошел в Самаре. Эта конференция является традиционной для студентов и молодых ученых, активно занимающихся научными исследованиями в области отечественной истории. Она ежегодно собирается в течение почти полутора десятилетий, стала заметным явлением в развитии вузовской исторической науки Российской Федерации.

Интерес к творческой деятельности и жизненному пути российского историка Сергей Федоровича Платонова в последнее время переживает новый подъем. Много неясного, неизвестного в трагических событиях последних лет жизни выдающегося ученого, обстоятельствах ареста, ссылки в Самару, короткого периода жизни в провинциальном городе. Неизвестно даже конкретное место захоронения академика. Все это требует дополнительного изучения, поиска новых документальных источников, свидетельств родственников и очевидцев.

Последние два года – 2007 – 2008 – были знаменательными для увековечивания имени академика Сергея Федоровича Платонова в Самаре. Улица Волжская, находящаяся рядом с основными корпусами Самарского государственного университета, была переименована в улицу академика Платонова. В парке Щорса на месте, где ранее располагалось городское кладбище, на котором был захоронен С.Ф. Платонов (точные координаты его погребения к настоящему времени не выявлены) весной 2008 года торжественно установили памятный знак, посвященный академику. Наконец, режиссером В. Бакировым был снят документальный фильм «Академик Платонов в Самаре». Необходимо отметить значимую роль в акциях по увековечению памяти пребывания С.Ф. Платонова в Самаре первого проректора Самарского государственного университета, доктора исторических наук, профессора Петра Серафимовича Кабытова и сотрудников кафедры российской истории, которой он руководит.

На пленарных заседаниях «Платоновских чтений» санкт-петербургские и самарские историки постоянно обращаются к творческому наследию и жизненному пути С.Ф. Платонова. Так, на одной из первых

конференций в 1997 г. в выступлении В.М. Панеяха в полемической форме были изложены обстоятельства «Академического дела», а также современная ситуация вокруг научного наследия выдающегося ученого. В 2000 г. был сделан доклад А.П. Павлова «Труды об опричнине и Смуте С.Ф. Платонова и их судьба в современной историографии», в котором представлено современное состояние вопроса об опричном режиме Ивана Грозного и новое осмысление трудов С.Ф. Платонова по этой проблеме. К наследию ученого и его современной интерпретации обращались в своих докладах М.Б. Свердлов («Русская историческая наука на рубеже веков: XIX-XX, XX-XXI вв.», 2001 г.) и Н.Н. Смирнов («Ученые и власть: власть и наука на переломе эпох», 2002 г.), О.Б. Леонтьева («Актуальное прошлое: Московская Русь в исторической памяти российского общества в трудах С.Ф. Платонова». 2007 г.) В выступлениях председателей Оргкомитета конференции П.И. Савельева и П.С. Кабытова постоянно звучит проблема сохранения и увековечения памяти пребывания С.Ф. Платонова в Самаре, поиска новых материалов о самарском периоде жизни ученого.

При всем разнообразии вопросов и проблем, рассматриваемых в докладах студентов и молодых ученых необходимо отметить, что уже традиционно на Платоновских чтениях затрагиваются темы, непосредственно связанные с именем С.Ф. Платонова. В 2000 г. аспирант Чувашского государственного университета Э.Н. Егоров представил доклад «С.Ф. Платонов и семья Яковлевых», в 2004 г. сообщение аспиранта Самарского государственного университета Д.В. Серых было посвящено участию выдающегося историка в работе Всероссийских Археологических съездов. В 2007 г. Лауреатом Чтений стала соискатель Омского государственного педагогического университета (Омск) Синенко А.А. с докладом «Поколения историков в «сети общения» С.Ф. Платонова». Обращение к трудам академика звучало неоднократно в самых разных выступлениях.

Для современной России особое значение имеет возрождение в среде вузовской молодежи творческой научно-исследовательской деятельности в сфере исторических и близких к ним гуманитарных наук, соединение вузовской и академической системы подготовки новых кадров. Необходимость активизации усилий в этом направлении осознается руководством страны, всеми здоровыми силами в российском обществе.

Мы считаем, что поддержка талантливой молодежи, предоставление молодым начинающим специалистам удобных и полезных форм общения, каковыми являются «Платоновские чтения», становится важным фактором оздоровления и подъема отечественной исторической науки и гуманитарного знания в целом. Ежегодная конференция — конкурс проводящаяся Самарским государственным университетом и

Санкт-Петербургским институтом истории РАН направлена для решения именно этих задач.

В течение всего срока проведения «Платоновских чтений» главным исполнителем проекта является Самарский государственный университет, а соисполнителем – Санкт-Петербургский институт истории РАН. В 1995-1998 гг. проектом руководил доктор исторических наук, профессор П.И. Савельев, с 1999 г. и по настоящее время оргкомитет чтений возглавляет первый проректор Самарского государственного университета доктор исторических наук, профессор П.С. Кабытов. Постоянными членами оргкомитета являются профессора СамГУ, доктора исторических наук Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов, а также другие ведущие ученые Самары.

Осуществление проекта «Платоновские чтения» является неотъемлемой частью всей системы научной и учебной работы Самарского государственного университета, ежегодных научных конференций молодых ученых и студентов. «Платоновские чтения» объединяют эту сферу научно-исследовательской деятельности в области исторических наук в единое целое не только в рамках Самары и других городов Поволжья, но также по территории всей Российской Федерации.

Активную научно-методическую помощь в проведении Чтений оказывает руководство Санкт-Петербургского Института истории РАН. Как правило, научные сотрудники Института принимают участие в работе Президиума одной из секций, выступают с докладами на пленарном заседании.

Ежегодно Платоновские чтения проводятся на базе Самарского государственного университета в первую пятницу и субботу декабря, а в последние годы – ноября – месяца. Конференция и сопутствующий ей конкурс работ молодых историков состоят из 2-х этапов. В первый день работают секции, на второй – назначается пленарное заседание.

Традиционно на протяжении всех почти полутора десятков лет (1999-2008 гг.) программа конференции включает работу четырех секций. Тематика и названия секций за это время претерпевали некоторые изменения, но, так или иначе, отражали круг научных интересов замечательного историка, памяти которого они посвящаются. В последние годы секции работали по следующим направлениям:

Секция 1. «Социально-экономическая история и международные связи России».

Секция 2. «Власть и общество в истории России».

Секция 3. «История общественной и исторической мысли, политических партий и движений в России».

Секция 4. «Русская культура».

«Платоновские чтения» стали одной из самых популярных конференций среди студенчества и молодых ученых Российской Федерации.

Этому способствуют регулярность их проведения, начиная с 1996 г., единство требований к уровню научных работ и составу участников в течение всего этого периода. Чтения имеют конкурсный характер. По положению о конференции в них могут участвовать аспиранты, научные сотрудники, преподаватели и студенты в возрасте не старше 30 лет, не имеющие ученой степени или звания. Целью проекта является содействие развитию научного творчества вузовской молодежи и пропаганда российского исторического наследия, путем подготовка и проведения конференции-конкурса молодых ученых в области гуманитарных наук.

В 2008 г. конференция собирается в четырнадцатый раз. В течение всего этого времени, начиная с 1996 г. – она показала свою высокую эффективность. Ежегодно в работе секций принимали участие от 140 до 200 студентов и молодых аспирантов, выступали с докладами 50-70 человек Все представленные в Оргкомитет конференции и прошедшие конкурсный отбор тезисы публиковались. В ряде городов Российской Федерации – Москве, Казани, Саратове, Волгограде, Оренбурге, Пензе, Саранске и других – сложился круг постоянных участников «Платоновских чтений».

О популярности конференции свидетельствует чрезвычайно широкая география участников, которая год от года охватывает все новые и новые регионы Российской Федерации. Украины и Казахстана. Заявки на участие в «Платоновских чтений» – 2008 подали студенты и молодые ученые из высших учебных заведений и научных центров более 20 городов России. Особенностью этого года явилось значительное количество заявок из вузовских и академических центров Центральной России, Урала и Сибири.

Источники финансового обеспечения Чтений различны и в течение всей истории их существования менялись. Длительное время конференция проводилась на средства Федеральной Целевой Программы «Интеграция». Затем основным источником финансирования были гранты Российского государственного научного фонда. И наконец, в последние годы существенную помощь в проведении Чтений оказывает Администрация Самарской области. Так, в настоящем 2008 году финансирование ряда мероприятий конференции-конкурса осуществлялось Министерством образования и науки Самарской области.

Остановимся более подробно на особенностях организации и итогах проведения XIV «Платоновских чтений». Подготовка конференции велась поэтапно. Ее подготовительный этап начался весной 2008 года. Он, как и все остальные организационные мероприятия проводился на базе исторического факультета и кафедры российской истории Самарского государственного университета. Из профессоров и преподавате-

лей вуза был создан Оргкомитет конференции, который возглавил профессор П.С. Кабытов. В состав Оргкомитета вошли:

Кабытов Петр Серафимович, первый проректор СамГУ, д.и.н., профессор;

Горелов Ю.Н., проректор СамГУ по научной работе, д.т.н., профессор;

Смирнов Ю.Н., декан исторического факультета СамГУ, д.и.н., профессор;

Дубман Э.Л., д.и.н., профессор кафедры российской истории СамГУ;

Тюрин В.А., доцент кафедры российской истории СамГУ, к.и.н.;

Серых Д.В., старший преподаватель кафедры российской истории СамГУ, к.и.н.

Аброскина И.С., лаборант кафедры российской истории СамГУ.

Члены Оргкомитета координировали всю совокупность мероприятий по проекту. Они руководили текущей работой по подготовке конференции; занимались информационным оповещением, обеспечением сбора заявок и тезисов, формированием программы, материально-техническим обеспечением «Платоновских Чтений» и их проведением, редактированием сборника тезисов. Оргкомитетом были сформированы тематика и президиумы всех 4-х секций «Платоновских чтений», создана коллегия профессоров, а также технический комитет по обеспечению работы конференции. В состав президиумов секций были включены ведущие профессора и преподаватели самарских вузов.

Помимо членов Оргкомитета в подготовке и проведении конференции активное участие принимали преподаватели и студенты исторического факультета Самарского государственного университета и других вузов Самары.

Весь цикл подготовительных работ по проекту был выполнен в течение второй половины мая – июня и сентября – первой декады ноября 2008 г. На начальной его стадии главная задача состояла в информационном оповещении учебных и научных учреждений, а также отдельных лиц о сроках и условиях проведения Чтений. Объявление о конференции было размещено на сайте в Интернете, в крупнейшие университетские центры Российской Федерации разосланы информационные письма. Члены Оргкомитета выступили перед студентами и преподавателями ряда вузов Самары с информацией о Чтениях. Реклама готовящейся конференции-конкурса осуществлялась также через местные средства массовой информации: газеты, радио, телевидение.

К середине октября 2008 г. в Оргкомитет поступило более 80 заявок и тезисов докладов из 26 городов Российской Федерации.

Отбор докладов для участия в конференции осуществлялся на конкурсной основе, комиссией состоящей из профессоров и преподавате-

лей Самарского государственного университета. Для включения в программу было рекомендовано 64 докладов, представленных 25 студентами и 39 аспирантами, соискателями, магистрантами, молодыми преподавателями и специалистами из 16 городов Российской Федерации. Среди них представители самарских вузов составили 36 человек (СамГУ – 30, СГПУ – 4, СГЭУ – 2, Самарский филиал МГПУ – 1); Москвы – 4 (МГУ – 3, ИРИ РАН – 1), Оренбурга – 2 (ОРГУ-2), Чебоксар – 1 (ЧГУ – 1), Пензы – 1 (ПГПУ – 1), Нижнего Новгорода – 1 (ННГУ – 1), Саратова – 1 (СГУ – 1), Казани – 5 (КГУ – 1, Институт истории АН Татарстана – 2, ТГГПУ – 2), Тольятти – 2 (ТГУ – 2), Волгограда – 5 (ВГПУ – 5), Екатеринбургa и Перми – 2 (Институт Истории и Археологии УРО – 2), Архангельска – 1 (ПГУ – 1), Челябинска – 1 (ЮУрГУ – 1), Белгорода – 1 (БГУ – 1), Смоленска – 1 (СГУ – 1).

К сожалению, по ряду причин, не все студенты и молодые ученые, включенные в программу «Платоновских чтений» смогли приехать в Самару

Работа конференции – конкурса “Платоновские чтения” проходила в 2 этапа:

- 14 ноября 2008 года состоялись заседания 4-х секций («Социально-экономическая история и международные отношения», «Власть и общество в истории России», «История общественной и исторической мысли, политических партий и движений России», «Русская культура»);

- 15 ноября 2008 года было проведено пленарное заседание.

На всех 4-х секциях прозвучало 53 доклада студентов и аспирантов.

Докладчики представляли классические университеты – Московский им. М.В. Ломоносова, Казанский, Нижегородский, Самарский, Саратовский, Поморский, Южно-Уральский, Чувашский, Белгородский; педагогические университеты – Самарский, Волгоградский; Самарский филиал Московского государственного педагогического университета, Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, Смоленский филиал Российского университета кооперации и т.д., а также академические центры – Институт Истории и Археологии Уральского Отделения РАН, Института истории Академии наук Республики Татарстан.

На первой секции «Социально-экономическая история и международные отношения» прозвучало 12 докладов. Диплом первой степени был присужден аспиранту СамГУ (Самара) Ларину А.Б. (доклад «Российско-иранское военное сотрудничество в 30-50-е гг. XIX века»); диплом второй степени – аспиранту Института истории и археологии УрО (Екатеринбург) Каменских М.С. (доклад «Применение труда китайских рабочих в послевоенном СССР (на примере Молотовской области)»); диплом третьей степени – магистрант ВГПУ (Волгоград) Мельников М.С. (доклад «Российская империя в контексте европей-

ского блокового противостояния накануне Первой мировой войны (1904-1914 гг.)).

Вторая секция «Власть и общество в истории России» – объединила 14 докладчиков – студентов и аспирантов. Диплом первой степени решением президиума секции присужден аспиранту СамГУ (Самара) Голубинову Я.А. (доклад «Продовольственный вопрос и народные волнения в Среднем Поволжье (1914-1917 гг.)»); диплом второй степени – студентке ТГГПУ (Казань) Низамиевой Н.К. («Введение латинского алфавита в ТАССР: теория и практика (1920-1930-е гг.)»); диплом III степени – аспирантке ТГГПУ (Казань) Хайруллиной А.И. (доклад «Деятельность казанского отделения «European Student Relief» (ЕСП) в 1922-23 гг.»).

В секции «История общественной и исторической мысли, политических партий и движений России» выступили с докладами 12 студентов и аспирантов. Диплом первой степени был присужден аспирантке СГЭА (Самара) Воеводиной А.А. («Христианские либералы о Первой мировой войне»); диплом второй степени – аспирантке СГПУ (Самара) Гомоновой С.А. (доклад «Изучение политической полиции Российской империи историками зарубежных стран»); диплом III степени – магистранту ВГПУ (Волгоград) Гайдашеву А.В. («Донское казачество в Великой Отечественной войне»).

Секция «Русская культура» была представлена 15 докладчиками. Дипломом первой степени награжден соискатель КГУ (Казань) Клековкина Н.В. (доклад «Модель повседневности советского общества: перспективы разработки биографических сведений»); дипломом II степени – магистрант ВГПУ (Волгоград) Липатов А.В. (доклад «Власть и деятельность Сталинградских художников и писателей во второй половине 1950-х гг.»); дипломом III степени – аспирант СамГУ (Самара) Рогач А.А. (доклад «Театральная жизнь в Самарской и Саратовской губерниях в годы Гражданской войны»).

Доклады участников секционных заседаний были посвящены самой разнообразной тематике и хронологическим периодам. Необходимо отметить, что на Чтениях 2008 г. увеличилось количество сообщений по более ранним периодам русской истории – XVI – XVIII вв. Большинство докладов прозвучавших на конференции вызвало живой интерес присутствующих, большое количество вопросов. Нередко на заседаниях секций завязывалась оживленная дискуссия.

После секционных заседаний для иногородних участников конференции была проведена экскурсия по памятным историко-культурным местам Самары, возложены цветы к памятному знаку, посвященному академику С.Ф. Платонову.

15 ноября 2008 г. состоялось пленарное заседание XIV Всероссийских чтений. На его мемориальном этапе всем собравшимся был пока-

зан снятый в 2008 г. режиссером В. Бакировым документальный фильм «Академик Платонов в Самаре».

На конкурсном этапе пленарного заседания выступили с докладами победители всех 4-х секций. Для присуждения звания Лауреата Платоновских чтений была создана коллегия профессоров. Звание Лауреата Платоновских чтений было присуждено соискателю Казанского государственного университета (Казань) Н.В. Клековкиной за доклад «Модель повседневности советского общества: перспективы разработки биографических сведений».

В завершение пленарного заседания состоялся обмен мнениями о перспективах развития исторической науки в России, значимости все-российских форумов научной молодежи. Все участники Чтений высказались о безусловной необходимости продолжить работу конференции, не прерывать сложившуюся традицию.

Важным итогом XIV Платоновских чтений явилась подготовка и издание сборника тезисов всех участников конференции, прошедших конкурсный отбор. Материалы сборника отразили многообразие научных интересов, возросший уровень исследовательской работы, источниковедческого анализа и владения методологией.

Информации о конференции была размещена в сети Интернет на сервере Самарского государственного университета, опубликована в периодической прессе.

Можно с уверенностью сказать, что основные цели и задачи конференции выполнены. «Платоновские чтения» стали традиционным форумом молодых ученых, объединяющим вузовскую молодежь многих университетских городов России. Итоги Чтений показали, что в ведущих вузовских центрах страны ведется активная научно-исследовательская работа. Значительную роль в этом процессе играет молодое пополнение академической среды.

Участники и Оргкомитет «Платоновских чтений» считают, что существует настоятельная необходимость расширить географию вузовских центров, представленных своими сотрудниками и студентами на конференции-конкурсе, а также количество секций.

*П.С. Кабытов,
Э.Л. Дубман,
Ю.Н. Смирнов*

СЕКЦИЯ I.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ РОССИИ

Э.И. Газизуллина
*Самарский государственный
экономический университет*

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СЛАВЯН И ХАЗАР

Уже более двух столетий в отечественной и зарубежной историографии не утихают споры о значении хазар и созданного ими государства в истории восточных славян и Древней Руси, о характере славяно-русско-хазарских отношений. Но бесспорным остается только одно: Хазария сыграла большую роль в развитии восточнославянских народов и в становлении средневекового русского государства.

В хронологии взаимоотношений хазар и восточных славян можно выделить два этапа: 1 этап – это Восточные славяне и Хазарский каганат (VIII – первая треть IX вв.); 2 этап – Хазария и Киевская Русь (IX – X вв.).

На первом этапе взаимоотношения хазар и восточных славян характеризуются, с одной стороны, даннической зависимостью последних, а с другой, борьбой с завоевателями, строительством укрепленных поселений – «градов», и объединении многих восточных славян вокруг стольного города Киева. «Главной... особенностью Восточной Европы той поры являлась зависимость значительной ее части от такого сильного государства, как Хазария... Именно это и побуждало общины Восточной Европы пригласить на условиях договора... предводителей варяжских дружин, Рюрика, Аскольда, Дира и др.»¹ Таким образом, под руководством полян их соратники ликвидировали хазарское владычество².

В дальнейшем, отношения Руси и хазар определялись военным и торговым соперничеством. Внешняя политика Руси в течение длительного времени характеризовалась:

во-первых, стремлением обойти Хазарию в географическом плане, т.е. в попытках найти альтернативу Волжскому торговому пути, на котором терялась существенная часть торговых барышей в виде пошлины хазарам;

во-вторых, разбойными нападениями русов на прикаспийские хазарские земли (864-884 гг., 909-910 гг.) и на Византию;

в-третьих, подписанием русско-византийского договора 944 г., направленного против хазар³;

в-четвертых, присоединением к «Русской земле» оставшихся хазарскими данниками вятичей и окончательной ликвидации хазарского экономического и военного потенциала (походы Святослава на главные хазарские города и разрушение торговых путей в 965 г.).

Отношения Хазарии и восточных славян были сложными и неоднозначными. Помимо противостояния между ними происходил активный торговый и культурный обмен. По мнению Ключевского, поляне, северяне, радимичи и вятичи, будучи данниками Каганата, учились у опытных хазарских купцов торговать со странами востока⁴.

Кроме того, до принятия христианства древнерусская культурная традиция находилась под значительным влиянием хазарской иудейской культуры. Например, в древнерусском законодательстве, особенно в «Русской правде», многие статьи заимствованы из талмудического права. Более того, титул верховного правителя русов — «каган» — был напрямую заимствован у хазар. Этот титул сохранялся киевскими князьями вплоть до Ярослава Мудрого. Русы использовали хазарский термин «бояре» («боляре») для обозначения высшей социальной прослойки общества. В начале X в. у русов образуется дуальная структура верховной власти (Аскольд и Дир, Олег и Игорь, Ольга и Святослав, Ярослав Мудрый и Мстислав Владимирович Черниговский и т.д.), также заимствованная у хазар, однако без сакрализации верховного правителя. В ритуальных предметах самого большого русского кургана — Черной могилы в Чернигове — и найденных там произведениях прикладного искусства прослеживается явное хазарское культурное влияние.

Таким образом, исследование славяно-русско-хазарских отношений продолжается. Хазары создали обширное государство, с их помощью Византия выстояла в схватке с Арабским халифатом. Одного этого достаточно, чтобы обеспечить хазарам прочное место на страницах мировой истории и в истории нашей страны.

Примечания

¹ Новосельцев, П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель / П. Новосельцев // Вопросы истории. — 1991. — № 2-3.

² Михайлова, И.Б. Племенные центры Киевского Поднепровья / И.Б. Михайлова // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. — Сер. 2. — Вып. 1. — № 2. — 1993.

³ Сахаров, А.Н. Дипломатия Святослава / А.Н. Сахаров. – М., 1982. – С. 96.

⁴ Россия и Степной мир Евразии: очерки / Под ред. Ю.В. Кривошева. – СПб., 2006. – С. 53.

В.В. Кистенев

Самарский государственный университет

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ В РОССИИ ПРИ ПЕТРЕ I

Важным направлением в реформаторской деятельности Петра I являлось создание новой системы институтов государственного управления. Существенным аспектом в этом процессе становится организация и деятельность новых центральных органов управления промышленностью в России первой четверти XVIII в.

Следует отметить, что в специальной научной литературе данной проблеме, на наш взгляд, не уделяется должного внимания. Эти вопросы отчасти рассматривались в трудах А.М. Лоранского, С. Князькова, Г. Чичерина, С.М. Троцкого, А.Н. Медушевского, но лишь в качестве аспекта более широких или взаимосвязанных тем. Цель данной статьи – изучить создание новых центральных органов государственного управления промышленностью в России при Петре I.

Источниками нам послужили ведомости и отчеты предприятий, направляемые в центральные органы управления промышленностью, распоряжения Берг и Мануфактур коллегии, указы Петра I – хранящиеся в фондах Государственного архива древних актов, Полное собрание законов Российской империи.

Государственное управление промышленностью сложилось впервые только при Петре I. Первоначально оно возникает как управление рудными промыслами. Все функции и полномочия в этом отношении были предоставлены воеводам на местах. Единого аппарата в столице не имелось¹, по крайней мере сведений об этом нет.

С 1560 г. в горные дела вмешивались: Посольский Приказ, Приказ Большой Казны, Сибирский Приказ, Оружейная палата и Пушечный Двор, а с 1660 г. они были поручены Приказу Большого Дворца². В 1699 г. «рудокопные дела» были сосредоточены в Приказе Большой Казны. А с 24 августа 1700 г. по именному указу Петра I образован Приказ рудных дел³.

В данном центральном учреждении впервые были сосредоточены исполнительная, контролирующая и судебная функции в области ру-

докопного дела в России. Приказ относился с докладами непосредственно к Петру I⁴.

Однако через 11 лет царь посчитал необходимым ликвидировать этот Приказ: «В нынешнем июне 1711 г. по велению великого государя указу Приказу Рудных дел быть не велено. Дьяков и подъячих того Приказа определить к иным делам, где надлежит...А велено того приказу дела разослать по губерниям, дабы то дело каждый губернатор в своей губернии усматривал»⁵.

Несмотря на то, что управление всеми горными делами и заводами в 1715 г. вновь сосредотачиваются в одном учреждении, стало понятно – приказная административная система уже не могла отвечать задачам и потребностям внутренней политики страны, и в частности, развитию крупного промышленного производства.

В 1717 г. в связи с введением «коллежской системы» Приказ рудных дел был упразднен и учреждена Берг и Мануфактур коллегия⁶ для управления казенными и надзора за частными горными промыслами и мануфактурами. Коллегия располагалась в г. Петербурге.

В состав коллегии по реестру должны были входить: президент, вице-президент, 4 коллежских советника, 4 коллежских асессора, натарий (секретарь), актуарий (эксекутор), регистратор, переводчик и подъячии трех статей, а также иностранцы – советник или асессор, секретарь и шкрейвер⁷.

Президентом Берг и Мануфактур коллегии с 1717 г. до 1722 г. являлся Я.В. Брюс⁸ – сотрудник и приближенный Петра I, вице-президентом – приятый на русскую службу барон фон-Люберас⁹.

Коллегия принимала решения большинством голосов своего состава. К коллегии также относилась ее канцелярия, однако она выполняло только технические функции документооборота учреждения¹⁰.

Берг и Мануфактур коллегия – высшее центральное учреждение, выполняло исполнительную, контролирующую, судебную функции в управлении промышленностью России с 1717 по 1722 г. Кроме того, принимала на себя роль специального технического учебного центра¹¹.

В 1722 г. произошло ее разделение на Берг коллегию и Мануфактур коллегию. В 1722 г. также вышло распоряжение царя о том, что каждой Коллегии необходимо иметь в Москве и контору для «суда и управления по указам Коллегии»¹². Так возникла Берг-Контора в Москве. До 1728 г. она именовалась Московским обер-берг-амтом¹³.

На местном уровне за исполнением указов Петра I и Берг и Мануфактур коллегии следили губернаторы и воеводы¹⁴. Еще одним важным органом контроля являлись специальные эмиссары царя, в обязанность которых входил надзор за ходом работ, они также наделялись полномочиями прямого вмешательства в управление предприятием¹⁵.

Исходя из анализа имеющихся источников и специальной литературы можно выделить структуру государственного управления промышленностью в первой четверти XVIII в. Она представляла собой систему государственных институтов прямого подчинения:

Таким образом, в первой четверти XVIII в. изменяется система институтов управления промышленностью. На наш взгляд уместно выделить по крайней мере два этапа этого процесса: 1) 1700-1717 гг., когда управление всеми рудокопными делами и заводами сосредотачивается в одном Приказе рудных дел, 2) 1717- первая половина 20-х годов XVIII в. – введение «коллежской системы» управления, организация Берг и Мануфактур коллегии.

Создание и деятельность Берг и Мануфактур коллегии стала качественно новым этапом в становлении центральных органов государственного управления промышленностью в России. Произошло расширение объекта управления; централизация, регламентация и дифференциация функций и процедур деятельности аппарата управления.

Следует отметить, что эти преобразования способствовали быстрому развитию государственной промышленности, за время царствования Петра I было создано около 200 крупных промышленных предприятий¹⁶.

Примечания

¹ Лоранский, А.М. Краткий исторический очерк административных учреждений Горного ведомства в России 1700-1900 гг. / А.М. Лоранский – СПб., 1900. – С. 4.

² Там же. – С. 4.

³ Техника в России с XVII в. до 60-х годов XIX в. // Очерки истории техники в России с древнейших времен до 60-х годов XIX в. – М., 1978. – С. 117.

⁴ Лоранский, А.М. Краткий исторический очерк административных учреждений Горного ведомства в России 1700-1900 гг. / А.М. Лоранский – СПб., 1900. – С. 6.

⁵ Дело об упразднении Рудного Приказа и о россылке его дел по губерниям, со сведениями о деятельности Приказа с 1700 г. // Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. (Сенат и его учреждения). – Оп. 1. – Кн. 2. – Л. 83-84.

⁶ Медушевский, А.Н. Административные реформы в России XVIII – XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе. Научно-аналитический обзор. / А.Н. Медушевский. – М., 1990. – С. 6.

⁷ Реестр людям в Коллегиях в каждой по сему 1717 г., 11 декабря // ПСЗ. – Т. V. – № 3129.

⁸ РГАДА. Ф. 154. (Жалованные грамоты на вотчины, чины и дворянство). – Оп. 2. – № 162. – Л. 10-11.

⁹ Троицкий, С.М. Об использовании опыта Швеции при проведении административных реформ в России в первой четверти XVIII в. / С.М. Троицкий // Вопросы истории. – 1977. – № 2. – С. 68.

¹⁰ Бушуев, С.В. История государства Российского: Историко-библиографические очерки. / С.В. Бушуев. Кн. 2. – М., 1994. – С. 317.

¹¹ РГАДА. Ф. 271. (Берг-Коллегия). – Оп. 1. – Кн. 4. – Л.об. 76.

¹² Цит. по: Лоранский, А.М. Краткий исторический очерк административных учреждений Горного ведомства в России 1700-1900 гг. / А.М. Лоранский – СПб., 1900. – С. 16.

¹³ Центральный государственный архив древних актов СССР: Путеводитель: в 4 т. / М.Ю. Эскин, М.В. Бабич, Е.Ф. Желоховцева. – М., 1992. – Т. 2. – С. 133-134.

¹⁴ Чичерин, Г. Областные учреждения России / Г. Чичерин. – М., 1856. – С. 574., Князьков, С. Очерки из истории Петра Великого и его времени / С. Князьков. – Пушкин, 1990. – С. 210., РГАДА. – Ф. 9. (Кабинет Петра I) – Отд. 2. – Кн. 82. – Л. 420-421.

¹⁵ РГАДА. — Ф. 271. (Берг-Коллегия). — Оп. 1. — Кн. 4. — Л. 228.

¹⁶ История русской экономической мысли. — Т. 1. Эпоха феодализма. — М., 1955. — С. 270.

Т.В. Марцун

*Самарский филиал Московского
городского педагогического университета*

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЕ СВЯЗИ САМАРСКОГО И УФИМСКОГО КУПЕЧЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В современном историческом и экономическом развитии, важны факты установленных связей между регионами, которые образовались в дореволюционный период. Интересен вопрос, по каким критериям можно рассматривать связь между городами, и почему именно они стали вести торговлю или вкладывать денежные средства в развитие промышленности. Цель данной работы заключается в раскрытии причин установления торгово-промышленных связей между городами, рассмотрения роли купечества в таких отношениях.

Еще до образования Самарской губернии, город уже был центром хлебной торговли. Этому способствовало, очень удобное месторасположение — на главном водном пути, реке Волге¹. Река связывала уезды некоторых соседних губерний, например: Бузулукский, Бугурусланский, Бугульминский уезды Оренбургской губернии, Николаевский и Новоузенский — Саратовской, Ставропольский — Симбирской, которые впоследствии вошли в состав Самарской губернии, образовавшейся 1 января 1851 года.

Термин «торговля», означает следующее — это хозяйственная деятельность по обороту, купле и продаже товаров². А в XIX веке товары делились по нескольким категориям: колониальные и крестьянские.

Продажа колониальных товаров была постоянной, хотя ей не уступала и местная торговля, товары производились в Самаре имели земельное происхождение³.

О становлении Самары как хлебного центра говорят еще несколько фактов, если во многих городах и губерниях в зимнее время торговля хлебом и сообщение между ними приостанавливалась, то в Самаре ярмарки и торговцы устраивались прямо на льду⁴. Естественно это положительно сказывалось на развитии экономики, богатстве и росте города. Еще на развитие «земледельческой промышленности»⁵ способствовало богатство почвы, обилие земель, преобладание над крепостным населением свободного, купцов и мещан. Конечно, все это привлекало именно эти слои населения, так как в середине XIX века они являлись

динамично развивающимися предпринимателями, которые способствовали установлению связей Самары и Уфы.

В Самару хлеб привозили из разных концов губернии, существовали некоторые нормы привоза хлеба, например, «... до трех тысяч возов в сутки считается здесь слабым, до пяти тысяч — средним, до 10-ти тысяч возов — хорошим...»⁶.

Привезенный хлеб хранился в хлебных амбарах, стоявших на берегах Волги и Самары. Как правило, хлеб сортировался по качеству или его сорту. Существуют некоторые данные о количестве проданного хлеба: в 1850 году отправлено по Волги из Самары 500000 четвертей хлеба, а в 1875 г. отправлено тем же путем 1245000 четвертей хлеба⁷, так же из Самары вывозились следующие культуры: мука, семя льняное, овес⁸. Об этом пишут и самарские газеты: «в Самару в настоящее время столько везется хлеба, что площади и улицы иногда совершенно наполняются обозами. Цены на нижний и средний сорт пшеницы очень упали и колеблются между 17 и 25 коп. серебром за пуд, на высший ее сорт постоянно держатся около 50 коп. серебром за пуд. Покупателей много на хлеб всякого рода. Базарные цены на жизненные продукты здесь в настоящее время очень умеренны, потому как много из селений привозится в Самару: индейка продается по 23 и 25 коп. серебром за штуку; пара тетеревей — 23 коп.; поросенок — 20 и 25 коп.; говядина — от 80 до 90 коп. за пуд; масло коровье — от 3 до 4 руб. за пуд; картофель — 10 коп. за пуд.»⁹. Также о ценах на хлеб писала другая самарская газета: «... говядины пуд продается от 40 до 80 копеек серебром; баранины 60-90 коп.; гусь стоит 25 коп.; индейка 23 коп.; курица 8 и 9 коп.; мука пшеничная от 25 до 35 коп. за пуд, ржаная 18-21, овес 17-19 коп.»¹⁰.

Торгово-промышленные связи между Самарой и Уфой стали формироваться еще перед созданием губерний, Уфа до 1865 года входила в состав Оренбургской губернии, а Самара в Симбирскую. Как писал П.В. Алабин: «... к Самаре хлеб стягивается с большей части уездов Самарской губернии, из Восточной части Области Уральского — Казачьего войска, — с части Оренбургской губернии, — наконец, с некоторых пространств губерний Симбирской и Казанской»¹¹. Об этом говорят и самарские архивы, в середине XIX века, как и в современном мире перед торговой и финансовой сделкой составлялся контракт, самарские и уфимские купцы обговаривали его условия в конторе городского маклера: «явил контракт Оренбургской губернии крестьянин Никита Дьячков, въ коемъ значится, 1849 года апреля 19 дня я нижеподписавшийся Оренбургской губернии ... крестьянин Никита Андреев Дьячков. Данъ сей контракт самарскому 3-й гильдии купцу кому сыну Илье Григорьеву Подурову в том, что...»¹².

Уфимская губерния по списку населенных пунктов и сведениям за 1870 год, так же имела интенсивное экономическое развитие. Об этом говорят некоторые сведения: наличие торговых лавок, частных и госу-

дарственных магазинов: «Лавок: общественных 199, частных 318. Магазинов для склада товаров: казенных 2, частных 6. Заводов 38: салотопенных 7, свечных 5, мыловаренных 3, кожаных 6, паточный 1, водочных 5, кирпичных 10, спичечный»¹³.

Более интенсивный рост торговых и промышленных связей оказали некоторые события. В первую очередь это «великие реформы», проводимые императором Александром II. А так же строительство железной дороги: «... 20-го Марта 1881 года губернская земская собрания и городская думы — Самарская и Уфимская совместно с уполномоченными съезда заводладельцев Южного Урала, через своих нарочито выбранных доверенных лиц, вошли с формальным прошением к господину Министру Путей Сообщения, ходатайствуя о продолжении рельсового пути от одного из пунктов Оренбургской железной дороги близ города Самары на г. г. Уфу и Златоуст, до соединения с Сибирской железной дорогой...», как писал П.В. Алабин в своей книге. Можно увидеть, что обе губернии были заинтересованы в укреплении торговых и промышленных связей. Финансирование производилось из губернского бюджета обоих городов¹⁴.

Российское предпринимательство достигло такого размаха, что у наиболее крупных торговых домов стали появляться филиалы по всей стране. Например самарский Торговый Дом «Д.Е. Челышов с С-ми», имел в Уфе свое отделение¹⁵. На официальном документе Торгового дома, стояла следующая запись: «... Производство малярных и кровельных работ на Самаро — Златоустовской, Ташкентской и Сибирской железных дорог. Отделения: в Уфе, Челябинске, Петропавловске, Омске...»¹⁶ В городе находилось Самарское отделение русского общества «Всеобщая компания электричества, которое заключило договор с начальником Самаро-Златоустовской железной дороги чтобы устроить электрическое освещение в Уфимских мастерских, которые располагались в Самаре¹⁷. По самаро-златоустовской ветке в Уфу в 1911 году было отправлено: двигатели Дизеля, перила вокруг маховика, резервуар для нефти, фильтр для нефти, фильтр для масла, кронштейны для масла, кронштейны над фильтром, покрытие ям рифленое железом общая сумма 17800, срок изготовления — 6 месяцев¹⁸.

В начале XX века, существовала контора Товарищества нефтяного производства «Братья Нобель», она имела отделения в разных российских городах, в том числе Самаре и Уфе. В «Отчете Самарской паровой мельнице Товарищества Якова Гавриловича и Ивана Яковлевича Соколовых в Самаре отъ мельничной конторы за май 1917 г.», можно увидеть, что по счету — разных лиц, «Братьев Нобель», поступило полубочек из под масла 4 шт. — 120р.¹⁹ А в Уфе существовало отделение этого товарищества, и оно взаимодействовало с отделением в Самаре. Товарищество Соколовых имели счета Каспийского Товарищества, филиал которого находился в Уфе²⁰. Вторым можно считать, «Товари-

щество Пивоваренного завода», владельцем которого был. А. фон Вакано. Жигулевское пиво, производимое заводом имело огромный успех не только в Самаре, но и в других российских городах. Оно удостаивалось множеством золотых медалей. Завод имел свои филиалы в российской империи и в том числе в Уфе. В справочной книге города Уфы за 1908 год, можно увидеть рекламу Пивоваренного завода: «жигулевское пиво. Заводской склад, собственное здание товарищества в городе Уфе, Вавиловская улица (Конный базар)»²¹.

В итоге можно сказать, что формирование на развитие торгово-промышленных связей в самаро-уфимском регионе было связано с экономической модернизацией общества. Первое это, реформы 60-х гг., второе – строительство Самаро-Златоустовской железной ветки. Взаимосвязь между городами, как правило, осуществляло именно купечество, как самый интенсивно развивающийся класс. Также взаимосвязь осуществлялась с помощью родственных и дружеских связей. Купечество являлось владельцами множества фабрик, заводов, товариществ, например «Братья Нобель», товарищество Соколовых, пивоваренный завод фон Вакано.

Примечания

¹ Казарин, В. Приволжский Орлеан / В. Казарин, Т. Федотова // Волга. – 1999. – №12.

² Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка – М., 1995. – С. 792.

³ Казарин, В. Приволжский Орлеан / В. Казарин, Т. Федотова // Волга. – 1999. – №12.

⁴ Там же.

⁵ Алабин, П.В. Двадцатипятилетние Самары, как губернского города (историко-статистический очерк) / П.В. Алабин. – Самара, 1877. – С. 78.

⁶ Там же.

⁷ Алабин, П.В. Трехвековая годовщина города Самары / П.В. Алабин. – Самара, 1887. – С. 91.

⁸ Архангельский, И.А. Город Самара. Исторический очерк / И.А. Архангельский. – Самара, 1935.

⁹ Самарские губернские ведомости. – 1854. – 23 Января.

¹⁰ Самарские губернские ведомости. – 1854. – 14 Ноября.

¹¹ Там же.

¹² ГАСО. – Ф.191. – Оп.1. – Д.1. – Л.6.

¹³ Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течение 1866 и 67 гг. – Уфа. – С. 71.

- ¹⁴ ГАСО. – Ф. 215. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 11.
¹⁵ Там же. – Ф. 153. – Оп. 30. – Д. 24. – Л. 1.
¹⁶ Там же.
¹⁷ Там же. – Ф. 800. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 8.
¹⁸ Там же.
¹⁹ Там же. – Ф. 759. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 6.
²⁰ Там же.
²¹ Справочная книга г. Уфы. – Уфа, 1908. – С. 223.

М.С. Мельников

*Волгоградский государственный
педагогический университет*

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО БЛОКОВОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1904 – 1914)

Целью данного исследования является изучение места и роли Российской империи в европейской и мировой политике в условиях блокового противостояния в Европе накануне Первой мировой войны.

В отечественной и зарубежной историографии XX века, особенно в первой его половине, Россия предстает союзницей Франции и в последствии Великобритании, которые объединились с исключительной целью: сохранить существующий мировой порядок и при возможности, увеличить свои владения, путем поглощения более слабых и ослабления молодых государств. При этом исключались такие факторы, как тайные переговоры, настроения общества в России и европейских государствах, наконец, актовые документы министерств государств, так или иначе втянутых в блоковое противостояние в Европе. Об этом писали такие историки, как Дж. Гобсон, Г. ГейдORN, Чарльз Сароли. Особенная позиция сложилась в советской историографии, представленная А.С. Ерусалимским, В.Н. Астафьевым и многими другими историками. Согласно советской традиции, Антанта была не более чем объединением империалистических государств для защиты интересов своих правительств. Лишь в 30-40-е годы XX века и последующие года оценка стала отходить от критической, по крайней мере, на Западе. Известный английский историк и публицист Джайлз Макдоно, Л. Фей, Г. Хальгартен и другие историки в 1960-х годах стали писать о внутриблоковых противоречиях участников Антанты и Тройственного союза. С рассекречиванием целого пласта архивных документов изучение стало более

объемным. В современной исторической науке популярна точка зрения, согласно которой противоречия между Англией и Россией были существеннее, нежели противоречия между Россией и Германией, те же процессы выявляются и между другими европейскими государствами – участниками военно-политических блоков. Сейчас эта проблема весьма актуальна в современной историографии.

При изучении роли и места России в европейском политическом кризисе начала XX века необходимо учитывать следующие факторы: наличие противоречий внутри военно-политических блоков; открытие новых источников по данной проблематике; появление новых научных публикаций, требующих систематизации; изучение и привлечение социологических сведений, отражающих настроение в российском обществе накануне войны.

Российская империя, равно как и другие участники Антанты и Тройственного союза принимала активное участие в мировой и европейской политике. Поэтому, на наш взгляд, важно рассмотреть основные направления внешней политики России в Европе, показать ее солидарность с политикой основных европейских стран, ее отличие от союзников по Антанте и противников. Для того, чтобы показать вектор внешнеполитического курса России, мы посчитали возможным привести несколько международных кризисов в качестве примера, прежде всего это балканские проблемы (с 1909 по 1914 года), позиция империи по отношению к Германии и Великобритании в условиях напряженности отношений между ними, некоторые другие.

Необходимо так же сделать попытку рассмотреть часть источников по данной проблеме, связанных с европейскими партнерами России (актовые документы министерств иностранных дел Германии, Франции и Англии, стенограммы заседаний парламентов этих стран, наконец, дипломатическая и личная переписка государственных деятелей). В работе, частности, использовался ряд законодательных актов, принятых в период с 1904 по 1914 года в России, Великобритании, Германии, Франции; уделено внимание стенограммам заседаний Государственной думы, Английского Парламента и Рейхстага, так как именно эти документы дают возможность оценить роль и место политических партий в охватившем Европу кризисе. Кроме того, предпринят краткий анализ частной и официальной переписки, которую вели различные государственные деятели (проанализированы письма Николая II к Вильгельму II, циркуляры МИД Российской империи и внешнеполитического ведомства Англии и некоторых других стран).

Особую роль в раскрытии темы играет периодическая европейская и отечественная печать изучаемого периода (“Figaro”, «Московские ведомости», “The Times” и др.), материалы которой позволяют расширить картину событий и дополнить ее примерами, характеризующими развитие общественное мнение.

Не менее важной является и роль политических партий и их видение важнейших международных процессов, в которых принимала участие Россия. В работе рассмотрены проистекавшие процессы в призмах политической палитры партий в России и за границей; предпринят поиск ответа на вопрос, были ли российские социалисты солидарны со своими европейскими партнерами; отмечена роль консервативных кругов в формировании внешнеполитического курса России, роль либералов в общественной оценке нарастающего кризиса международных отношений. Политические партии, наравне с печатными изданиями, по сути, формировали общественное мнение, и в таком важном вопросе как кризис международных отношений это особенно актуально.

Наконец, в работе обращается внимание и на последствия действий российской дипломатии в начале XX века, ее роль в «отсрочке» разрешения кризиса военным путем.

А.В. Яблокова

*Самарский государственный
педагогический университет*

РАДИО В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920-Х ГОДАХ

Несмотря на появление радио в конце XIX века начало широкого применения его в России связано с периодом Гражданской войны. В те годы все проводные средства дальней связи были сильно разрушены. Поэтому в этих условиях наиболее эффективным оставался радиотелеграф. В связи с этим 21 июля 1918 года СНК опубликовал декрет, который положил начало планомерной радиофикации Советской Республики¹.

Она стала возможной, в первую очередь, за счет бывших военных приемно-передающих станций, расположенных в Смоленске, Киеве, Самаре, Астрахани, Ростове, Ташкенте, Кушке, Чите, Якутске, Хабаровске, Тифлисе, Баку и Симбирске. В 1922 году страна имела уже 35 мощных передающих радиостанций вместо 7 маломощных станций в 1920 году².

Много телеграфных линий в Самарской губернии было разрушено чехословаками. Самара обслуживалась проводным телеграфом, который был перегружен военными сообщениями. Поэтому местные учреждения получали распоряжения из центра и доносили информацию в Москву и по губернии с опозданием в трое суток и более. В обслуживании населения связью помогала радиостанция штаба четвертой армии. Установленная в Самаре приемная радиостанция почтово-теле-

графного ведомства не удовлетворяла условиям телеграфной связи из-за неудачного места расположения.

Во всей губернии не было ни одной передающей станции, однако приемных было семь. За полгода (декабрь 1918 г.- апрель 1919 г.) в Самарской губернии были установлены радиостанции в Бугуруслане (5 декабря 1918 г.)³, в Бугульме (14 января 1919 г.)⁴, в Бузулуке (20 марта 1919 г.)⁵. 22 января 1919 года закончилась установка приемной радиостанции в Самаре⁶.

Многие уездные города из-за отсутствия в них радиосвязи совершенно лишались информации. Одним из таких городов был Балаково. Он имел одну телеграфную линию: Самара – Пугачев – Балаково – Покровск – Саратов. Она находилась в распоряжении Туркестанского фронта и не обслуживала нужды города. По почте даже во время навигации Балаково неделями не получал никаких сведений. А после периода навигации, лишившись источников информации, в Балаково была закрыта и местная газета⁷.

Самарская радиостанция находилась в районе военных действий, и с 31 марта 1919 года она перешла в подчинение военным властям действующей армии, хотя ее хозяйственными делами ведало Самарское губернское почтово-телеграфное управление. Поэтому жители Самары получали лишь отрывочные сведения с фронтов. Из-за низкой заработной платы и мобилизации радиоработников штат специалистов резко сократился, что привело к нестабильной работе радиостанции. В связи с этим отдел связи 21 августа 1922 года открыл четырехмесячные курсы радиотелеграфистов⁸.

В Самаре прием информации по радиотелеграфу осуществлялся из городов: Москва, Николаев и Ташкент. Две местные газеты «Коммуна» и «Серп и молот» с тиражом от 70 до 100 тысяч экземпляров на 80-90% получали материал от радиостанции. В Самаре были установлены 7 витрин, в которые каждое утро выставлялся «Плакатный вестник», содержащий информацию радиосводок «РОСТА». Ежедневно он передавался в 22 телеграфных пунктах, расположенных на прямых проводах от Самары по всей губернии. «Плакатный вестник» также рассылался с железнодорожного телеграфа по двум линиям: Самаро-Златоустовской (от Самары до Уфы) и по Ташкентской (от Самары до Оренбурга). Таким образом, около двухсот железнодорожных пунктов получали «Плакатный вестник»⁹.

Самарская радиостанция находилась на углу улиц Советской и Ленинградской в доме номер 90. Ее заведующим был А.А. Королев¹⁰. В конце мая 1922 года на радиостанции сгорел стеклянный масляный конденсатор. Его удалось заменить бумажным, который вскоре вышел из строя. Это привело к тому, что Самарская радиостанция несколько дней не функционировала. Ее работу пришлось выполнять военной

радиостанции парохода «Сарапулец». Полгода на Самарской радиостанции не принималось никакой корреспонденции.

14 февраля 1923 года газета «Коммуна» сообщила, что после долгого перерыва в Самаре начала действовать радиостанция. С возобновлением ее работы был открыт прием частных радиотелеграмм по тому же тарифу, что и за телеграммы, отсылаемые проводным телеграфом. Они принимались во всех пунктах, где имелись радиостанции с двухсторонней связью (в Саратове, Уфе, Оренбурге, Симбирске, Царицыне, Нижнем Новгороде)¹¹.

С установлением регулярного радиовещания в нашей стране начинается развитие радиолобительства и, соответственно, увеличивается количество радиоустановок. В Самаре к середине 1925 года насчитывалось до 25 приемных установок. По данным Н.Е. Колодина, «помимо государственных установок при Самарском, Бугурусланском, Бузулукском, Пугачевском и Мелекесском почтово-телеграфных отделениях имелись установки при редакции газеты «Коммуна», в Доме Крестьянина, при Эльмаштресте, при комитете торговых служащих частных предприятий и при местном управлении округа связи. Также радио было установлено при клубах и в четырех частных квартирах»¹².

Примечания

¹ Колодин, Н.Е. Покоренное пространство / Н.Е. Колодин. — Самара: Кн. изд-во, 1997. — Т.2. — С.150.

² Там же.

³ РГАЭ. — Ф.3527. — Оп.9. — Д.230. — Л.12.

⁴ Там же. — Л. 13.

⁵ Там же. — Д.228. — Л.23.

⁶ Там же. — Л.9.

⁷ Там же. — Л.67.

⁸ ГАСО. — Ф.Р-160. — Оп.5. — Д.3. — Л.23.

⁹ РГАЭ. — Ф.3527. — Оп.9. — Д.230. — Л. 51ОБ-52.

¹⁰ Вся Самара на 1925 год. — Самара, 1925. — С.191.

¹¹ ГАСО. — Ф.Р-160. — Оп.5. — Д.3. — Л.32.

¹² Колодин, Н.Е. Указ. соч. — Самара: Кн. изд-во, 1997. — Т.2. — С. 153.

**ВКЛАД ВЫСШИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
СТАЛИНГРАДА В ПОДГОТОВКУ КАДРОВ ДЛЯ НАРОДНОГО
ХОЗЯЙСТВА СТРАНЫ В 1930-е ГОДЫ**

Российская система образования подвергается серьезному реформированию на современном этапе. Однако, при всех трудностях внедрения инноваций в учебный процесс, вузам Волгограда удается удерживать высокие позиции среди лучших вузов страны. Данное обстоятельство, безусловно, представляется важным для изучения исторического опыта функционирования высших образовательных учреждений в период их становления.

Целью исследования является анализ вклада Сталинградских вузов в подготовку квалифицированных кадров для народного хозяйства в 1930-е годы. Для реализации данной цели мы поставили следующие задачи: изучить документы, посвященные Сталинградским вузам и их связям с предприятиями города 1930-х годов, обозначить роль институтов в развитии региона. Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые, на базе документов и регионального, и государственного уровня, определяется роль Сталинградских вузов в подготовке кадров для производства в период индустриализации. В данной работе использованы как опубликованные, так и неопубликованные источники: материалы СНК РСФСР, документы ГАВО, ЦДНИВО, а также воспоминания и научные статьи работников и студентов вузов.

В 1930-е годы строительство мощных заводов в Сталинграде привлекало рабочих из многих городов. Отсутствие грамотных специалистов приводило к многочисленным поломкам и авариям, к срыву плановых заданий. В правительственных кругах было решено предоставить прибывшим в Сталинград рабочим возможность продолжить свое образование в вузе.

В 1930-31 гг. закладываются основы системы высших учебных заведений Сталинграда, формируется и структуры организации подготовки и переподготовки профессиональных кадров на дополнительных формах обучения при институтах.

Значительное место в работе тракторостроительного института (создан в 1930 г.) в предвоенные годы занимала подготовка специалистов без отрыва от производства. Готовились специалисты в вечерних группах и на фабрично-заводских технических шестимесячных курсах. В вечерние группы принимались рабочие и служащие, предприятий и учреждений. На фабрично-заводские технические курсы зачислялись

только работники Сталинградского тракторного завода (далее СТЗ) и завода «Баррикады».

Размах промышленного и гражданского строительства оказался выше ожидаемого, и в апреле 1930 года было решено открыть сразу два технических вуза: 1) для подготовки специалистов тракторной и автомобильной промышленности; 2) для подготовки инженеров-градостроителей. Сталинградский строительный институт приобрел краевое значение, обучая специалистов, участвующих в строительстве жилых и промышленных объектов.

Одной из важнейших и трудных задач, с которой пришлось столкнуться руководству институтов, была задача укомплектования их нужными кадрами. В 1931 году образован индустриально-педагогический институт¹ (с 1932 г. – Сталинградский государственный педагогический институт). На дневное отделение было принято 120 человек. При институте с первых его лет существовала школа рабочей молодежи – рабфак. Кроме этого была организована переподготовка учителей образцовых школ, методических кадров, начинающих работу молодых учителей и учительства с низшим образованием, курсы были открыты с 1-го сентября 1932 года. С 1932 года при СГПИ был открыт Учительский институт для подготовки учителей с правом преподавания в 5-7 классах и всеобща с сокращенным сроком обучения до года. В 1934 году был первый выпуск историков, математиков, физиков, химиков. Всего выпустили 83 человека².

В связи с быстрым ростом населения, эпидемиями и участвовавшими производственными травмами, 1 октября 1935 года состоялось открытие Сталинградского медицинского института в составе одного лечебного факультета³. При широкой поддержке здравоохранительных учреждений институт достаточно быстро набирал силу. С каждым годом росло и количество студентов, принимаемых на I курс. В 1938 году в институте обучалось уже 1083 человека. Появились и собственные клинические базы при городских больницах, где студенты проходили практику и помогали действующим врачам.

Созданная в 1930-е годы система высшего профессионального образования в Сталинграде позволяла достаточно успешно решать задачи индустриализации, культурной революции. Подготовка высококвалифицированных кадров в Сталинграде способствовала повышению значимости региона, как промышленного и экономического центра на юге страны.

В связи с более пристальным вниманием государственных структур к техническому вузу, ему удавалось удерживать лидирующие показатели по качеству и количеству подготовки специалистов. За 10 первых лет институт выпустил около 1300 инженеров, которые успешно рабо-

тали на предприятиях машиностроительной, автомобильной и оборонной промышленности.

По отношению же к подготовке педагогических кадров следует вывод, что предпринимаемые меры позволяли успешно решать задачу обеспечения учебных заведений профессиональными кадрами, но существовала проблема уровня квалификации большинства преподавателей, который оставался низким. Подготовка выпускников медицинского вуза шла более планомерно, так как вуз формировался на 4 года позже и уже по подготовленным учебным планам, это способствовало более быстрой ликвидации недостатка специалистов данного профиля уже в предвоенные годы.

Примечания

¹ Постановление СНК РСФСР №588 «О сети и контингентах приема в профессионально-технические учебные учреждения в 1931 году и о состоянии подготовки кадров специалистов». Май 1931 // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф.259. – Оп. 24. – Д.5. – Л. 198-200.

² Гафинович, М.М. Первый выпуск / М.М. Гафинович // Педагогический журнал Сталинградского края (Научно-справочная библиотека ГУ ГАВО). – 1935. – №1. – С. 17.

³ Перов, Ю.А. Волгоградский государственный медицинский институт (к 50-летию основания) / Ю.А. Перов, Н.И. Гончаров, Л.С. Сперанский. – Волгоград, 1985. – С.31.

А.В. Чашин

Институт истории и археологии УрО РАН

НАСЕЛЕНИЕ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ И МИГРАЦИОННЫЙ ПРИРОСТ В 1933 – 1939 гг.

В 1930-е гг. на Урале формируется мощный индустриальный комплекс. Одной из наиболее развитых территорий в промышленном плане на Урале являлась Свердловская область, которая была выделена из состава Уральской области в январе 1934 г.¹ В октябре 1938 г. Свердловская область была разделена на Свердловскую и Пермскую области². Архивные материалы по Свердловской области отложись с 1933 г. По данной теме на общероссийском уровне можно выделить труды В.

Б. Жиромской, В. А. Исупова, А. Г. Вишневого, Д. А. Кирилловой и т. д., на региональном уровне труды А. И. Кузьмина, Г. Е. Корнилова, А. Г. Оруджиевой, В. А. Журавлевой и др.³

Таблица 1

**Естественное движение на территории
Свердловской области в 1933 – 1939 гг.⁴**

годы		1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939
сельская местность	количество рождений	78368	66699	83255	91599	91169	103543	108504
	количество смертей	85033	60363	55859	67555	65431	59744	51118
	прирост населения	-6665	6336	27396	24044	25738	43799	57386
городская местность	количество рождений	43665	52663	67502	78076	99627	98369	97092
	количество смертей	65636	46681	36821	51668	58122	50251	63649
	прирост населения	-21971	5982	30681	26408	41505	48118	33443

В конъюнктурном обзоре движения населения СССР за 1930 – 1934 гг. отмечается, что убыль населения в 1933 г. почти целиком определялась исключительно высокой смертностью при продолжающемся снижении рождаемости⁶. Коэффициент смертности в стране в этот год был максимальный за описываемый период и равнялся 33,8 ‰ в городской местности и 49,3 ‰ в сельской местности. На территории Свердловской области в 1933 г. наблюдается превышение смертности над рождаемостью, при этом, в отличие от показателей по СССР, коэффициент смертности в городах был выше, нежели в сельской местности. По абсолютным показателям число умерших людей превысило число рожденных на территории Среднего Урала на 28636 человек. В целом по Уральской области убыль населения составила 39360 человек, т. е. на территорию Свердловской области приходилось 72,7% естественной убыли населения в регионе⁷. В 1934 г. году коэффициенты смертности в городской и сельской местности был примерно на одном уровне, однако, в последующие годы вплоть до 1939 г. смертность в городе была ниже, нежели в сельской местности. В 1936 г. наблюдается повышение смертности как в городе, так и на селе. В последний год рассматриваемого периода вновь наблюдается превышение смертности в городе над селом.

Коэффициент рождаемости в сельской местности в целом был выше за исключением 1937 г. С 1934 г. можно констатировать плавное повышение рождаемости, как в сельской, так и в городской местности. С 1937 г. в городе можно отметить постепенное снижение коэффициента рождаемости.

**Коэффициенты рождаемости и смертности на территории
Свердловской области в 1933 – 1939 гг., ‰⁵**

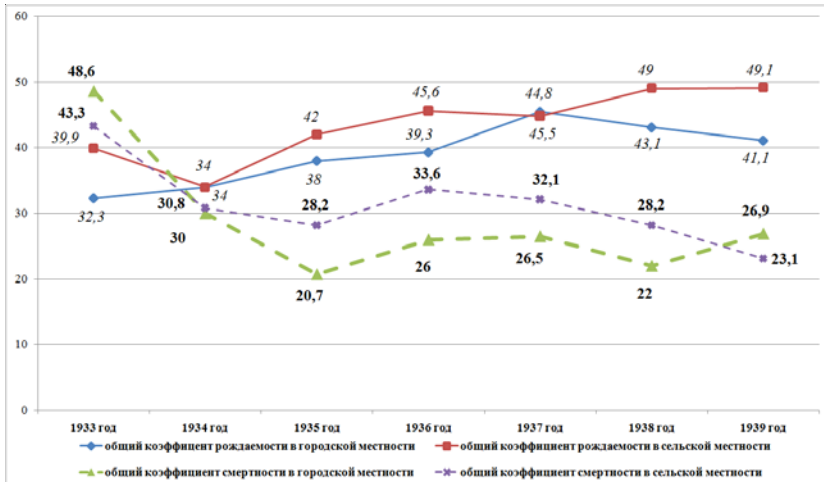

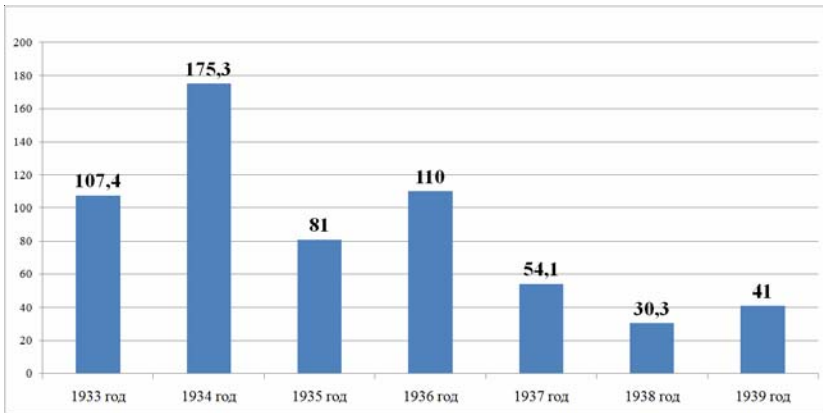
Таблица 2

**Механическое движение населения на территории
Свердловской области в 1933 – 1939 гг.⁸**

годы	1932 (9)	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939
прибывших	284792	227250	435076	530060	617631	535402	512428	443290
выбывших	163280	82441	163519	386133	399358	417023	443082	346715
механический прирост	121512	144809	271557	143927	218273	118379	69346	96575

Из данных таблицы 2 видно, что сальдо миграции в течение всего периода было положительным. В 1933 г. механический прирост превысил естественную убыль населения. На диаграмме, представленной на рисунке 2 видно, что показатели миграционного прироста достигли наибольших значений в период с 1933 по 1936 гг. С 1937 г. наблюдается достаточно резкое снижение данного показателя.

**Миграционный прирост в Свердловской области
в 1933 – 1939 гг. (на 1000 чел.)⁹**

В 1930-е гг. население Свердловской области в демографическом плане претерпевает существенные изменения. Начало периода отмечено естественной убылью населения, что было отражением “демографической катастрофы”, вызванной социально-экономическими процессами, которые происходили в обществе: голод 1932-1933 гг., политика индустриализации и коллективизации¹⁰. В то же время, становление Урала как одного из промышленных центров страны отразилось в высоком миграционном приросте, который во многом способствовал переходу от территории с преобладающим сельским населением к территории с преобладающим городским населением. Можно сделать вывод, что миграция в данный период являлась основным источником прироста городского населения.

Примечания

¹ Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 2000. – С. 411, 477.

² Бушмаков, А. Пермская губерния: "Великий перелом". Административно-территориальное деление в Пермском крае в 1917 – 1938 гг. / А. Бушмаков // Ретроспектива. – №1. – Пермь, 2007. – С. 8.

³ Жиромская, В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / В.Б. Жиромская. – М., 2001; Исупов, В.А. Де-

мографические катастрофы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки / В.А. Исупов. – Новосибирск, 2000.; Демографическая модернизация России, 1900 –2000 / Под ред. А. Г. Вишневого. – М., 2006; Кириллова, Д.А. Рождаемость в СССР в 1930-е гг. Государственная политика. Статистика / Д.А. Кирилова. – М., 2005; Журавлева, В.А. Естественное воспроизводство городского населения Урала в 20–30-е годы XX века / В.А. Журавлева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия социально-гуманитарные науки. – Вып. 7. – Челябинск, 2006. – С. 33–37.

⁴ Составлено: Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 17. – Л. 117–117 об. – Л. 119–119 об.; – Д. 52. – Л. 101–101 об., – Л. 103–103 об.; Государственный архив Пермской области (ГАПО) Ф.р–493. – Оп. 11. – Д. 1. – Л. 50–61.; Д. 3. – Л.24–24 об.; Государственный архив Свердловской области (ГАСО) – Ф. 1813. – Оп. 1. – Д. 98. – Л. 2–2 об, 5–5 об.; Д. 99. – Л. 3–3 об., 4–4 об.; – Д. 100. – Л. 3–3 об., 5–5 об., 22–22 об., 25–25 об.; – Д. 101. – Л. 3–3 об., 5–5 об.

⁵ График составлен на основе приведенных таблиц, а также данных Всесоюзных переписей 1937 и 1939 гг. – См.: Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 45, 56–57.; Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г.: Уральский регион. Сб. материалов / сост. В. П. Мотрович. – Екатеринбург, 2002. – С. 126, 288.

⁶ РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 329. – Д. 131. – Л. 1–4.

⁷ Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.: сб. документов и материалов. – Т.1. / Сост. Е. Ю. Баранов, Г. Е. Корнилов. – Оренбург, 2005. – С. 257–258.

⁸ Составлено: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. А–374. – Оп. 23. – Д. 235. – Л. 403–403 об.; Д. 186. – Л. 2–25; Д. 187. – Л. 127–138; РГАЭ. – Ф. 1562. – Оп. 20. – Д. 38. – Л. 44–44 об.; – Д. 147. – Л. 69–69 об.; Д. 176. – Л. 39–39 об.; ГАСО. – Ф. 1813. – оп. 1. – Д. 98. – Л. 10–10 об.; Д. 99. Л.12–12 об.; Д. 101. – Л. 14–14 об. По сохранившимся документам видно, что учет в 1933 г. был не полный.

⁹ График составлен на основе приведенных таблиц, а также данных Всесоюзных переписей 1937 и 1939 гг.

¹⁰ Жиромская, В. Б. Указ. соч. – С. 33.

АВИАЦИОННЫЕ ПОСТАВКИ ПО ЛЕНД-ЛИЗУ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Длительное время отечественная историческая наука изучала войну Советского союза с Германией и ее союзниками вне контекста Второй мировой войны. Подобное обособление национальной истории, обусловленное идеологическими соображениями, зачастую приводило к некорректным выводам. Для лучшего понимания проблемы ленд-лиза (займа-аренды) необходимо обратиться к событиям именно Второй мировой, а не Великой Отечественной войны.

Вторая мировая — это в первую очередь война коалиций, и СССР не в одиночку противостоял Третьему Рейху и его сателлитам. Речь идет не только и не столько о проблеме второго фронта, сколько о непрямом участии западных держав в войне на Восточном фронте.

Но вернемся к определению места ленд-лиза в стратегии антигитлеровской коалиции. Как известно, существуют два основных вида стратегий — стратегия сокрушения и стратегия истощения. По объективным причинам страны «оси» сделали ставку на стратегию сокрушения — молниеносную войну или блицкриг. Опираясь на опыт Первой мировой войны и значительное превосходство практически во всех видах ресурсов, для союзников было естественным обратиться к стратегии истощения, т.е. длительной, и, как правило, оборонительно-позиционной войне. Именно поэтому восточный фронт, перемалывавший десятки немецких дивизий, сотни и тысячи единиц военной техники приобрел огромное значение для коалиции. Ленд-лиз это один из классических примеров реализации стратегии не прямых действий, довольно четко отраженной в известной фразе Франклина Делано Рузвельта «участие в войне без участия в военной деятельности». Феномен ленд-лиза настолько многогранен и противоречив, что представить комплексное освещение в рамках научного доклада, даже на примере одного типа поставок, не представляется возможным. Поэтому мы рассмотрим основные мифы связанные с авиационным ленд-лизом.

Миф первый — «Капля в море». В советской историографии официальная позиция была высказана в 1947 г. Н.А. Вознесенским, оценившим в ленд-лиз как «4% победы». В постсоветский период начинается переосмысления проблемы помощи союзников СССР, связанный с отказом от советской парадигмы. В рамках постсоветской историографии складывается три школы изучения ленд-лиза: крайне либеральная (прозападная, антикоммунистическая); крайне консервативная и уме-

ренная)¹. В работах В.Р. Котельникова, занимающегося изучением авиационного ленд-лиза, приводятся данные, согласно которым доля импортных самолетов составляла 12–16% отечественного производства². В сводной таблице приводятся данные по поставкам и производству самолетов в СССР³.

Выполнение	Поставлено	Произведено в СССР за тот же период
1-го протокола на 1.07.1942	3296	24624
2-го протокола на 1.07.1943	4790	25762
3-го протокола на 1.07.1944	6117	19562 (только за первое полугодие 1944 г.)
4-го протокола на 30.06.1945	4583	20222 (только за второе полугодие 1944 г.)

Из приведенной выше таблицы видно что большая часть поставок пришлось на заключительный этап войны, когда уже не было сомнений в том, что СССР победит. Союзники были заинтересованы в более быстром завершении войны на Европейском театре военных действий и скорейшем вступлении Советского Союза в войну с Японией. Поставки 1941 – начала 1942 года оказались серьезным подспорьем, но отнюдь не решающим фактором, позволившим сдержать первый и самый мощный натиск Германии (т.е. сорвать блицкриг).

Миф второй – «летающие гробы» или «вместо свалки в СССР». Весьма распространено мнение, что в Советский Союз поставляли: 1) устаревшие типы самолетов, которые практически не использовались в военно-воздушных силах США и Великобритании; 2) малоэффективные, ненадежные самолеты, к тому же с наличием множества дефектов.

К сожалению, при рассмотрении этого вопроса зачастую забывают о принципе релятивизма, например, не учитывается специфика театра военных действий и условия эксплуатации.

Самолеты «Харрикейн», получили прозвище «летающие гробы» и стали в советской историографии символом всего отрицательного, связанного с поставками союзников. Действительно эти самолеты являлись устаревшими и выводились из состава военно-воздушных сил Великобритании. По своим тактико-техническим характеристикам (ТТХ) они превосходили советские «ишачки» (И-16) и «чайки» (И-15, И-15бис, И-153), которыми по большей части и были укомплектованы советские ВВС. Но и на вооружении Люфтваффе стояли не только новейшие модели, например в Заполярье самолеты Вf-109Е, были примерно того же уровня. На первых порах «Харрикейны», в особенности перевооруженные, не плохо показали себя⁴. Другое дело, что они уступали новым моделям как советских (истребители Як) так и немецких

самолетов (Bf-109F), и только с появлением последних обрели свою печальную славу летающих гробов. Но по мере поступления более современных самолетов, как от союзников, так и от советской авиационной промышленности «Харрикейны» переводятся в основном в систему ПВО, как и уже упомянутые «ишачки» и «чайки».

«Киттихоуки» и «Томахоуки» (модификации P-40) являлись относительно устаревшими моделями (от них, по крайней мере, не избавлялись в срочном порядке ВВС союзников), но по своим ТТХ они превосходили «Харрикейны» и тоже поставлялись в основном на начальном этапе (1941–1942 гг.). К тому же, в 1941 г. союзники всерьез опасались разгрома или капитуляции СССР, что также служило сдерживающим фактором для осуществления поставок.

«Бостонов» (B-3 и A-20) и «Кобр» (P-39 «Аэрокобра» и P-63 «Кингкобра») в СССР было больше чем в ВВС США и Великобритании, причем эти самолеты, как правило, запрашивались советской стороной⁵. Определенные недостатки, конечно, были присущи и этим самолетам, но необходимо учитывать, что создавались они отнюдь не для суровых условий Восточного фронта. «Бостоны» не имели самозатягивающихся топливных баков, и требовали установки лобовых жалюзи для эксплуатации в зимних условиях.

Наиболее серьезные недостатки присутствовали в конструкции самолетов «Аэрокобра» и «Кингкобра». Из-за слабости хвостового оперения эти самолеты не выдерживали даже расчетных нагрузок и срывались в плоский штопор. Советскими конструкторами были разработаны комплекты усиления хвостового оперения и фюзеляжа, которые и устанавливались на поставляемые самолеты.

На импортных самолетах обнаруживалось в среднем 20–30 дефектов, в то время как только за 1944 год по самолету Як-9 НИИ ВВС выявил 56 дефектов, из которых наркомат авиапромышленности сумел изжить лишь 46; по Як-3 изжили 17 из 20 дефектов; по Ла-5 и Ла-7 – 78 из 80, к тому же в авиачастях было выявлено 170 дефектов из которых устранено 156⁶.

Миф третий – «незначительный вклад в победу». Официальную точку зрения, принятую советской историографией можно сформулировать следующим образом «поставки не сыграли существенной роли в войне, они лишь незначительно приблизили победу».

Вопрос о вкладе в победу один из самых сложных и спорных. Сложно определить процент или долю в победе, тем более когда на одних весах мы взвешиваем бесценные человеческие жизни и материальные ресурсы.

Авиационные поставки, особенно в первые месяцы войны, помогли восполнить тяжелые потери и прикрыть такие стратегически важные объекты как Ленинград, Москва и Заполярье. Изучение импорт-

ной матчасти способствовало развитию советской авиационной промышленности. Так например, на легендарный советский штурмовик Ил-2, для улучшения обзора задней полусферы устанавливали зеркала «по типу «Харрикейн»⁷. Но оборотной стороной этой медали оказался феноменальный рост объемов производства военных самолетов в США, что являлось следствием участия СССР в программе ленд-лиза. К тому же нельзя недооценивать и психологический фактор: поставляемая техника была наглядным примером сотрудничества между союзниками.

Вышеупомянутые мифы возникли не на пустом месте. В условиях «холодной войны» советская историческая наука для дискредитации союзной помощи акцентировала внимание на недостатках поставок, обходя стороной сильные стороны ленд-лиза. В условиях новейшей историографии (с 1990-х годов) складываются более благоприятные условия для объективного изучения феномена ленд-лиза.

В работах М.Н. Супруна отмечается, что основой антигитлеровской коалиции и ленд-лиза является идея «пула»⁸, или общего резервуара. Каждая страна вносила свой вклад в победу, по-своему заполняя этот «резервуар победы». И поскольку наиболее значительным «вливанием» со стороны СССР оказалась кровь миллионов советских солдат и мирных жителей, то просто некорректно говорить о том, чей вклад в победу был более значительным. Во-первых, мы не можем взвесить на одних весах военную технику, амуницию, провиант и т.д., и с другой стороны жизни людей, погибших ради победы. Во-вторых, война велась не между СССР и Германией, а двумя военно-политическими блоками (не зря же война вошла в историю под именем «мировой»), и победили в войне не отдельные страны, коалиция.

Примечания

¹ Головатина, П.М. Англо-американская и отечественная историография помощи Советскому Союзу по ленд-лизу в годы Второй мировой войны (1941–1945 гг.): автореф. ... канд. дисс. / П.М. Головатина. – Екатеринбург, 2006. – С. 24.

² Котельников, В.Р. Авиационный ленд-лиз / В.Р. Колесников // Вопросы истории. – № 9–10. – 1991. – С. 223.

³ Данные о выполнении поставок: Супрун, М.Н. Ленд-лиз и северные конвои / М.Н. Супрун // Андреевский флаг. – М., 1997. – С. 120, 200, 309, 312; Объемы советского производства подсчитаны по материалам Центрального архива Министерства Обороны (ЦАМО). – Ф. 35. – Оп. 11254. – Д. 81; – Оп 11287. – Д. 657–659, 2182, 3090.

⁴ В отчетах по испытаниям перевооруженных «Харрикейнов» встречается, как правило положительное отзывы, особо подчеркивается огневая мощь самолета, способная пробить 20-мм броню. Всего было перевооружено 2000 «Харрикейнов», на них устанавливалось 2 авиаци-

онные пушки ШВАК, 2 пулемета УБК или БС и 6 реактивных орудий РО-82. Подробнее см. ЦАМО. — Ф. 35. — Оп. 11287. — Д. 1239.

⁵ Котельников, В.Р. Авиационный ленд-лиз // Вопросы истории. — № 9–10. — 1991. — С. 224.

⁶ ЦАМО. — Ф. 35. — Оп.11287. — Д. 3090. — Лл. 15, 23, 25.

⁷ ЦАМО. — Ф. 35. — Д. 787. — Л.105.

⁸ Супрун, М.Н. Ленд-лиз в стратегии антигитлеровской коалиции, 1941 — 1945 гг. / М.Н. Супрун // Ленд-лиз и Россия. — Архангельск, 2006. — С. 6-17

А.Ю. Баженов

Волгоградский государственный университет

РАЗВИТИЕ ТАНКОВОГО ПРОИЗВОДСТВА В СТАЛИНГРАДЕ В 1941 – 1945 гг.

К началу Великой Отечественной войны в Сталинграде были созданы производственные мощности для организации крупносерийного танкового производства (на базе Сталинградского тракторного завода (СТЗ) и завода № 264). После начала боевых действий на данных предприятиях были произведены мероприятия по увеличению объемов выпуска военной продукции, расширению номенклатуры, приеме эвакуированного оборудования, резком увеличении численности персонала, организации обучения прибывавших на производство людских ресурсов.

В результате проведенных мероприятий СТЗ и завод № 264 стали одним из важнейших звеньев системы советского танкостроения в первый период Великой Отечественной войны. В 1941 г. доля СТЗ в общесоюзном производстве танков Т-34 составила 50,7 %, а в 1942 г. — 20 %; доля завода № 264 в выпуске легких танков в 1942 г. — 14 %¹.

Тяжелейшие потери, понесенные обоими предприятиями в ходе Сталинградского сражения, а также необходимость скорейшего возобновления выпуска военной продукции на них, потребовали немедленного восстановления производственных мощностей.

Первоначально требовалось создать минимальные условия для размещения людей и оборудования. Восстановление промышленных зданий СТЗ было очень трудной задачей, так как в условиях, не прекращавшихся боевых действий, при жесточайшем дефиците строительных материалов и большом количестве завалов и минных полей, требовалось в кратчайшие сроки наладить производство сложной высокоточной продукции. И это при том, что параллельно с восстановлением зданий, производился ремонт боевой техники. Однако, благодаря принятию ряда решений, упрощавших технологию строительства, а также

допущение значительного отхода от нормативов строительства², удалось за очень короткое время восстановить наиболее необходимые производственные здания, в которых и началось развертывание бронетанкового производства.

Следующей проблемой вставшей, перед руководством наркомата, стала необходимость в кратчайшие сроки решить кадровый вопрос и обеспечить производство станочным парком. Рабочая сила на заводы поступала по направлениям наркомата танковой промышленности (в т.ч. реэвакуируемые рабочие СТЗ и Судоверфи), по комсомольскому набору, из военкоматов (негодные для строевой службы направлялись на работы в промышленность), а также с фронта, откуда целые строительные батальоны присылались для восстановления сталинградских заводов³. Другими источниками поступления кадров на сталинградские предприятия НКТП были лагеря для спецконтингента и военнопленных⁴.

На начальном этапе на производстве использовалось восстановленное оборудование. Во второй половине 1943 г. на СТЗ начали поступать станки, прибывшие из США по ленд-лизу, а в 1944 г. несколько инженеров завода были командированы в Америку для закупки необходимых для предприятия станков⁵. С апреля же 1945 г. на все сталинградские заводы НКТП начали прибывать эшелоны с ремонтным оборудованием с территории Германии и ее союзников⁶. Во многом, именно благодаря немецкому станочному парку, производственная база предприятий была восстановлена в полном объеме.

В 1943 г. на сталинградских предприятиях НКТП осуществлялся только ремонт танков. Однако, ускоренные темпы строительства позволили с IV квартала 1943 г. начать выпуск дизелей В-2 на СТЗ и организовать опытные работы по бронекорпусному производству на Судоверфи⁷. В середине 1944 г. сталинградским предприятиям было выдано новое плановое задание, согласно которому на них в кооперации с харьковским заводом № 75 и Мариупольским заводом им. Ильича начался выпуск нового танка Т-44⁸.

Было установлено следующие разделение труда: СТЗ производил дизели В-44 (модернизированный вариант дизеля В-2), Судоверфь – бронекорпуса, завод им. Ильича – башни, завод № 75 – осуществлял выпуск бронекорпусов и полную сборку машин.

К маю 1945 г. было организовано крупносерийное производство нового типа танка, с производственными мощностями рассчитанными на выпуск 300 машин в месяц.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в Сталинграде в 1930 – 1945 гг. был создан региональный военно-промышленный комплекс по производству бронетехники. Была сформирована мощная производственная база, позволяющая обеспе-

чить массовый выпуск военной продукции даже при определенной доли диверсификации производства. Существующая система подготовки кадров с успехом обеспечивала потребности предприятий в специалистах всех уровней. Началось формирование собственной конструкторской школы, обеспечивший в послевоенный период передовые позиции сталинградских предприятий в выпуске некоторых видов бронетехники (боевые машины десанта). Таким образом, за первые 15 лет развития сталинградские предприятия, выпускавшие бронетехнику достигли значительных результатов и был создан большой задел для дальнейшего поступательного развития.

Примечания

- ¹ ГАВО. – Ф.4011. – Оп. 3. – Д. 1. – Лл. 11-12.
- ² РГАЭ. – Ф. 8752. – Оп. 1. – Д. 309 Г. – Л. 3.
- ³ РГАЭ. – Ф. 8752. – Оп. 1. – Д. 122. – Лл. 53, 76.
- ⁴ РГАЭ. – Ф. 8752. – Оп. 1. – Д. 158. – Л. 81; – Д. 613. – Л. 372.
- ⁵ РГАЭ. – Ф. 4372. – Оп. 43. – Д. 654. – Л. 47.
- ⁶ ГАВО. – Ф. 6032. – Оп. 3. – Д. 172. – Лл. 162-163.
- ⁷ РГАЭ. – Ф. 8752. – Оп. 1. – Д. 607. – Л. 14.
- ⁸ ГАВО. – Ф. 4011. – Оп.1. – Д. 12. – Л. 16.

И.О. Богданов

Самарский государственный университет

ВЛИЯНИЕ БОЕВОГО ОПЫТА НА ТЕОРИЮ ПРИМЕНЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЮ СОВЕТСКИХ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК В КОНЦЕ 30-х – НАЧАЛЕ 40-х ГОДОВ XX ВЕКА

Красная Армия в 1941г. потерпела ряд сокрушительных поражений от немецко-фашистских войск. Несмотря на все заверения и декларации о готовности советских вооруженных сил к войне, реальная обстановка было совершенно иной. Особого внимания заслуживают бронетанковые силы, поскольку к 1941г. они были самыми многочисленными на континенте и должны были играть одну из решающих ролей в грядущей войне «нового типа», быстрой и маневренной.

К 1938 году советские бронетанковые войска оказались в противоречивой ситуации. С одной стороны, доминировала доктрина массового применения танковых сил в тесной координации с прочими родами войск¹, но такая формулировка понималась по-разному. Часть военна-

чальников видела роль танков во вспомогательных функциях. В результате, применение их сводилось к дроблению танковых частей на более мелкие группы, которые непосредственно поддерживали пехоту. Моторизованные бригады, входившие в состав танковых корпусов, не были оценены по достоинству.

Подобный подход показал свою полную несостоятельность в период войны в Испании. Наиболее показательна в этом плане Арагонская операция (9 марта – 15 апреля 1938 г.), когда 22 танка дальнего действия, брошенные во фланг закрепившихся франкистов, увязли в их обороне и были разбиты (вернулось лишь 5 танков)². Группа сопровождения пехоты, в результате, наткнулась на укрепленные позиции противотанковой артиллерии и также была отброшена. Схожие примеры можно привести из опыта «Зимней войны».

Представители другой точки зрения иначе видели возможности применения танковых сил. По их мнению танковые войска способны были сами окружить и уничтожить противника, максимально используя свой наступательный потенциал³. При этом танки должны были бороться со всеми видами войск, а моторизованные части лишь обслуживали танковую атаку⁴.

Однако, указанная позиция далека от объективной и вела к переоценке возможностей бронетанковых сил. Немаловажным примером ограниченной эффективности массовой танковой атаки без поддержки пехоты стала атака 11-ой танковой бригадой японского авангарда у горы Баин-Цаган, 3 июля 1939г., появление которого стало неприятным сюрпризом для советского командования. В бой на окопавшихся японцев, сходу, была брошена танковая бригада, лишенная всякой поддержки. В результате этой атаки враг был потрясен и отступил с позиций, однако из 132-х танков выбыло из строя 82⁵. Танки могли потрясти оборону противника, нанести ему большой урон, но закрепиться на местности им не удавалось и они несли значительные потери.

Обе концепции, указанные выше, были не совершенны. Они рассматривали танки однобоко. Превозносились отдельные сильные стороны этих боевых машин, а слабые игнорировались. Нужно помнить, что танковое подразделение должно сочетать в себе множество родов войск, с тонко отлаженным взаимодействием и решать общую задачу. Часто на первый план выходят саперы и мотопехота⁶, большую роль играет артиллерия⁷.

Следовательно оптимальным является механизированное подразделение, включающее как мотострелков, так и танковые формирования. В составе мехкорпуса предполагалось иметь 1107 танков, около 124 орудий и 4000 машин⁸. Механизированный корпус отныне представлял собой инструмент проведения самостоятельных боевых операций. Од-

нако, наполнение таких соединений оставляло желать лучшего. Осложняло ситуацию и то, что механизированный корпус не являлся целостной, устойчивой системой⁹.

Таким образом, к 1941 г. советская доктрина применения бронетанковых войск соответствовала требованиям грядущей войны. Предполагалось, что танки будут действовать при поддержке артиллерии и авиации. Мотопехота должна была обеспечивать поддержку в наступлении и прорыве, бороться с танками и другими частями противника. Категорически отрицалась возможность вводить мехкорпуса в бой по частям. Вопрос организации был решен лишь частично. Мехкорпуса не являлись целостными и неделимыми!! Укомплектование их проводилось не предписываемыми, а наличными средствами. Танковые и моторизованные дивизии имели недостаточно мотопехоты. Последняя, в свою очередь, имела недостаточное количество противотанковых средств и в бою зависела, в этом плане, от танков. До минимума было сведено и количество автомашин в корпусах.

Итак, к 1941г. РККА максимально близко подошло к оптимальному варианту организации и применения бронетанковых войск. Он был обоснован и разработан в теории. На практике же реорганизация не была закончена и шла далеко не идеально. Однако нельзя говорить о косности советского военного руководства, или о неправильности его выводов и действий, апеллируя при этом к примеру военной машины Германии. Практические трудности в организации советских танковых войск — результат поспешности и отсутствия опыта крупных механизированных операций.

Примечания

¹ Внимание, танки! / Под ред В.. Гончарова. — М., СПб.: АСТ; TERRA FANTASTICA, 2003. — С.378.

² Из протокольной записи утреннего заседания 25 ноября 1938 г. // Военный совет при Народном Комиссаре обороны СССР. 1938, 1940. Документы и материалы / сост., автор предисловия и коммент. ПЯ. Бобылев. — М.: РОССПЭН, 2006.- С.134.

³ Исаев, А. Танковый прорыв. Советские танки в боях 1937 — 1942 гг. / А. Исаев, М. Свирин, Е. Дриг, В. Гончаров, И. Кошкин. — М.: Яуза, Эксмо, 2007. — С.93.

⁴ Бронетанковые и механизированные войска Советской Армии с 1917 по 1941 гг. и в первых двух периодах Великой Отечественной войны / Под ред. г-м. Е.А. Разина. — М.:ВАБТиМВ, 1953. — С.202.

⁵ Барятинский, М. Советские танки в бою. От Т-26 до ИС-2 / М. Барятинский. — М.: Яуза: Эксмо, 2007.- С.Л28.

⁶ Внимание, танки! / Под ред. В.. Гончарова. — С. 178.

⁷ Hogg, I. Tank Killing. Anti-tank warfare by men and machines.- London, 1996.

⁸ Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. Книга П. 1940-1942.- М: ГАБТУ МО РФ, 2005. – С.53.

⁹ Внимание, танки! / Под ред. В. Гончарова. – С.344.

Ф.А. Хуснутдинова

*Волгоградский государственный
педагогический университет*

НАСЕЛЕНИЕ СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1939 – 1959 ГГ.

С 1930-х годов начала складываться социальная структура, базировавшаяся на огосударственной экономической основе и состоявшая практически полностью из социальных слоев и групп, связанных с госсектором. Фактически продолжали существовать и другие, выпадающие из этой системы слои и группы, хотя они и были малочисленны. Проступает тенденция к унификации социальной структуры и фиксации только основных ее элементов. Основными классами были: рабочие, колхозники, кооперированные кустари, крестьяне – единоличники и некооперированные кустари, интеллигенция, служащие.

Отличительной особенностью социального развития 1930-х гг. была ориентация на развитие тяжелой промышленности. В связи с этим массовая миграция из сельской местности привела к невиданному росту населения Сталинграда. С 1929 по 1933 г. численность населения в нем увеличилась на 226,4 тысячи человек¹.

Бурная индустриализация за короткий период коренным образом изменила структуру занятости населения. Социальная структура в 1939 г. отражала преобладание социалистических принципов построения общества. В 1939 г. свыше 97% населения составляли рабочие, служащие, колхозники, кооперированные кустари и их семьи. Единоличники вместе с некооперированными кустарями составляли около 2%. В 1950-е гг. строительство социализма продолжалось. Это отразилось на социальной структуре населения. Преобладающую часть населения составляли рабочие, служащие и их семьи, на втором месте стоит колхозное крестьянство.

В 1940 г. в Сталинградской области насчитывалось 322 тысячи рабочих и служащих, из которых в промышленности, строительстве и транспорте было занято 66% всего состава рабочих. В 1955 г. число рабочих и служащих достигло 467,2 тысячи человек, доля занятых в ведущих отраслях народного хозяйства составляла уже свыше 70%.

Большее число рабочих и служащих сосредоточилось в Сталинграде, Волжском, Камышине.

Колхозное население размещалось по области неравномерно. Свыше половины его находится в северных и северо-западных районах. С 1930 года в Сталинградской области начался процесс коллективизации крестьянских хозяйств. Власти области пытались как можно быстрее закончить коллективизацию. Область была одной из первых по темпам коллективизации. Уже в 1930 году доля коллективных хозяйств составляла 40,8%. А в 1939 году о Сталинградской области можно было говорить как о территории сплошной коллективизации, которая достигла в этом году 98,8%². На 1 июля 1930 г. на территории Сталинградской области было 1364 колхоза, которые объединили уже 40,8% крестьянских хозяйств. К 1932 г. колхозы объединили уже 81,8% хозяйств. В 1939 г. в области насчитывалось 1699 колхозов и 72 совхоза³. На долю индивидуальных хозяйств приходилось 3%.

После Великой Отечественной войны рост рабочего класса Сталинградской области идет за счет притока трудящихся кооперированного сектора в государственный сектор народного хозяйства. Кроме того, рост численности рабочих – следствие восстановления хозяйства области и, в первую очередь, Сталинграда. Важным фактором, способствующим увеличению рабочего класса, явилось строительство Волго-Донского судоходного канала, Сталинградской ГЭС, Камышинского текстильного комбината и ряда других крупных промышленных объектов. На эти стройки приехали десятки тысяч рабочих и их семей из разных районов страны.

Существенной тенденцией изменений в социальной структуре советского общества был ускоренный рост и неуклонное повышение всего городского населения в сравнении с сельским. С 1937 по 1959 годы городское население выросло на 162,669 тыс. человек. Численность сельского населения уменьшилось с 1939 по 1959 годы на 596,153 тыс. человек.

Важной тенденцией изменений в социальной структуре советского общества после Великой Отечественной войны были ускоренные темпы роста рабочего класса. Если в 1939 году численность рабочего класса составляла 322 тыс. человек, то в 1959 году – уже 590,6 тыс. человек. Характерной чертой являются высокие, хотя и отстававшие от городских, темпы роста численности и увеличивающийся удельный вес сельской части рабочего класса, возросшей с 68 тыс. человек в 1939 году до 164,8 тыс. человек в 1959 году⁴.

В 1950-е годы изменения происходят в отраслевой структуре рабочего класса. Рабочий класс все больше входит в сферу обслуживания. Этому способствуют не только рост удельного веса последней в народном хозяйстве, но и механизация труда в этой сфере вплоть до служб

быта. Возрастание в составе рабочего класса такого близкого по характеру и условиям труда к крестьянству социального слоя, как сельскохозяйственные рабочие, еще более сблизило между собой оба этих социальных класса.

Важной особенностью социальной структуры населения Сталинградской области является постоянное падение численности и удельного веса колхозного крестьянства, количества колхозов. Если в 1939 г. число колхозов равнялось 1649, то к 1959 г. оно снизилось до 501⁵.

Кооперированные кустары продолжали существовать до 1960 года, когда они слились с рабочими. Крестьяне-единоличники и некооперированные кустары как социальные категории в конце 1950-х годов проявили тенденцию к постепенному, но полному исчезновению.

Примечания

¹ Статистический справочник Нижней Волги (1929-1933). — Сталинград, 1934. — С.338.

² Народное хозяйство Волгоградской области за 50 лет. — Волгоград, 1967. — С.75.

³ Справки статуправления о развитии народного хозяйства и культуры за 1958-1959 годы // ГАВО. — Ф.686. — Оп.17. — Д.84. — Л.39.

⁴ Рассчитано автором по: Сводные балансы трудовых ресурсов области на 1 июня 1959 и 1 января 1969 гг. // ГАВО. — Ф.686. Оп.19. — Д.573; Таблицы сентябрьского учета численности работников и фонда заработной платы за 1939 г. // ГАВО. — Ф.686. Оп. —19. — Д.29.

⁵ Справки статуправления о развитии народного хозяйства и культуры за 1958-1959 годы // ГАВО. — Ф.686. — Оп.17. — Д.84. — Л.39.

Р.М. Хайруллина

*Оренбургский государственный
педагогический университет*

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ, ОРГАНИЗАЦИЯМИ И ИНДИВИДУАЛЬНЫМИ ЗАСТРОЙЩИКАМИ В ЧКАЛОВСКОЙ (ОРЕНБУРГСКОЙ) ОБЛАСТИ В 1953-1964 гг.

Гигантскую программу жилищного строительства в СССР в середине 50-х годов предполагалось выполнить индустриальными методами, на основе типового проектирования малометражных квартир. Основ-

ными видами жилищного строительства при этом являлось строительство, осуществляемое предприятиями и индивидуальными застройщиками.

Жилищное строительство за счет средств промышленных предприятий и хозяйственных организаций позволяло предприятиям обеспечить своих рабочих и служащих жилыми площадями. За 1951-1965 гг. в Советском Союзе было построено 1205,2 млн. кв.м общей (полезной) площади жилищ, в том числе 637,4 млн.кв.м государственными предприятиями и организациями. ¹ В Чкаловской области объем капиталовложений к 1959 году по отношению к 1940 году увеличился в 5,6 раза, что позволило построить с 1956 по 1965 года 4663 тыс. кв. м. жилой площади государственными предприятиями и организациями. ²

К 1957 году в городе Оренбурге было развернуто жилищное строительство 37 предприятиями и хозяйственными организациями. Так, коллектив Машзавода построил и ввел в эксплуатацию 3- шестиквартирных дома и 1- восьмиквартирный, предприятия Оренбургского отделения железной дороги сдали 20- четырехквартирных домов.

Строительство промышленными предприятиями и организациями шло и в городе Орске. В г. Орске жилищное строительство в 1953 году осуществляли 30 предприятий и хозяйственных организаций.

При принятии решений об отводе участков для индивидуального строительства предприятиям, исполком Горсовета обязывал проводить комплекс работ по благоустройству за счет средств предприятий. Для этого привлекались: завод имени Чкалова, Южуралмашзавод, Орская ТЭЦ, трест №91, мясокомбинат, Отделение дороги, завод «Орксельмаш», Трест №1 ГНЗС, комбинат Южуралникель и др. Предприятия города ежегодно принимали меры по благоустройству в районах индивидуальной застройки по водоснабжению, электроосвещению и другим видам благоустройства. ³

10 июня 1958 года выходит постановление Секретариата ЦК КПСС «О грубых нарушениях финансовой дисциплины при расходовании средств на жилищное строительство». В Бюро Оренбургского обкома ЦК КПСС был сделан вывод о том, что нарушения подобного характера имеют место и на ряде предприятий Оренбургской области. Так, Орский мясокомбинат в 1958 году использовал на жилищное строительство 806 тыс. руб. собственных оборотных средств, Медногорский медносерный комбинат 1,6 млн.руб. оборотных средств на капитальный ремонт жилого фонда и теплотрассы.

Важным составляющим жилищного строительства было индивидуальное строительство. В городах индивидуальное строительство шло на собственные средства населения и с помощью государственных кредитов, а в сельской местности также еще и при помощи колхозов и совхозов. За 1951-1965 гг. в СССР было построено 1205,2 млн. кв.м общей

(полезной) площади жилищ, в том числе 272,9 млн.кв.м рабочими и служащими за свой счет и с помощью государственного кредита.⁴

К середине 50-х гг. ежегодное число застройщиков в городе Оренбурге составляло около 400, в 1956 году были оформлены документы на право застройки и отведено около 800 участков, и только за 3 месяца 1957 года оформлено документации для индивидуальной застройки более 200 застройщикам.⁵

Индивидуальное строительство шло и в сельской местности. К статьям расходов колхозных семей относилось и строительство жилых домов в селах и деревнях. На строительство предоставлялся кредит. Особенное распространение кредит получил в районах освоения целинных и залежных земель.⁶ Новоселам там выдавались долгосрочные кредиты в 10 тыс. руб. на семью, из них 35% безвозмездно.⁷ Колхозы и совхозы помогали сельским жителям в организации строительства. Они выделяли строительные материалы застройщикам (главным образом лес), а также местные материалы: саман, бутовый камень, лес.⁸ В помощь колхозникам также организовывались строительные бригады. В 1956 году во многих колхозах создавались специальные денежные фонды по оказанию помощи колхозникам застройщикам в виде долгосрочных кредитов.⁹

Таким образом, строительство жилья предприятиями и индивидуальными застройщиками позволило Советскому государству выйти на первое место в мире по темпам строительства и количеству вводимой в действие жилой площади. За три пятилетки улучшили свои жилищные условия свыше 139 млн. советских людей, причем 76,9% новоселов вселились в квартиры в новых домах. Если в 1959 году обеспеченность жильем на душу населения в городах составляла 8,3 кв.м, то к концу 1965 г. — 9,9 кв.м. В Оренбургской области по сравнению с остальными пятилетками и жилой фонд области увеличивался по нарастающей из года в год за весь период «оттепели». Так, если за период 1951-1955 гг. было введено 1268,7 тыс. кв.м жилой площади, то в 1956-1958 гг. в 1,1 раза больше, или 1396,4 тыс.кв.м жилой площади, а в 1959-1965 гг. построено жилья по сравнению с 1951-1955 гг. в 3,9 раза больше, что составило 4948,5 тыс. кв.м. (без площади колхозного строительства).¹⁰

Примечания

¹ Бронер, Д.Л. Жилищное строительство и демографические процессы / Д.Л. Бронер. — М., 1980. — С.110.

² Оренбургская область за 50 лет. — Челябинск, 1984. — С.34.

³ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). — Ф.1133. — Оп.1. — Д.61. — Л.47.

⁴ Вербицкая, О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву, середина 40-х — начало 60-х. / О.М. Вербицкая. — М.,1992. — С. 78.

⁵ ГАОО. – Ф.1133. – Оп.1. – Д.61. – Л.47.

⁶ Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма.1937-1975 гг. – Свердловск, 1981.- С.50.

⁷ Толмачева, Р.П. Колхозы Урала в 50-е годы / Р.П. Толмачева.- М., 1981. – С.105.

⁸ Толмачева, Р.П. Повышение материального уровня колхозников Урала в 1959-1970 гг. / Р.П. Толмачева // Материальное благосостояние тружеников уральской советской деревни 1917-1958 гг.: сб.науч.тр. – Свердловск, 1988. – С.79.

⁹ ГАОО. – Ф.1133. – Оп.1. – Д.61. – Л.87.

¹⁰ ЦДНПО. – Ф.371. – Оп.20. – Д.1035. – Л.20.

М.С. Каменских

*Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН*

ПРИМЕНЕНИЕ ТРУДА КИТАЙСКИХ РАБОЧИХ В ПОСЛЕВОЕННОМ СССР (на примере Молотовской области)

1950-годы во внешней политике СССР и КНР известны как эпоха «Большой дружбы». Как пишет в своей монографии исследователь А.Г. Ларин: «между СССР и Китаем примерно на десятилетие установились теснейшие дружеские отношения, основанные на единстве идеологии общности интересов в области строительства нового общества на мировой арене»¹. В частности, например, решить проблемы восстановления хозяйства и частичной индустриализации молодому китайскому государству удалось путем тесного экономического сотрудничества с СССР. Уже 14 февраля 1950 г. был подписан советско-китайский Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, который обеспечил безопасность КНР и создал ему благоприятные условия для экономического развития². На фоне начавшихся дружеских отношений между государствами в 1954 г. было принято одно из соглашений – постановление Совета министров СССР от 17.01.55 за № 92-49/с «О наборе в КНР рабочих для участия в коммунистическом строительстве и трудового обучения в СССР»³. СССР этим решением отчасти решал свой кадровый голод, а правительство КНР, таким образом, имело возможность подготовить технических специалистов.

Данная статья посвящена труду и быту китайцев, приехавших в г. Молотов в 1955-64 гг. для получения специального образования.

Источниками по этому периоду выступают данные Государственного архива Пермской области (ГАПО), Российского государственного

архива экономики (РГАЭ), международные соглашения между СССР и КНР 1950-х гг., местная пресса и воспоминания самих рабочих китайцев. Эти данные содержат полезную информацию об обстоятельствах приезда китайцев, выполняемых ими работах, условиях их труда и быта.

Переписку о приеме рабочих из КНР управление «Молотовстрой» Министерства нефтяной промышленности СССР начало в конце 1954 г.⁴ В апреле 1955 г. ЦК КПК обратился к СССР с просьбой принять на работы только тысячу человек, из которых триста – в «Молотовстрой» (помимо этого китайцы были отправлены в тресты: «Казахнефтестрой», «Таймазнефтестрой», «Альмеьевскнефтестрой», «Трест №2», «Востокнефтестрой»)⁵.

В дальнейшем численность китайцев Прикамья планировалось увеличить в два раза. Последняя партия в 300 человек прибыла в Пермь 5 сентября 1956 г.⁶ Таким образом, к концу 1956 г. в Молотове проживало 597 китайцев.

Через месяц после прибытия второй партии китайцев и.о. начальника «Молотовстроя» А. В. Корунов писал замминистру строительства предприятий нефтяной промышленности: «первый месяц их (второй партии китайцев – авт.) работы показал, что приехавшие товарищи очень трудолюбивые и выполняют свои задания на 85-100%... Что касается работы восточных рабочих, прибывших в прошлом году, они уже вполне удовлетворительно освоили строительные профессии»⁷. Отчетные документы в Министерство показывают, что китайские рабочие быстро осваивали специальности и работали с серьезным превышением планов. За полгода пребывания в СССР бригады китайских рабочих «Молотовстроя» смогли в среднем в 1,5-2 раза повысить производительность. Так, например, бригада каменщиков Ван Изаня с января по август 1956 г. смогла повысить производительность своего труда с 87 до 177%⁸. «В СССР китайские юноши и девушки, прошедшие строгий отбор, учились с небывалым рвением и достигали превосходных результатов», отметил в своей монографии А.Г. Ларин⁹.

В документах, помимо чисто формальных вопросах содержится информация о быте китайцев «Молотовстроя». Как писал в 1956 г. министру начальник «Молотовстроя»: «китайцы посещают центральный клуб в поселке Балатово...научились танцевать и в клубе можно видеть русских девушек, танцующих с восточными рабочими, ведут они себя очень корректно... Все они очень видоизменились, каждый из них за один год работы приобрел: костюм, плащ, часы, многие купили велосипеды и другие вещи. Наблюдая и изучая их быт, следует сказать, что живут они строго по своим заработкам, не употребляя спиртные напитки, 60-70% из всех не курят»¹⁰.

Что касается отношений с местным населением, то судя по отчетам, в министерство, конфликтов между китайцами и русскими не было. Так, например, когда однажды бригада штукатура Чжоу Фын, недопо-

лучила часть зарплаты по ошибке отдела кадров, последовало скорейшее разбирательство и деньги китайцам были выплачены¹¹.

Однако были и неприятные «инциденты». Так через год после проживания из Молотова в КНР были отправлены два китайца Чжан Го Дзюнь и Ван Чен, а на границу была отправлена секретная телеграмма государственным органам Манчжурии «чтобы они выслали своих сотрудников в для принятия и отправки их (двух китайцев – авт.) под народный суд провинции Хэбэй»¹².

В своем письме в министерство от 16.02.1956 г. начальник «Молотовстроя» мотивировал отправку китайцев следующими соображениями: «Чжан Го Дзюнь вел себя недобросовестно, за что имел два общественных выговора на общем собрании китайских рабочих... Кроме этого Чжан Го Цзюнь высказывал бранью по отношению к Советскому союзу и к его людям и антидружественные отношения между Китаем и СССР»¹³. Китайский рабочий Ван Чен, как следует из этого же письма, «высказывал недоверие к нему со стороны советских людей. Во время пребывания в больнице 9.12.55 самовольно ушел из больницы, в медицинском халате, мотивируя свой уход приходом врача к нему, не по его немедленному вызову»¹⁴. Поэтому Константинов настаивал на «отправке китайских рабочих в КНР. Ван Чен и Чжан Го Цзюнь, как скомпрометировавших себя в СССР»¹⁵.

Однако отношение к китайцам было влиянием политического курса. После того как с начала 1960-х гг. произошло охлаждение отношений между СССР и КНР¹⁶, закончившееся в конце 60-х гг. политическим кризисом, отношение к китайцам поменялось. В 1964 г. по директиве из КНР все китайские рабочие получили приказ вернуться на родину. Почти все из них уехали, многие оставили даже семьи с детьми. Однако 10 человек, имеющих русских жен и детей остались. Пятеро продолжают жить в Перми сегодня.

Таким образом, на примере данного исторического сюжета можно проследить, как на уровне сложных механизмов межгосударственного экономического взаимодействия государств, возникают миграционные потоки, имеющие важное значение в развитии экономики отдельных регионов.

Примечания

¹ Ларин, А.Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк / А.Г. Ларин. – М.: Муравей, 2003. – С. 153.

² Об этом подр. см.: Усов, В.Н. История КНР: в 2 т. / В.Н. Усов. – Т. 1. – 1949-1965. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – С. 156.

³ На сегодняшний день документ засекречен и его можно реконструировать только фрагментарно на основании упоминаний его в других документах.

- ⁴ ГАПО. – Ф. р.-1084. – Оп.2. – Д. 12. – Л. 1.
⁵ Там же. – Л.5.
⁶ ГАПО. – Ф. р.-1084. – Оп.2. – Д. 17. – Л. 3.
⁷ ГАПО. – Ф. р.-1084. – Оп.2. – Д. 17. – Л. 15
⁸ Подр. об этих показателях см.: РГАЭ. – Ф. 8837. – Оп.1. – Д. 720. – Л. 61-62.
⁹ Ларин, А.Г. Указ. соч. – С. 154.
¹⁰ ГАПО. – Ф. р.-1084. – Оп.2. – Д. 17. – Л. 15.
¹¹ ГАПО. – Ф. р.-1084. – Оп. 1. – Д. 201. – Л. 195
¹² ГАПО. – Ф. р.-1084. – Оп. 1. – Д. 201. – Л. 297-289.
¹³ ГАПО. – Ф. р.-1084. – Оп. 1. – Д. 201. – Л. 279-280.
¹⁴ Там же.
¹⁵ Там же.
¹⁶ Капица, М.С. Эскалация вероломства / М.С. Капица. – М.: Знание, 1970. – С. 10-11.

А.А. Деманов

*Чувашский государственный университет
им. И. Н. Ульянова*

ВПК КАК ФАКТОР УСКОРЕНИЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (на материалах автономных республик ВВЭР)

В период II мировой войны и в первые послевоенные годы получили развитие отрасли промышленности, обеспечивающие непрерывное улучшение и совершенствование тактико-технических данных систем артиллерийского и реактивного вооружения, бронетанковой техники, боевых самолетов и кораблей, всех видов военной связи. Прежде всего, это – электромеханическая, радиотехническая и электронная промышленность.

Непосредственно высокотехнологичные отрасли ВПК в автономных республиках ВВЭР представляли следующие предприятия в Марийской АССР заводы № 297 и № 298, в Мордовской АССР – № 618, в Чувашской АССР – № 654. Завод № 297 входил в систему Наркомата Вооружений, № 298 подчинялся Министерству промышленных средств связи, № 618 и № 654 – Министерству электронной промышленности (МЭП).

На ЧЭАЗ это были разработки для танковой и авиационной техники, различные модификации магнитных станций для ВМФ¹, в дальнейшем в технические планы завода постоянно вносились новые пози-

ции по тематике связанные с выполнении заказов ВМС СССР². В Саранске развивали направление выпрямительных агрегатов семейства ВАР, данная продукция предназначалась Генштабу ВС, Управлению связи ВМС, МВД³. В качестве получателя часто значились различные военсклады в Москве, Ульяновске, военные части.

Технический прогресс, в перечисленных отраслях народного хозяйства в значительной мере определялся качеством и номенклатурой выпускаемых электроаппаратным заводом изделий. Поэтому грандиозные задачи пятой пятилетки по развитию народного хозяйства выдвигали требования не только по увеличению объема продукции, но и по значительному расширению номенклатуры изделий, повышению качества выпускаемой электроаппаратуры.

Состоявшийся на ЧЭАЗ в октябре 1950 г. Всесоюзное совещание по релестроению отметило, что аппаратура релейной защиты еще не отвечает по своей номенклатуре и качеству требованиям электроэнергетики, диктуемым ростом передаваемых мощностей, увеличением расстояний их передачи, повышением напряжения линий электропередачи.

Сотрудничество с различными НИИ были одной из самых эффективных форм применения теоретических достижений в производстве. Так ЧЭАЗ активно работал с целым рядом научно-исследовательских учреждений страны (Институтом Автоматики и Телемеханики АН СССР, Московским энергетическим институтом, Новочеркасским политехническим институтом), молодые ученые на практике проверяли свои теоретические выкладки⁴. Саранский «Электровыпрямитель» еще в 1947 г. установил сотрудничество с НИИ Макеевское⁵. Йошкар—Олинский завод полупроводниковых приборов имел договор о социалистическом содружестве с Казанским филиалом АН СССР⁶, кроме того тесно сотрудничал с Поволжским Лесотехническим институтом (ныне Марийский государственный технический университет).

Научно-исследовательская работа и новые разработки связанные с оборонной тематикой всегда финансировались в полном объеме их размеры постоянно росли. Часто это было связано с различными дополнительными включениями в технические планы работ по разработке специальных изделий, под грифом секретно. Так было в случае с разработкой и изготовлением пылевлагонепроницаемых переключателей и выключателей для ВВС, на заводе № 654⁷. На том же предприятии был даже организован специальный участок в сварочном отделении для морских станций (ВМС)⁸.

В результате, в годы 5-й пятилетки промышленность Марийской АССР развивалась по более выраженной интенсивной модели, причем деятельность ВПК носила закрытый характер, что затрудняло выявление истинного состояния и уровня развития отрасли. Развитие промышленности Мордовии и Чувашии носило в большей степени эк-

стенсивный характер: проектировались и закладывались новые заводы, расширялась география их размещения на территории республик.

Советский ВПК объективно был мощнее чем гражданский сектор экономики, что было обусловлено геополитической обстановкой в мире. Его финансирование никогда не испытывало нужды в ни финансах, ни в кадрах, ни научно-техническом обеспечении. Охваченная эйфорией успехов в космосе, страна не замечала этого. Однако, сказались переоценка техники и недооценка человеческого фактора: экстенсивная экономика не до конца стимулирует технический прогресс. Природные, демографические и финансовые ресурсы государства давали возможность решать проблемы не столько умением, сколько числом.

Несмотря на это, вопросы повышения эффективности технического творчества занимали определенное место в деятельности партийных органов республик ВВЭР, уделявших внимание росту числа изобретателей и рационализаторов, поданных ими предложений, увеличению суммы экономии от использования новшеств, развитию научных учреждений республики системы научно-технической информации, совершенствованию социального облика новатора, вовлечению в движение молодежи.

Разработка и создание технических новшеств, предполагает наличие ряда факторов: научно-производственной базы, творческих исследовательских коллективов, высококвалифицированных рабочих, которые были бы в состоянии предложить и воплотить идею в материале.

Примечания

¹ ГИА ЧР. – Ф.1517. – Оп. 31. – Д. 9. – Л. 2, 19.

² Там же. – Д. 10. – Л. 2.

³ ЦГА РМ. – Ф. Р-796. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 8; – Д. 49. – Л. 59.

⁴ Там же. – Д. 15. – Л. 73; – Д. 7. – Л.26–65.

⁵ ЦГА РМ. – Ф. Р-796. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 5.

⁶ ГА РМЭ. – Ф. Р-830. – Оп. 3. – Д. 11. – Л. 6.

⁷ ГИА ЧР. – Ф. 1517. – Оп. 31. – Д. 28. – Л. 3.

⁸ Там же. – Д. 10. – Л. 13.

**ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКО-GERMANСКИХ
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ (1990-2008 гг.)**

Изменения геополитического баланса сил, произошедшие в Европе начала 90-х гг. XX века, поставили перед Германией и Россией серьезные задачи модернизации внешнеполитических курсов. Уходя из Восточной Европы, Россия имела лишь одного преемника на «пост руководящей силы» на просторах бывшего Варшавского блока – Германию. Руководство ФРГ уже в первые годы существования объединенного немецкого государства имело все шансы на постановку собственной, индивидуальной внешнеполитической линии по отношению к Польше, Чехии и Прибалтике. Однако естественное желание германской элиты к расширению немецкого влияния было приостановлено объективными причинами внутреннего и внешнего характера. Во-первых, существовала проблема интеграции территории бывшей ГДР в состав «Берлинской» республики, отвлекавшая огромный объем ресурсов, в первую очередь, финансовых. Во-вторых, основным союзником ФРГ по НАТО, США не собирались допускать единоличного проникновения Германии в Восточную Европу, даже под вывеской Европейского Союза. Германия была вынуждена на время отказаться от внешнеполитической активности на Востоке. Более перспективным для Германии оказался вариант негосударственного долгосрочного сотрудничества на просторах от Балтики до Дуная с российской бизнес – элитой.

Будучи наиболее промышленно развитой и финансово состоятельной страной Евросоюза (третье место в мире по объему промышленного производства, 28% ВВП стран ЕС)¹, Германия является фактически связующим экономическим, а следовательно и политическим звеном в отношениях между Россией и Западной Европой. Франция, по большей части замкнувшаяся на своих внутренних проблемах, является «коллегой» консультативного характера. Великобритания, превращаясь к концу столетия в слабозавуалированную марионетку Вашингтона, перестает играть роль полноценного внешнеполитического партнера России. Из классического силового треугольника Старой Европы, лишь Германия на сегодняшний день представляет собой значительную силу. Правительство Г. Коля выражая общепартийную благодарность СДПГ по отношению к России за ее «уступки» в процессе объединения Кремля. Однако в действиях Берлина видна не «благодарность» партнеру, а осознание политической слабости и неустойчивости положения России в Европе и, как следствие, превращение ее в сырьевой «придаток» европейской экономики в целом и германской в частности.

Вплоть до конца 90-х гг. отношение Германии к России, как политической силе, во многом обуславливалось теми принципами, которые в свое время взяла на себя Боннская республика. Установки эти, естественно формулировались в Вашингтоне.

Однако с переходом ФРГ к более самостоятельной внешней активности стало очевидно – Германия значительно упрочила свои позиции в регионе Восточной Европы, явно потеснив здесь позиции России. «Почуя слабое место в позиции противника или партнера Германия тут же бросает все силы и возможности чтобы расширить брешь, действуя при этом расчетливо...»²

Ситуация продолжает логически развиваться с избранием в 1998 году Г. Шредера на пост канцлера.

Его внешнеполитические приоритеты лежали на Западе. Федеративная республика Шредера, в отношениях с Кремлем проводит самостоятельную политику, имеющую мало общего с тандемом «Россия – ЕС».

Россия на протяжении второй половины 90-х – и вплоть до сегодняшнего дня эволюционирует в глазах германской элиты из образа «скорее территориального, нежели политического организма»³ в полноценного партнера, становление самостоятельной внешней политики которого приводит к резкому недовольству германское руководство и вынуждает Берлин совершать следующий типичный ход немецкой дипломатии – активно осуществляется резкая критика любого действия оппонента⁴.

Правительство пришедшей к власти в 2005 г. партии ХДС, во главе с А. Меркель, занимает явную антироссийскую политику. Уместно вспомнить замечание главного научного сотрудника Института Европы РАН, И. Максимычева: «Эти партии (ХДС и ХСС) опираются на более чем столетнюю традицию германской экспансии на Восток»⁵.

В отношениях двух стран период с середины 2005 г. и вплоть до августа 2008 г. напоминает «уважительное» и «дружеское» отношение между Германией и Россией накануне русско-турецкой войны 1877-1878 гг. А. Меркель сегодня в вопросе о событиях в Южной Осетии, поступила аналогично действиям Бисмарка. Разница лишь в том, что на место Турции пришла Грузия, а «невидимое стравливание» вместо Англии проводят США.

В наши дни отношения России и Германии повторяют по многим параметрам события предшествующих периодов двухсторонних контактов. От Кремля вновь отдаляется этот привычный партнер, не желающий взаимодействовать на равных и ограничивать собственную свободу маневра. Здесь уместно говорить уже не о тенденции подобных «повторений», а об их закономерности.

Примечания

¹ Павлов, Н.В. История современной Германии / Н.В. Павлов. – М., 2006. – С. 415.

² Квицминский, Ю.А. Россия-Германия. Воспоминания о будущем / Ю.А. Квицминский. – М., 2008. – С. 181.

³ Шульце, Х. Краткая история Германии / Х. Шульце. – М., 2004. – С. 238.

⁴ См.: Der Spiegel. – Nr. 43. – 11.8.08. – S. 12-13.

⁵ Российская газета. – № 18. – 20.12.04. – С.12.

СЕКЦИЯ II.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ

Э.Г. Алдашев

Самарский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕРКОВНЫХ ПРИХОДОВ НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ЮЖНОГО СРЕДНЕВОЛЖЬЯ В 80-ые ГОДЫ XVI – НАЧАЛЕ XVIII СТОЛЕТИЙ

Процесс православного освоения Правобережной части Южного Средневожья в период с 80-х годов XVI века по начало XVIII столетия включительно шел параллельно общему процессу колонизации этих территорий и переплетался с последним. Но если вслед за В.О.Ключевским и Э.Л.Дубманом¹ отойти от постулата разделения процесса колонизации на отдельные потоки, то православное освоение следует рассматривать как неотъемлемую часть первого. Христианская духовная составляющая как раз, на наш взгляд, и скрепляла все ветви русского колонизационного потока в единое целое, являлась одним из его двигателей, а для многих его участников служила доминантой и часто современникам без нее не мыслилась практически никакая деятельность.

Православные приходы создавались там, где, в первую очередь, селилось русское православное население, при его непосредственном участии и чаще всего благодаря его непосредственной активности. В рассматриваемой части Предволжья отмечается массовое расселение именно данной категории населения. Этот факт и определил то, что к концу данного периода церковно-приходская система охватывала все земли Симбирско-Самарского Предволжья. Число приходов и церквей в отдельных районах находилось в прямой зависимости от количества населенных пунктов и проживавших в них жителей.

При формировании систем церковных приходов в отдельных районах выявляются две стадии: начальная – первичного освоения с возникновением церковных ячеек и последующая – дальнейшее вторичное освоение с дроблением старых подобных церковных единиц и параллельно проходившим созданием новых приходов на еще свободных территориях, занимаемых населением в рамках уже внутренней колонизации района.

В указанное время можно выделить два этапа и в процессе формирования общей региональной церковно-приходской системы: с 80-х годов XVI по конец 40-х годов XVII столетий и с середины XVII по начало XVIII веков. Первый этап характеризуется очаговостью возникновения небольших систем церковных приходов разбросанных по региону, что объясняется слабой заселенностью края и первичным православным освоением отдельных районов. Второй этап является временем масштабного и интенсивного освоения Правобережья Южного Средневолжья, в рамках которого церковно-приходской системой были охвачены все входящие в регион земли, что является результатом интенсивного заселения края. На втором этапе и начинается указанная ранее стадия дальнейшего вторичного православного освоения в рамках некоторых районов края.

На первом этапе возникло три островка приходов на Нагорной стороне Волги, причем два из них располагались на Самарской Луке. Сначала практически синхронно возникли православные анклавные территории после Смутного времени, а возможно еще ранее – в 80-90-х годах XVI столетия в юго-восточной части последней² и при слиянии Суры и Барыша на землях, прилегавших с юга к старой Тетюшской засеке³, а затем в 30-ые годы XVII века на северо-западе Самарской Луки⁴, которые мы условно называем Самарским, Промзинским и Надеинским микрорайонами. Первый включал в себя еще находившуюся в Заволжье Самару. В Самарском уезде находилось шесть церквей – две сельские⁵ и четыре в городе, в том числе два монастырских храма – из последних Преображенский в женской обители был приходским⁶. Приделы при Преображенской церкви самарского мужского Спасо-Преображенского монастыря и Троицком соборе в Самаре также могли функционировать в качестве самостоятельных храмов⁷. Одна церковь действовала в Надеинском Усолье и три в Промзинском микрорайоне. Всего в регионе в завершении первого этапа в 1646 году действовал десяток храмов, из которых семь были приходскими.

На втором этапе произошел охват сотнями церковных приходов всего Правобережья Южного Средневолжья. Последние поочередно возникали в двух значительных и одном небольшом районах Предволжья: сначала с середины XVII столетия севернее Симбирско-Карсунской засеки и в центральной части Самарской Луки, а несколько позже на территориях, прилегавших к Сызрани и Кашпиру⁸. Микрорайоны, охваченные системой церковных приходов на первом этапе, продолжали подвергаться дальнейшему вторичному православному освоению – в них на Самарской Луке возникли еще три храма.

Эти процессы сопровождалось созданием новых церковно-административных единиц: Самарской, Симбирской, Сызранской⁹ и Карсунской десяти¹⁰. Симбирская, возникшая в 1651 году, на протяжении 19

лет переходила из рук в руки от патриархов к казанским владыкам и обратно, но в итоге была закреплена за Казанью в 1667 году¹¹, а Карсунская, существовавшая с 1682 года, отошла туда же в 1720 году¹². Самарский и Сызранский заказы, а название заказ для всех аналогичных церковно-административных единиц Южного Средневолжья впервые употребляется с 1687 года в грамоте о церковном благочестии казанского митрополита Адриана¹², сразу же были закреплены за Домом Благовещения Пресвятой Богородицы¹⁴. Маленький северо-западный уголок рассматриваемого региона с двумя монастырями и несколькими сельскими приходами Алатырской десятины сначала входил в состав Патриаршей области, а с 1672 года стал частью новой Нижегородской епархии¹⁵ (храмы этой десятины не вошли в наши дальнейшие расчеты).

Симбирская засека с городами и острогами явилась искусственной, а река Свияга — естественной артерией в Предволжье, вдоль которых наиболее успешно, быстро и в первоочередном порядке шло заселение и православное освоение края. В населенных пунктах вдоль них уже в 1654 году располагалось 35 церквей, а вне их всего одна на реке Большая Якла¹⁶. Лишь только после этого года постепенно начинают возводиться храмы в других районах Карсунского и Симбирского уездов. По истечении 30-ти лет прохождения указанных процессов на их территории в 1678 году располагалось соответственно 19 и 45 церквей (четыре из них южнее вала на степной стороне), еще 11 находились в Самаре и на Самарской Луке, а всего на Правобережье Южного Средневолжья — 75 храмов, из последних 69 являлись приходскими. На семь монастырей приходилось всего лишь шесть церквей, ибо две карсунские городские обители до 1685 года не имели своих Домов Божьих¹⁷ — последнее было нетипично для региона.

Район военного расселения вокруг Сызрани и Кашпира явился с 80-х годов XVII столетия нечто аналогичным Симбирско-Карсунской укрепленной православной «артерии» для южной части разраставшегося Симбирского уезда, территориальные прибавления которого сразу же обзаводились храмами.

В конце рассматриваемого нами периода церкви региона входили в состав четырех заказов и число их достигало в 1706 году 226, то есть с момента переписи 1678 года, также почти за 30 лет, количество храмов более чем утроилось. Его церковно-приходская система включала в себя совокупность храмов уже шести городов и пригородов, плеяду подобных сакральных мест шести острогов Симбирско-Карсунской линии и Алексеевска, монастырские Дома Божьи и сеть сельских церквей. В городах, пригородах и острогах функционировало 44 церкви, в том числе семь соборов, причем в Симбирске в силу его величины и значимости

сразу два главных храма. Число сельских сакральных мест достигало 182. В монастырях действовало 16 церквей — в городских 13 и в сельских 3 храма. Приделы при храмах могли функционировать как самостоятельные церкви. Число приходов в регионе также более чем утроилось и достигало 216: 37 в городах, пригородах и острогах, а также 179 в сельской местности.

Если в 1678 году 55 церквей на Правобережье Южного Средневожья без земель Карсунского уезда составляли приблизительно 20% от 284 храмов Казанской епархии, то в 1706 году 174 церкви в этой части Предволжья без Домов Божьих Карсунской десятины являлись уже примерно 35% от 500 подобных сакральных мест кафедры № 3 РПЦ. Все увеличивающаяся доля храмов и количество монастырей рассматриваемого региона позволяла Церкви считать осваиваемый край уже доподлинно русским и православным, а нам — одной из характеристик его все возрастающего веса в епархии и русском обществе.

Все ранее сказанное позволяет говорить о том, что в течение семнадцатого столетия темпы православного освоения региона увеличивались. Одним из важнейших его результатов явились создание на Правобережье Южного Средневожья крупной церковно-приходской системы, развитие региона как классического православного края, превращение его в одну из наиболее «охристианизированных» земель всего Среднего Поволжья и крупный форпост на магистральном пути длительного масштабного русского движения на юг и юго-восток.

Примечания

¹ Ключевский, В.О. Новые исследования по истории древнерусских монастырей//Ключевский В.О. Православие в России. — М., 2000. — С.436.

² РГАДА. — Ф.1239. — Оп.52. — Д.1407. — Л.41об. и др.; Дубман, Э.Л. Первые самарские монастыри / Э.Л.Дубман // Самарский земский сборник. — № 1-2 (13-14). — Самара,2006. — С.59-61.

³ Поволжье — «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI — начало XX вв.) — Самара, 2007. — С.26.

⁴ Перетяткович, Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века / Г.И. Перетяткович. — Одесса,1882. — С.226.

⁵ Алабин, П.В. Несколько старинных документов, относящихся до истории города Самары и Самарского края / П.В. Алабин. — Самара, 1890. — С.17-38.

⁶ Невоструев, К.И. Исторические описания бывших в городе Самаре мужского Спасо-Преображенского и женского Спасского монастырей / К.И.Невоструев // Классика самарского краеведения: антология.

– Самара, 2002. – С.42-45.

⁷ РГАДА. – Ф.396. – Оп.1. – Ч.26. – Д.41162. – Л.39,42; Дубман, Э.Л. Начало православной Самары / Э.Л.Дубман // Самарский земский сборник. – Самара, 2005. – № 2 (10). – С.19.

⁸ Покровский, И.М. Казанский Архиерейский дом. Его средства и штаты преимущественно до 1764 года / И.М.Покровский. – Приложения. – Казань, 1906. – С.163-164.

⁹ Там же.

¹⁰ Холмогоров, В. Материалы для истории Симбирскаго края до второй половины XVIII века (Описание Синбирской и Карсунской десятин Патриаршей области) / В.Холмогоров. – Симбирск, 1898. – С.2.

¹¹ Там же.

¹² Красовский, В.Э. Прошлое города Корсуна. (Краткий исторический очерк.) / В.Э.Красовский. – Симбирск, 1903. – С.27.

¹³ Евфимий (Малов), протоиерей. Древние грамоты и разные документы. (Материалы для истории Казанской епархии.) / протоиерей Евфимий (Малов)//Известия ОАИЭ при императорском Казанском университете. – Т. XVIII. – Вып.1-3. – Казань, 1902. – С.39.

¹⁴ Покровский, И.М. Указ. соч. – С.164.

¹⁵ Неболюбов, П. Учреждение архиерейской кафедры в городе Симбирске. Церковно-исторический очерк / П.Неболюбов. – Симбирск, 1898. – С.24.

¹⁶ Холмогоров, В. Указ. соч. – С.3-41.

¹⁷ Красовский, В.Э. Указ. соч. – С.35.

О.Д. Столяров

Самарский государственный университет

РОЛЬ А.И. ОСТЕРМАНА ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АННЫ ИОАННОВНЫ

Специфика внутренней политики эпохи Анны Иоанновны заключается в том, что в этот период почти не проводилось реформ. Среди более или менее крупных преобразований ее правления можно назвать лишь создание в 1721 г. такого нового для России учреждения как Кабинет министров, который, правда, был ликвидирован в 1741 г., а также ряд мероприятий, направленных на облегчение государственной службы дворян, который завершился манифестом 1736 г. о сокращении срока обязательной службы дворян до 25 лет¹.

Цель данной работы – определить степень влияния Остермана на внутреннюю политику в период правления Анны Иоанновны. Для этого необходимо, во-первых, выяснить, какова была степень участия самой Анны Иоанновны во внутренних делах, во-вторых, рассмотреть отношения Остермана и Бирона и, соответственно, влияние последнего на эти дела, в-третьих, определить, каково было участие Остермана в работе Кабинета министров.

В данной работе были использованы книги Е.В. Анисимова, Я.А. Гордина, Н.И. Костомарова, Н.Н. Петрухинцева, Н.И. Павленко и других исследователей. Источники – материалы Кабинета министров, опубликованные в сборниках РИО, а также мемуары того периода.

На момент прихода к власти Анны Иоанновны Остерман был членом Верховного тайного совета, вице-президентом коллегии иностранных дел и вице-канцлером, президентом коммерц-коллегии, а также занимал несколько менее значительных постов².

В первые годы правления Анны Иоанновны Остерман являлся, по-видимому, чуть ли не единственным, кто мог оказывать и оказывал влияние на действия императрицы: Долгоруковы и Голицыны ушли в политическое небытие³, Бирон и Миних еще не вошли в силу (к тому же Миних на этом этапе был союзником Остермана), а Головкин находился под влиянием Андрея Ивановича⁴. Правда, по некоторым данным, в первые месяцы правления Анны Иоанновны существовал направленный против Остермана блок, состоявший из Черкасского, Ягужинского и Карла Густава Левенвольде, но он быстро распался⁵.

В 1731 г. для непосредственного управления империей был создан Кабинет министров, как считается, по инициативе Остермана⁶. В 1735 г. подписи трех кабинет-министров были приравнены к подписи императрицы⁷. В течение первого года существования Кабинета Анна часто приходила на его заседания. Начиная с конца 1732 г. она почти перестает там появляться⁸. Соответственно, сложно говорить о каком-либо серьезном влиянии императрицы на внутреннюю политику.

Кроме Остермана в состав Кабинета входили канцлер граф Г.И. Головкин и князь А.М. Черкасский⁹. Что касается первого, он, хотя и был формально первым кабинет-министром (и к тому же в качестве президента коллегии иностранных дел непосредственным начальником Остермана), фактически принимал небольшое участие в работе Кабинета. Согласно протоколам этого учреждения он почти не посещал заседаний¹⁰.

С Черкасским дело обстоит несколько сложнее. Он, как и Остерман, принимал активное участие в деятельности Кабинета¹¹, но отзывы современников о князе позволяют предположить, что Черкасский в этот период находился под влиянием Андрея Ивановича¹².

Положение Остермана еще более укрепилось после смерти Головкина в 1734 г. Пост канцлера и должность президента коллегии иностранных дел остались незамещенными, и фактически достались Остерману. Кроме того, Андрей Иванович стал первым кабинет-министром. Его подпись теперь неизменно стояла первой на бумагах Кабинета¹³. Третьим кабинет-министром стал граф П.И. Ягужинский¹⁴, который, как и Головкин, не мешал Остерману, хотя и был, как считается, ставленником Бирона¹⁵.

Когда речь идет о степени влияния Остермана в период правления Анны Иоанновны, неизбежно встает вопрос о соотношении фигур Остермана и Бирона. Все источники и авторы исследований сходятся на том, что Бирон не занимался делами повседневного управления¹⁶. Он, правда, мог влиять на эти дела через своих ставленников в Кабинете, но первым активно действовавшим протееже Бирона в этом учреждении стал Волынский. Таким образом, до 1738 г. влияние Бирона на государственные дела ограничивалось воздействием на саму Анну Иоанновну, а в поле ее зрения внутренняя политика почти не попадала. Соответственно, Бирон мог в определенной степени влиять лишь на внешнюю политику, которой Анна Иоанновна уделяла определенное внимание.

Положение Остермана пошатнулось после смерти Ягужинского в 1736 г. В течение двух лет место Павла Ивановича оставалось незамещенным, и лишь в 1738 г. Бирону удалось ввести в Кабинет Волынского, который вскоре начал оказывать значительное влияние на Черкасского, и, соответственно, стал серьезным соперником Остермана¹⁷.

Однако такое положение вещей продолжалось недолго. Приобретая большее влияние, Волынский решил, что Бирон теперь ему не нужен, и начал идти на открытые конфликты с ним. Бирон понял, что совершил ошибку, помогая Волынскому, и заключил союз с Остерманом. Неизвестно, была ли эта ситуация результатом преднамеренного расчета Остермана или стала для него подарком судьбы, но он, во всяком случае, сумел ею воспользоваться. Волынский был казнен, а на его место встал А.П. Бестужев-Рюмин¹⁸, который, хотя и был протееже Бирона, не приобрел такого влияния, как Волынский, да и сам Бирон, по-видимому, стал более осторожно относиться к своим выдвиженцам и в большей степени доверять Остерману¹⁹. Ситуация вернулась к той же точке, в какой она находилась в первой половине 30-х гг.

Итак, можно сделать вывод, что Остерман играл ведущую роль во внутренней политике в эпоху Анны Иоанновны. Его соперниками в этой сфере в конце 30-х гг. был Волынский и отчасти Бирон, не принимавший прямого участия в государственных делах, но тем не менее до самой смерти императрицы именно Остерман оказывал наибольшее влияние как на внутренние дела Российской империи.

Примечания

¹ Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны // Сборник Императорского русского исторического общества. – Т.117. – Юрьев, 1904. – С.159.

² Павленко, Н.И. Птенцы гнезда Петрова / Н.И. Павленко. – М., 1988. – С.131.

³ Гордин, Я.А. Меж рабством и свободой / Я.А. Гордин. – М., 1995. – С.75.

⁴ Миних, Б.Х. Очерк, дающий представление об образе правления Российской Империи // Безвременье и временщики. – М., 1996. – С.172.

⁵ Русский биографический словарь. – Т.15. – М., 1997. – С.169.

⁶ Петрухинцев, Н.Н. Царствование Анны Иоанновны / Н.Н. Петрухинцев. – М., 1989. – С.38.

⁷ Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны // Сборник Императорского русского исторического общества. – Т.117. – Юрьев, 1904. – С.264.

⁸ Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны // Сборник Императорского русского исторического общества. – Т.106. – Юрьев, 1899. – С.241.

⁹ Костомаров, Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей в 2 т. / Н.И. Костомаров. – Т.2. М., 1995. – С.156.

¹⁰ Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны // Сборник Императорского русского исторического общества. Т.104. – Юрьев, 1898. – С.197.

¹¹ Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны // Сборник Императорского русского исторического общества. Т.104. – Юрьев, 1898. – С.182.

¹² Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. – М., 1997. – С.104.

¹³ Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны // Сборник Императорского русского исторического общества. Т.114. – Юрьев, 1902. – С.56.

¹⁴ Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны // Сборник Императорского русского исторического общества. Т.114. – Юрьев, 1902. – С.57.

¹⁵ Анисимов, Е.В. Россия без Петра / Е.В. Анисимов. – СПб., 1994. – С.125.

¹⁶ Миних, Э. Записки // Безвременье и временщики. – М., 1996. – С.241.

¹⁷ Анисимов, Е.В. Россия в середине XVIII века / Е.В. Анисимов. – М., 1986. – С.83.

¹⁸ Бумаги Кабинета министров Анны Иоанновны // Сборник Императорского русского исторического общества. Т.146. – СПб., 1915. – С.351.

¹⁹ Павленко, Н.И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе / Н.И. Павленко. – М., 2002. – С.61.

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СЕВЕРНЫМ КАВКАЗОМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

В 1840-е в разгар Кавказской войны поиск новых путей для умиротворения Кавказа в правительственных кругах велся, прежде всего, в сфере организации управления войсками и территорией и в области кадров. Было решено учредить особую форму управления – наместничество – задуманную как управление Кавказом лично монархом, но через его доверенное лицо.¹

Назначаемый императором наместник как личный представитель монарха на Кавказе имел неограниченные политические полномочия, действовал по собственному усмотрению, а в случае «беспорядков» мог также принимать решения о применении силы оружия. Он имел право своей властью решать все вопросы, которые не требовали издания новых законов. Ему были присвоены должность и звание члена Государственного Совета, Совета и Комитета министров, главнокомандующего войсками Кавказского военного округа и войскового наказного атамана Кавказских казачьих войск. Кавказский наместник не был ограничен в своей деятельности центральными органами власти, не подпадал под влияние Совета министров, хотя по своему статусу и приравнивался к министрам. По гражданской части он подчинялся непосредственно царю.²

При наместнике находился совещательный орган – Совет, состоявший из двух специально назначенных императором лиц, представителей ряда министерств, старшего председателя Тифлисской судебной палаты и директора канцелярии наместника. Как войсковой наказной атаман, он командовал казачьими войсками и управлял городами и гражданским населением Кубанской и Терской областей, как главнокомандующий войсками – горскими народами.³ Так как в управлении Кавказским краем существовали две различные системы, военно-народная и общегубернская, при наместнике были учреждены должности помощников по гражданской и военной частям и созданы специальные исполнительные органы: канцелярия по делам местностей, состоящих в ведении военно-народного управления и канцелярия по общегражданскому управлению.⁴

Сельские (аульные) общества имели свои самоуправления, находившиеся под властью старшин и народных судей. На их должности чаще всего избирались представители феодальной элиты и духовенства, дальнейшее утверждение которых российскими властями производилось при наличии признаков благонадежности.⁵

Общерегionalная судебнo-административная реформа была проведена на Северо-Восточном Кавказе в 1860-1868 гг. Положение 1868 года превращало джамаат в бессловную общину (сельское общество). Были созданы новые органы самоуправления сельского общества. Они включали сельский сход и сельский суд в составе старосты (бегаул), шариатского судьи (кади) и знатоков местного адата. Обязанности сельских обществ по отношению к Российской государствену сводились к уплате налогов, поддержанию правопорядка, поимке и выдаче абреков, ремонту дорог и выделению подвод для нужд войск, проходящих по их территории.

Реформа обычного права преследовала следующие основные задачи.

- Преодолеть судебнo-административную раздробленность и создать единую централизованную организацию края.
- Ослабление исполнительной, судебной, законодательной власти мусульманских руководителей сельских общин и создание светской администрации.
- Подготовить постепенный переход дагестанцев к единому российскому судопроизводству и законодательству.

На Северо-Западном Кавказе горцы составляли меньшинство. Они жили в укрупненных селениях бок о бок с переселенцами из России. Поэтому уже в 1871 году горское население Кубанской и Терской областей было подчинено общероссийской гражданской администрации. Здесь удалось провести в жизнь только некоторые элементы военнo-народного управления, касающиеся судебной и общинной организации местных мусульман.⁶

Александр III считал нужным переходить от неограниченных полномочий главы Кавказа к системе российских иерархических должностей.

На решение о ликвидации наместничества повлияла наметившаяся уже линия политики на уничтожение особых условий существования окраинных территорий. В 1883 было принято новое положение об управлении Кавказом, поставившее его в зависимость от отраслевых министерств.⁷

Высшее гражданское и военное управление Дагестанской областью с 1883 г. было предоставлено военному губернатору, который одновременно являлся командующим расположенными здесь войсками. По служебной иерархии он подчинялся главному начальнику гражданской части и главнокомандующему войсками Кавказского военного округа (а с 1905 г. — кавказскому наместнику). Генерал-губернатор в качестве «государева наместника» наделялся весьма широкими полномочиями, дававшими ему возможность осуществлять властный надзор за всей системой местного управления и судопроизводства. Практика назначения военного губернатора в Дагестанскую область сохранялась вплоть до свержения монархии

Несколько по-другому строилось управление Кубанской и Терской областями. Оно основывалось на удовлетворении административно-политических потребностей не только местных народов, но и российского казачества. Управлением Кубанской и Терской областей, согласно «Учреждения управления Кавказского края» (1888 г.) занималось военное министерство. Для этого в нем было дополнительно образовано Горское отделение.

В условиях революции 1905-1907 гг., которая затронула и Кавказ, наилучшим из решений российской властной элите показалось восстановление наместничества с его чрезвычайными полномочиями и отсюда возможность скорого принятия мер по усмотрению наместника.

Таким образом в начале XX сложилась своеобразная система управления Северным Кавказом, основанная на политике включения местных народов в общеимперскую модель управления, с одной стороны, и на поддержании традиционной системы самоуправления, которая затрагивала прежде всего судебную сферу, с другой. Однако к 1910-м гг. институт военно-народного управления уже изжил себя и требовал реформирования. Процесс включения местных народов в империю не был завершен.

Примечания

¹ Чернуха, В.Г. Поиски равновесия. Россия и Кавказ во второй половине XIX – начале XX в. / В.Г. Чернуха // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX начало XX вв. – СПб 2005. – С.237-251.

² Матвеев, В.А. Опыт укрепления государственного единства. Россия и Северный Кавказ во второй половине XIX – начале XX вв. / В.А. Матвеев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2003. – №3.

³ Национальная политика России: история и современность. – М.: «Русский мир», 1997. – С.108.

⁴ Матвеев, В.А. Опыт укрепления государственного единства. Россия и Северный Кавказ во второй половине XIX – начале XX вв. / В.А. Матвеев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2003. – №3.

⁵ Там же.

⁶ Бобровников, В.О. Военно-народное управление в Дагестане и Чечне / В.О. Бобровников // Россия и Кавказ. Сквозь два столетия. – СПб.: Журнал «Звезда», 2001. – С.93-100.

⁷ Чернуха, В.Г. Поиски равновесия. Россия и Кавказ во второй половине XIX – начале XX в. / В.Г. Чернуха // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX начало XX вв. – СПб 2005. – С.237-251.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ «КАЗАНСКОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ-ВЕЛОСИПЕДИСТОВ» (1893-1896 гг.)

Смена жизненных ориентиров, направленных на стремление вести здоровый образ жизни, становится сегодня отличным поводом вспомнить опыт и достижения физического спорта не только российского, но и регионального уровня.

Процесс институализации физического спорта в Казанской губернии начинается со второй половины XIX века, когда вопросами физвоспитания стали заниматься профессора Казанского университета, организовывая теоретические и практические лекции¹.

На основе Уставов и отчетов, сохранившихся в библиотеке КГУ им. Н.И. Лобачевского, можно выявить существование в Казанской губернии следующих организаций: «Общество любителей игры в Лаун Теннис», гимнастическое общество «Сокол», спортивное общество «Сила и здоровье», спортивное общество «Беркут», «Общество велосипедистов-любителей», «Общество воздухоплавания», «Общество охотников конского бега», «Общество любителей шахматной игры». Эти общества первоначально были основаны как любительские, но именно они закладывали основу будущего профессионального спорта и формирования адептов нового уровня.

Наибольшую активность в распространении спорта в Российской империи сыграли объединения велосипедистов, расцвет которых пришелся на середину 70-х – 80-х годов XIX века. Именно в это время появились первые велосипеды. Это была продукция промышленности Англии, Германии и других западноевропейских стран. В 1880 году Петербургская городская управа зарегистрировала около ста велосипедистов.

Первое в России велосипедное общество было организовано в Царском Селе. Устав «Царско-Сельского Кружка Велосипедистов» был утвержден 4 марта 1883 года. 31 марта 1884 года было создано общество велосипедистов-любителей и в Москве.

Первым велосипедистом города явился Генрих Богданович Мемпель, сделавший велосипед в 1878 году в своей мастерской по образцу велосипеда Леонса. Интерес к данному виду транспорта рос, так появилась потребность в открытии объединения, что и сделал местный велосипедист Е.Н. Остерман в 1893 году.

С самых первых дней существования Общества основным вопросом, который разбирался на каждом заседании – был вопрос о циклод-

роме – помещения зимнем и летнем. Внутри общества было предложено до десяти проектов, но все они оказывались непригодными, либо вследствие большой арендной платы, либо неудобства мест. После переговоров Д.В. Вараксина с командующим войсками Казанского военного округа генерал-адъютантом Г.В. Мещериновым, обществу был передан манеж юнкерского училища общей площадью 3600 кв.м². С открытием манежа (31.10.1893), количество заинтересованных велосипедистов становится больше. Исходя из того, что количество велосипедов, имеющихся у общества не удовлетворяло потребности приходящих в манеж людей, желающих учиться велосипедной езде, обществу приходилось пополнять свой инвентарь покупкой новых велосипедов. Открытие манежа явилось значительным событием в г. Казани.

На основе постановления Общего собрания общества от 17 января 1894 года был снят бывший сад Износкова, или Николаевский сад, в аренду за 150 руб. как летнее помещение. Так открывалась возможность устраивать гонки на большую скорость и различные дистанции.

Но лето 1894 года, оказавшись весьма дождливым, не оправдало надежд, возлагаемые на сад, вследствие чего затраты на устройство сада, а это: постройки в саду на 720 руб., стоимость трека – 1001 руб. 61 коп. не окупились.

При анализе деятельности общества на страницах местной газеты «Казанский телеграф» за период с 1893-1896 годы, прослеживаются некоторые изменения. Казанское общество, встретив с восторгом открытие «Казанского общества любителей-велосипедистов» постепенно меняет свое отношение к нему не в лучшую сторону.

В 1895 году общество вступило в третий год своего существования, но отчетность за этот год отсутствует. На страницах «Казанского телеграфа» все реже и реже вспоминают про общество, всего пять статей посвящено велосипедистам в 1895 году и две в 1896 году, против 28 заметок в 1894 году.

С наступлением 1896 отчетного года дела Общества стали окончательно приходиться в упадок. Официальной ликвидации общества так и не последовало.

Процесс ликвидации велосипедных корпораций имел российские масштабы. В первые годы XX-го века период активности велосипедных обществ по России, имевший место в 1890-х годах, сменился упадком, многие общества лишились своих циклодромов. Многие увлеклись новыми средствами передвижения – автомобилем и мотоциклом.

Примечания

¹ <http://lib.sportedu.ru/press/fkvot/2005N6/p44-47.htm>

² Казанский телеграф. – 1893. – №60. – С.2.

**ВОЛОСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
И ЧУВАШСКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ОБЩЕСТВО
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКОВ)**

Вопрос о состоянии и функционировании волостной администрации, о ее взаимоотношениях с крестьянством представляет большой научный интерес, поскольку изучение этой проблемы позволяет выявить глубинные механизмы проведения правительственной политики в отношении крестьянства. Выполняя целый ряд административно-фискальных и правовых функций в интересах государства в пореформенный период, возложенных на них законом, волостные органы крестьянского управления пытались быть важным регулятором общественных и хозяйственных дел крестьянских обществ. Исследование данного вопроса в Казанской губернии, многонациональном регионе с преобладанием крестьянского населения, приобретает особую актуальность.

В соответствии с крестьянской реформой 1861 г., органами волостного управления являлись: волостной сход, волостной старшина с волостным правлением и волостной крестьянский суд. В компетенцию волостного схода относились: выборы волостных должностных лиц; все хозяйственные и общественные дела волости; меры общественного «призрения»; учреждение волостных училищ; назначение и раскладка мирских сборов и повинностей по волости; проверка деятельности и учет должностных лиц, избираемых на волостном сходе; дела по «отправлению воинской повинности»¹.

Волостной старшина отвечал за сохранение общего порядка в волости, выполнял распоряжения местной администрации – мирового посредника, полицейского исправника, судебного следователя². По полицейским делам волостной старшина был обязан: объявлять законы и распоряжения правительства; обеспечить порядок в общественных местах; принимать меры по задержанию беглых, военных дезертиров; доносить местной полиции о преступлениях и беспорядках, случившихся в волости, о самовольно отлучившихся из волости; отдавать распоряжения в чрезвычайных ситуациях; наблюдать за исполнением приговоров мировых учреждений и волостного суда.

В круг полномочий волостного суда входили дела по спорам и тяжбам до 100 руб., были регламентированы размеры налагаемых наказаний: отдача в работы до 6 дней, штраф до 3 рублей, арест до 7 дней и телесные наказания до 25 ударов розгами. Ему было предоставлено право выносить решение на основании местных обычаев и правил,

принятых в крестьянском быту³. Согласно «Высочайше» утвержденным правилам о волостном суде от 12 июля 1889 г. по гражданским делам волостному суду подлежали: споры и тяжбы между крестьянами о недвижимом имуществе, входящем в состав крестьянского надела; всякого рода споры и тяжбы между лицами, подведомственными волостному суду, ценой до 300 руб.; дела по наследованию и разделам. По уголовным делам волостному суду подлежали: мелкие кражи, мошенничество, присвоение чужого имущества, драки, угрозы, нарушение договора найма; мотовство и пьянство, явившиеся причиной разорения хозяйства и т. д.⁴ Нередко волостные суды выносили противоречивые решения и допускали вмешательство волостного старшины и писаря в процедуру судебного разбирательства⁵.

В целом, волостное управление было чуждо крестьянам. Высшим должностным лицом волостного, да и в целом крестьянского сословного управления, был волостной старшина. Вся полнота власти в волостных правлениях принадлежала волостным старшинам и волостным писарям.

Важнейшей обязанностью волостных старшин являлся сбор различного рода податей. Старшина, чтобы убедиться в платежеспособности крестьян, лично обходил все дворы в селении, осматривал у каждого домохозяина урожай, прочее имущество и, исходя из экономического положения крестьян, определял размер уплаты. В случае неуплаты податей имущество продавалось⁶.

Для губернского и уездного по крестьянским делам присутствий, а с 1889 года для губернского присутствия и земских начальников, волостные правления, в лице волостных старшин и писарей, были практически единственными исполнительными органами по всем подведомственным им делам. Вместе с тем, они не только принимали активное участие в заседаниях волостных судов, но обычно сами выносили решения. Судьи же лишь прикладывали свои печати к решению, составленному писарем по собственному усмотрению или после консультации со старшиной⁷. Не удивительно, что крестьяне в своем большинстве старались избежать разбора своих дел в волостных судах, предпочитая мирскую юстицию. А поскольку абсолютное большинство волостных старшин было неграмотным, полноправными хозяевами волостных правлений и единственными толкователями всех правительственных указаний и распоряжений являлись волостные писари⁸. А ведь по закону волостной писарь должен был лишь осуществлять делопроизводство в волостном правлении и волостном суде. Какими только эпитетами не иллюстрировали должность писаря исследователи-современники: «деспот в своей волости»⁹, «действительный вершитель дел»¹⁰, «тонкая бестия, законник, крючкотвор; душа продажная, за рубль целый на все готовая»¹¹!

Можно привести массу примеров коррупции как волостных старшин¹², волостных судей¹³, так и волостных писарей¹⁴ в чувашской среде. Постоянные их злоупотребления приводили к тому, что крестьяне Казанской губернии старались минимизировать столкновения с этими должностными лицами. Однако народ был вынужден обращаться к волостной администрации при различных житейских проблемах, когда невозможно было достичь справедливого разрешения внутри общества.

В целом, анализируя направления деятельности волостной администрации Казанской губернии, следует отметить, что она была направлена не столь-ко на удовлетворение хозяйственно-общественных нужд крестьянства, сколько на выполнение различных функций, связанных с реализацией задач различных звеньев государственной власти в отношении крестьянского сословия. Положение должностных лиц органов крестьянского управления по отношению к широкому массам крестьянства носило дуалистический характер. С одной стороны, они, за исключением волостных писарей, избирались самим крестьянством и должны были, казалось бы, выражать и защищать интересы сельских обществ, однако, с другой стороны, они были проводниками государственной политики в деревне, политики, носившей антинародный характер и вызывавшей протест со стороны крестьянства.

Примечания

¹ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). – Ф. 130. – Оп. 2 (Предисловие). – Л.1.

² Дружинин, Н.М. Русская деревня на переломе 1860 – 1880 гг. / Н.М. Дружинин. – М., 1978. – С. 42.

³ Никитина, Г.А. Сельская община бускуль в пореформенный период (1861 – 1900 гг.) / Г.А. Никитина. – Ижевск, 1993. – С. 129.

⁴ ГИА ЧР. – Ф. 519. – Оп. 1 (Предисловие). – Л. 1-2.

⁵ Дружинин, Н. М. Указ. соч. – С. 43.

⁶ Гончаренко, Л. Н. Крестьянское сословное управление в Казанской губернии в пореформенный период (60–90-е годы XIX в.) / Л.Н. Гончаренко // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. – Казань, 1984. – С. 118.

⁷ Там же. – С. 125.

⁸ Чуваши. Этнографическое исследование. – Чебоксары, 1970. – Ч. II. Духовная культура. – С. 16; Гончаренко, Л. Н. Указ. соч. – С. 122 и др.

⁹ Сбоев, В.А. Исследования об инородцах Казанской губернии / В.А. Сбоев. – Казань, 1856. – С. 15.

¹⁰ Леонтьев, А.А. Волостной суд и юридические обычаи крестьян / А.А. Леонтьев. – СПб, 1895. – С. 68.

¹¹ Астырев, Н. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления / Н. Астырев. – М., 1886. – С. 137.

¹² ГИА ЧР. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 113. – Л. 1; – Д. 56. – Л. 6 об.; – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 91. – Л. 1; – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 1 и др.

¹³ ГИА ЧР. – Ф. 132. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 4; – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 47. – Л. 1; – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 549. – Л. 1 и др.

¹⁴ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). – Ф. 1. – Оп. 2. – Ед.хр. 1798. – Л. 1; ГИА ЧР; – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 1; – Ф. 10. – Оп. 1. – Д. 94. – Л. 1; – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 215. – Л. 1 и др.

Е.В. Баева

Южно-Уральский государственный университет

СОЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Институт земских начальников – одно из наиболее интересных и значительных введений царствования Александра III, но, к сожалению, практически не изученное. Проблема отношения к деятельности земских начальников отражает в себе отношение к периоду царствования Александра III в целом.

12 июля 1889 года было принято Положение о земских участковых начальниках, положившее начало жесткому административному контролю над сельскими жителями. Не вызывает сомнения, что Александр III искренне «был соблазнен мыслью, что вся Россия будет разбита на земские участки, что в каждом участке будет почтенный дворянин, что этот дворянин-помещик будет опекать крестьян, судить их и рядить»¹.

Положение максимально расширяет список возможных кандидатов на указанную должность, в результате чего земским начальником мог стать как уважаемый, обеспеченный, хорошо образованный помещик (что и было изначальной мечтой императора), так и полунитий дворянин без определенных занятий. Предполагалось, что это в любом случае будут достойные в нравственном отношении люди².

Институт земских начальников начал складываться на территории Самарской губернии в конце 1890 года. Сразу проявилась нехватка реальных кандидатов на должность земского начальника. В марте 1891 года самарский губернатор в письме министру внутренних дел просил о назначении «достойных людей», не подходивших под 6–9 статьи Положения «вследствие недостаточного числа в Самарской губернии потомственных дворян, обладающих установленным законом <...> цензом и по неизъявлении большинством из них желания занять должно-

сти земских начальников»³. В конечном итоге ко 2 июля 1891 года было заполнено 99% вакансий. В первоначальном составе земских начальников недворян мною не выявлено, но к 1903 году их было трое. Родовитых дворян среди земских начальников почти не было, и, наоборот, рода некоторых из них были причислены к дворянству одно-два поколения назад. Это явление вполне закономерно. В к. XIX–н. XX вв. потомки древнейшего дворянства составляли в восьми великорусских губерниях в среднем около 28% дворянских фамилий, а так называемое новое дворянство – 65,5%, то есть почти две трети сословия⁴.

Состав земских начальников Самарской губернии нельзя назвать удовлетворительным. Общероссийская картина показывает, что на тот момент законченное высшее образование получили 30,8% земских начальников, законченное среднее – 52,73%, не закончивших среднего и высшего и получивших низшее – 11,87%, получивших домашнее образование и в частных пансионах – 2,93%, неизвестно – 1,09%⁵.

Сравнивая социально-экономические характеристики земских начальников Самарской губернии и общероссийскую картину, мы видим, что количество начальников, имеющих законченное высшее образование (27,5%) почти равно общероссийскому результату; число имеющих законченное среднее – 37,5%, что значительно ниже общероссийского результата (однако в данном случае необходимо учесть количество земских начальников, образование которых нам неизвестно (12,5%). Процент земских начальников, получивших частное и домашнее воспитание (6,25%) превышает общероссийский показатель в два с лишним раза. Обращает на себя внимание превышение в Самарской губернии общероссийских показателей по не имеющим среднего и получившим низшее образование начальникам: 16,25% против 11,87% (на 4,38%)⁶. Таким образом, мы видим, что уровень образования земских начальников Самарской губернии не превышал, а то и уступал среднероссийским показателям по высшему и среднему образованию и превышал их по не имеющим даже среднего образования, что никак не свидетельствует в их пользу.

Количество земских начальников, имеющих служебный ценз для занятия должности составляет 38,75% от количества всех кандидатов⁷. Очевидно, что стремление законодателя привлечь на должность земского начальника людей, имеющих схожий с новой деятельностью опыт, удалось менее чем на половину. Остальные начальники не имели никакого опыта по работе с крестьянским населением.

По имущественному цензу 12,65% земских начальников Самарской губернии относились к мелкопоместному дворянству, 12,65% – к среднему, 25,3% – к крупному и 3,79% – к очень крупному землевладению. 45,53% земских начальников, то есть почти половина, вообще не имели сколько-нибудь заметной собственности⁸.

Подводя итоги, мы видим, что стремление законодателя провести на должность земских начальников в первую очередь людей с высшим образованием исполнилось далеко не в полном объеме. Не получилось привлечь на новую службу и кандидатов с достаточным служебным цензом. О попытке привлечь поместное дворянство в ряды земских начальников можно сказать, что она практически провалилась. Земские начальники стали не живым дворянским звеном между царем и народом, как мечтал Александр III, а лишь чиновниками МВД со все усиливающимися полицейско-фискальными полномочиями.

Примечания

¹ Витте, С. Ю. Избранные воспоминания / С.Ю. Витте. – М., 1991. – С. 125.

² Полный свод законов Российской империи (ПСЗ). – Собр. 3. – Т. 9. – №6196. – С. 512.

³ Государственный архив Самарской области (ГАСО). – Ф. 3. – Оп. 107. – Л. 48-48об.

⁴ Корелин, А.П. Дворянство в пореформенной России / А.П. Карелин. – М., 1979. – С. 34.

⁵ Образовательный ценз земских начальников (статистическая заметка) // Русское богатство. – 1901. – №4. – С. 104.

⁶ ГАСО. – Ф. 3. – Оп. 107. – Д. 53. – Л. 127об.-139.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

П.В. Лапшина

Самарский государственный университет

САМАРСКАЯ ПОЛИЦИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

К середине XIX века в России назрела проблема всестороннего реформирования органов управления. Социально-политическая обстановка периода «Великих реформ» заставила задуматься многих практических работников полиции о характере ее реорганизации. Функционирование регулярной полиции и определение ее места и роли в системе местных органов управления в пореформенной России является предметом моего исследования.

По данной проблеме существует довольно обширная историография. Ведущими исследователями являются Рубцов С.Н., Рогов В.А.,

Мулукаев Р.С. и Воронцов А.С.¹ Они сосредоточили свое внимание на изучении структуры полиции и ее аппарата. Источниковой базой служат, прежде всего, законодательные акты² и подготовительные материалы к ним, а также отчетные документы всех органов управления и доклады министра внутренних дел. Основные материалы для данного исследования сосредоточены в архивах³.

В XIX веке самарская полиция сохраняла организационное устройство, определенное Уставом Благочиния 1782 года. По нему **функциональные обязанности** полиции Самарской губернии заключались, во-первых, в канцелярском делопроизводстве; во-вторых, во взыскании различных денежных сборов и, в-третьих, в ведении дел о преступлениях и проступках. Городское полицейское управление наблюдало за исполнением законов, охраной безопасности и делами общественного благоустройства, обнародованием указов и постановлений правительства, принимало меры по предупреждению и пресечению падежей скота и при появлении заразных и повальных болезней, надзидало за санитарным состоянием и за торговлей порохом. В обязанности по делам казённого управления общественного хозяйства входило взыскание недоимок, вообще казённые и общественные сборы, начёты, платежи, обязанности по наблюдению за благоустройством в местах заключения и порядком их содержания, пересылка арестантов. По военному ведомству в основном были обязанности по учету и призыву на службу новобранцев и нижних чинов запаса армии и флота.

Делопроизводство самарского городского полицейского управления (и отдельно полицмейстера) заключалось во взимании различных податных сборов: подушной подати, государственного земского сбора, оброчной подати, лесного налога и др. Дела о преступлениях и проступках выражались в составлении протоколов и обнаружении проступков и преступлений.

В структурном отношении Самара делилась на 2 полицейские части. В штат местной полиции входили: 1 полицмейстер, 5 частных приставов, 10 квартальных надзирателей, 1 брендмейстер, 1 письмоводитель, 2 столоначальника, 1 секретарь, 10 канцелярских служащих, 13 сотрудников полицейской команды, 60 будочников и 109 пожарных служащих. Структура частных приставов состояла из следственного и исполнительного производства. В следственном отделе должно было работать 2 человека, но реально работал один. В исполнительном частном приставе было 3 сотрудника. В канцелярии полицейского управления служили 2 столоначальника, 6 писцов, функцию казначея и журналиста исполнял один человек. В каждую часть направлялись по три писца, среди них один был старший. Писцы подразделялись на три разряда. Полицейская команда состояла из 13 человек, 3-х унтер-офицеров и 10 нижних чинов. Вместо 109 пожарных было только 25. Пред-

полагалось иметь 60 полицейских будок, но было только 24 по два сотрудника в каждую⁴. На полицейскую службу также привлекали 15 конных казаков от отдельного корпуса Оренбургского казачьего войска⁵.

К подбору **кадрового состава** выдвигались определённые требования по возрасту, воспитанию и образованию. Все сотрудники полицейского управления были не моложе 30 лет, средний возраст составлял 45 лет. На должность полицмейстера и его заместителя назначались люди, окончившие курс губернской гимназии. Служащие частного пристава г. Самары имели различный уровень образования: духовная семинария, домашнее образование, духовное училище, уездное училище. Среди надзирателей и уездных приставов: духовная семинария, уездное училище или домашнее воспитание. Комплектование нижними чинами происходило по вольному найму: на службу принимался любой человек, если он не был судим, не находился под следствием и не замечен в противоправных действиях. Высшее руководство состояло из выходцев дворянского сословия. Переход к всесословному комплектованию хотя и был объявлен, но на практике все осталось по-прежнему.

Несмотря на некоторую стабилизацию внутривнутриполитической обстановки в конце XIX века, уровень общеуголовной преступности в России был одним из самых высоких в мире. Необходимость реорганизации полицейских структур и концепции их деятельности была очевидной и с 6 августа 1880 г. началась широкомасштабная реформа российской полиции. Реорганизация полиции была направлена на отделение от полиции судебной, следственной и хозяйственной частей⁶ и на объединение уездной и городской полиции⁷. В перспективе это должно было значительно облегчить работу полицейских органов на местах. По проекту реформы, полицейские чиновники должны были назначаться от правительства.

На деле все выглядело совершенно иначе. По признанию директора департамента полиции А.А. Лопухина не только обывателю, но даже должностным лицам, даже центральному, ведающему делами полиции органу МВД нет иногда возможности определить для каждой местности, какие полицейские власти в ней действуют. Так, в Самаре полицейские органы сохранили прежнюю организацию структуры, они возникали по мере необходимости и не образовывали единой гармоничной системы. Структура и функционирование самарской полиции претерпели только одно функциональное изменение: была создана третья полицейская часть.

Таким образом в развитии самарской полиции можно выделить 2 этапа: 1) 1862 – 1903 гг. для которого характерно разграничение функций и отделение от полиции частей следственной, судебной, хозяйственной, объединение уездной и городской полиции и подчинение

полицейским губернаторам; 2) 1903 – 1917 гг. для которого характерно активное привлечение полиции для подавления волнений и беспорядков, а также совершенствование профессиональной подготовки сотрудников полиции.

Так, на плечах самарской полиции лежали заботы по части следственных и судебных мероприятий, а также хозяйственная деятельность, что значительно затрудняло службу. Ситуация с неполным кадровым составом была вполне естественной для уездных полицейских частей, но недостаток комплектования восполнялся за счёт добротного, качественного образования сотрудников. Полновластная полиция, созданная законодателем с целью обеспечения общего порядка внутри государства и подавления сопротивления проводившимся преобразованиям со стороны всех сословий не только «разыскивала, допрашивала, подвергала аресту, проводила выемки, следила, клеймила, наказывала и судила»⁸, но и выполняла ряд других всеобъемлющих функций. Полиция ведала не только безопасностью, но и широким кругом дел внутреннего порядка, санитарным состоянием городов, торговлей, обеспечением пожарной безопасности, благоустройством, учетом населения и др. Все эти функции полиции помогали осуществлять социальные функции власти.

Примечания

¹ Рубцов, С.Н. История Российской полиции / С.Н. Рубцов. – Иркутск: Весь мир, 1998; Рогов, В.А. История государства и права России IX – XX век / В.А. Рогов. – М.: Алетейя, 1995; Мулукаев, Р.С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России / Р.С. Мулукаев. – М.: Наука 1964; Воронцов, А.С. Правоохранительные органы и спецслужбы РФ / А.С. Воронцов. – Р-н-Д.: Центрполиграф, 1999.

² ПСЗ. – Собр 2. – Т. 28. – №27180; Свод законов Российской Империи. – СПб.: Зерцало, 1912. – Кн.1. – Т. 2. 5-86. – С. 679-684.

³ ЦГАСО. – Ф. 153, 465.

⁴ ЦГАСО. – Ф.3. – Оп. 66. – Д. 34. – Л. 13-24.

⁵ Там же. Л. 33-52.

⁶ Рогов, В.А. История государства и права России в IX – XX века / В.А. Рогов. – М.: Алетейя, 1995. – С. 43.

⁷ Мулукаев, Р.С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России / Р.С. Мулукаев. – М.: Наука, 1964. – С. 19-20.

⁸ Тарасов, И. Полицейский арест в России XVIII столетия / И. Тарасов // Журнал гражданского и уголовного права/ – СПб.: Право, 1883. – Кн. 7. – С.22.

КАЗЕННЫЕ ПАЛАТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ВЛАСТНО-ОБЩЕСТВЕННЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Проблема взаимодействия власти и общества имеет множество аспектов и в первую очередь это целый ряд вопросов связанный с отношениями властных структур непосредственно с населением. Если тематика таких отношений органов центрального аппарата проработана довольно детально, то особенности взаимоотношения на местах с учреждениями губернской администрации (особенно это касается подразделений низшего звена) проработаны довольно поверхностно. Отчасти данное обстоятельство связано с недостаточной степенью изучения некоторых аспектов функционирования местной администрации, характерных особенностей учреждений, их подчиненности и взаимодействия

Характерной чертой губернского правления в Российской империи XIX века была ярко выраженная прямая подчиненность отдельных учреждений непосредственно центральным ведомствам. Если в начале упомянутого столетия эта схема для некоторых агентов власти на местах только складывалась, то к 70-м годам она полностью оформилась и получила окончательное завершение вид. Такое устройство управления имело свои очевидные плюсы, поскольку подчинение непосредственно вышестоящему министерству снимало значительное число проволочек при возникновении спорных вопросов и избавляло от утомительной и долгой переписки (не требовалось обращаться сначала к губернатору, а потом, в случае неуспеха в разрешении проблемы, через губернатора в вышестоящие инстанции). С другой стороны, явным минусом оказалось излишнее соперничество между разными ветвями власти. И, кроме того, по мере возникновения новых подразделений каждое учреждение стремилось подчинить его себе, дабы упрочить свое влияние, что могло в свою очередь нарушить сложившийся баланс сил. Таким образом, более глубокое изучение различных черт провинциальных учреждений Российской империи, особенно в период их преобразования помогает иначе взглянуть на картину взаимодействия власти и общества не только на микро – но и на макро уровне, то есть в контексте всего государства, а не только отдельных областей и губерний. Казенные палаты являлись вторым по значимости органом управления в губернии (после губернского правления) и были в своих делах подчинены практически без оговорок министерству финансов. Палаты ведали счетоводством и отчетностью по приходу и расходу сумм, обра-

шающихся в губернских кассах, организацией переписей населения, рекрутских наборов, торгов государственного имущества, регулярного поступления податей и т.д. Подчиненные им казначейства осуществляли контроль за поступлением недоимок, принимали и хранили государственные доходы, исполняли ряд обязанностей связанных со взиманием косвенных налогов и т.д.

В 1862-1866 годах палата претерпела еще ряд существенных изменений. В 1862 году образованы акцизные управления на основе выделенного из палаты отделения питейных сборов. Вместе с освобождением от контрольных функций и образованием для этой цели контрольных палат — органов подчинявшихся Государственному контролю, во всей империи вводилось единство кассы (1863-1865 г.г.) это выразилось в ликвидации всех ведомственных касс и передачи их ценностей в губернское казначейство, что существенно повысило его роль.

В конечном итоге изменение вылились в реорганизацию самих палат. В их составе остались только два отделения — казначейств, ревизское и канцелярия. Что касается последней, то она в основном ведала личным составом палат и казначейств. Отделение казначейств по-прежнему занималось счетоводством и приходно-расходными делами по кассам. Ревизскому отделению поручалась организация и проведение переписей податного населения, а так же рекрутских наборов.

В 1875 году к государственным доходам был причислен земский сбор. Вместо особых о земских повинностях присутствий при казенных палатах были сформированы распорядительные комитеты, под председательством губернаторов, включавшие представителей от разных ведомств. Вопросы решались большинством голосов, а в случае равенства таковых решающее слово принадлежало губернатору.

Таким образом, к началу 80-х годов был окончательно определен не только юридически, но и фактически статус казенной палаты как “высшего финансового учреждения” в губернии. Лишь в деле сбора налогов казенные палаты по-прежнему тесно соприкасались с губернаторами и полицией.

ОТНОШЕНИЕ ТАТАРСКИХ КРЕСТЬЯН САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ К АГРАРНОЙ РЕФОРМЕ П.А. СТОЛЫПИНА

Столыпинская аграрная реформа стала одной из основополагающих, системных и узловых социально-экономических и общественно-политических реформ в России, в силу того, что аграрный сектор занимал важное место в модернизации страны. Суть реформы Столыпина заключалась в создании слоя богатых крестьян-фермеров, призванных стать социальной опорой власти.

Указ от 9 ноября 1906 года предусматривал разрушение общинного землевладения, создание хуторов и отрубов и переселение части населения в Сибирь. Закон от 14 июня 1910 г. фактически закрепил политику государства по разрушению общинного землевладения и переходу к частной собственности.

В Самарской губернии этот процесс проходил более интенсивно, чем в соседних губерниях. К 1914 г. здесь собственниками стало 48,9 % крестьян¹.

В Самарском Поволжье, помимо ряда социально-экономических факторов, природно-климатических условий, эффективности действий властей и земских учреждений, на успех аграрной реформы повлиял этноконфессиональный состав сельского населения региона. В отдельных местностях ее реализация в значительной степени была затруднена вследствие неоднозначного отношения к нововведению государства коренных народов губернии - татар, чувашей, мордвы и т.д. В частности, в конце XIX в. в Самарской губернии этнических меньшинств насчитывалось 975497 чел. или 35,5 %, в том числе: немцы - 8,2%, чувашки - 3,3 %, марийцы - 10 %, мордва - 8,7 %².

Мусульмане, главным образом татары, составляли 10,3 % жителей. 47 % всех мусульман проживало в Бугульминском (10,6 % населения), 13,2% - Ставропольском уезде (10%), 15,2% - Бугурусланском (14,2%), 6,9% - Бузулукском (17,3%), 7% - Новоузенском (14,6%), 3,8% - Николаевском (17,5%), 4% - Самарском уездах (9,7 %) ³.

Татарские крестьяне в целом неодобрительно относились к нововведению властей. Например, в подворных исследованиях губернии за 1908 г. было зафиксировано лишь одно татарское единоличное хозяйство (Чеканская волость Бугульминского уезда)⁴. Процент выходцев из общины среди них был незначительным. Так, в 1910 г. из 5 заявлений об этом, поданных в Бугульминскую землеустроительную комиссию, только 1 принадлежало мусульманину⁵, а в 1913 г. 3 из 13

подобных ходатайств принадлежали татарам⁶. Это объяснялось консервативным характером общинных отношений, а также уравнительностью в системе землепользования. Татары проживали обособленно, опасались любых новшеств в землепользовании и с недоверием относились ко всяким изменениям или нарушениям традиционного уклада жизни. К тому же зажиточная часть общины не желала выхода из общины бедняков, боясь лишиться дешевой рабочей силы.

На замедленные темпы выхода татар в отруба и хутора оказывали влияние и религиозные традиции. По всему Среднему Поволжью татарские крестьяне заявляли, что по шариату они были обязаны молиться 5 раз в день в мечети, и потому не могли отдаляться от нее на значительное расстояние. Свою роль сыграл и более низкий уровень развития капитализма в национальной деревне, что было обусловлено особенностями этноконфессионального менталитета, иными условиями вступления в рыночные отношения и некоторой изолированностью татарской деревни⁷.

Одним из издержек в реализации реформы являлась ограниченность сумм, выделенных правительством на обзаведение хуторами. На этом поприще помощь в проведении гидротехнических работ оказывали земства. К 1909 г. например, в Байряковской волости Бугульминского уезда, заселенной татарами, было построено 4 колодца стоимостью 230 руб.⁸

Существенной помощью крестьянам-фермерам стала поддержка кредитных обществ. Для того чтобы выкупать земли, крестьяне, как правило, объединяли свои активы. Правительство и частные банки охотно финансировали кредитные кооперативы⁹. Мусульмане также участвовали в процессе кооперации и являлись членами ряда кредитных товариществ. К примеру, в 1914 г. В Бугульминском земстве насчитывалось 12 кредитных товариществ, в состав которых входили татары¹⁰. Можно утверждать, что создание кредитных кооперативов у татар происходило по месту расселения по этноконфессиональному признаку¹¹.

Таким образом, несмотря на то, что земельная реформа в Самарской губернии проводилась довольно успешно, среди мусульманского населения она не имела успеха, что было обусловлено консервативно-патриархальными устоями татарской деревни и ограниченностью средств товарного производства.

Примечания

¹ Воскресенская, Т.А. Сельское хозяйство Поволжья в конце XIX - начале XX вв. (на материалах бывшей Самарской и бывшей Саратовской губерний) / Т.А. Воскресенская // Научные труды. — М., 1959. — Вып.16. — С. 129.

² Первая всеобщая перепись населения, 1897 г. – Т. XXXVI. – Самарская губерния. – СПб, 1904. – С. 56-59. Подсчитано нами.

³ Там же. – С.56-69. Подсчитано нами.

⁴ Подворное и хуторское хозяйство в Самарской губернии. – Т. 1. – Самара, 1909. – С. 78-79.

⁵ НА РТ. – Ф.979. – Оп.1. – Д.19. – Л.12.

⁶ НА РТ. – Ф.979. – Оп.1. – Д.33. – Л.7.

⁷ Старостин, В.А. Роль земств в аграрном развитии Казанской губернии в 1906-1914 гг.: Дис. ... канд. ист. наук / В.А. Старостин. – Казань, 2002. – С. 77.

⁸ Памятная книжка Самарской губернии на 1911 год. – Самара: Губернская типогр., 1911. – С. 22-23.

⁹ Капитонов, А.А. Кооперативное движение в Самарской губернии в досоветский период: Дис. ... канд. ист. наук / А.А. Капитонов. – Самара, 1995. – С. 66.

¹⁰ Алькеевское, Альметьевское, Байряковское, Масыгутовское, Нижнее Чершелинское, Стерлитамакское, Сарабикуловское, Тойкинское, Акбашинское, Денискинское, Каркалинское сельские общества.

¹¹ Памятная книжка Самарской губернии на 1914 год. – Самара: Типогр. губерн. земства, 1914. – С. 11.

В.Л. Маркин

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова*

«УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ПРОТЕСТ» 1911 ГОДА И РЕАКЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В 1910-1911 годах царское правительство в лице министра народного просвещения Л.А. Кассо предприняло попытку ликвидировать автономию высшей школы, полученную последней в ходе революции 1905 г. В Московском университете ее следствием был «университетский протест» руководства и группы профессоров, подавших в отставку в знак протеста.

Целью работы является попытка рассмотреть отношение различных групп российского общества к «университетскому протесту» 1911 г. Основную источниковую базу составляют материалы российской прессы указанного периода.

«Временные правила об управлении высшими учебными заведениями» от 27 августа 1905 г. расценивались правительством как временная уступка. Новый министр народного просвещения Л.А. Кассо, назначенный на должность управляющего министерством народного просвещения 25 сентября 1910 г., должен был разрешить этот вопрос.

В январе 1911 г. происходят массовые протестные выступления студенчества. 11 января 1911 г. Совет Министров, нарушая «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями» от 27 августа 1905 г. принимает решение о временном запрещении любых собраний в высших учебных заведениях. 27 января 1911 г. в Московский университет вошла полиция. 28 января Совет университета принял отставку руководства, отметив, что сложившаяся ситуация делает невозможной для университетской администрации выполнение возложенных на нее обязанностей. 1 февраля министр Л. А. Кассо принял отставку ректора А. А. Мануйлова, помощника ректора М. А. Мензбира и проректора П. А. Минакова от административных должностей. Одновременно им воспрещалось заниматься научной и преподавательской деятельностью в университете. В знак солидарности с уволенными руководителями университета подала прошения об отставке целая группа профессоров и приват-доцентов Московского университета (всего 108 человек).

Этот конфликт получил широкую огласку в обществе. Полную поддержку действиям профессуры выразили издания либерального направления. Они вели подробную хронику конфликта, последовательно критиковали действия властей. Ежемесячный либеральный журнал «Вестник Европы» в 1911 г. освещал события в Московском университете практически в каждом номере. Обзоры ситуации в высшей школе писались лично главным редактором журнала К.К. Арсеньевым. Уход профессоров, по его мнению, должен привести к срыву научной и образовательной жизни университета, а в политическом плане – к возврату ситуации, существовавшей до 1905 года. В последующих выпусках «Вестник Европы» подробно рассматривает и критикует планы и действия Л.А. Кассо.

Неприятным сюрпризом для власти в случившемся конфликте стала позиция московской буржуазии. 11 февраля 1911 года в «Русских ведомостях» было напечатано обращение 65 богатейших представителей торгово-промышленного капитала Москвы (капиталы подписавшихся составляли гигантскую сумму в полмиллиарда рублей). В нем богатейшие люди старой столицы России признавали необходимость борьбы с забастовками, но протестовали против таких средств ее ведения. О болезненности этого протеста для правительства можно судить по реакции проправительственных газет. Уже 13 февраля в «Новом Времени» появилось три ответа на «письмо 65», в которых говорилось о «сытой импотентности...московских толстосумов», «большой еврейс-

кой пакости». Место для критики промышленников нашел даже настоятель Успенского собора архимандрит Макарий в своей проповеди по случаю 50-летия отмены крепостного права.

Оскорбительность и резкость эпитетов характеризуют опасность для правительства воздействия октябристской прессы на средний класс России, поскольку московских фабрикантов было сложно обвинить в разжигании революции и «еврейском заговоре». А других аргументов правая пресса практически не приводила. Официальная и монархическая печать полностью поддержала университетскую политику министра народного просвещения Л.А. Кассо, высказывая лишь сожаление о том, что такие действия не были проделаны ранее.

Революционная печать в случившемся конфликте активно поддерживала протестовавших студентов, но не профессию. Подробно разбирая конфликт в «университетском протесте» либеральной интеллигенции и буржуазии с властью, В.И. Ленин оценивает это как кризис внутренней политики П.А. Столыпина и начало нового революционного подъема в стране.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам. Распоряжения нового министра народного просвещения Л.А. Кассо в январе-феврале 1911 года, направленные на борьбу со студенческими волнениями, фактически отменили автономию университетов, полученную ими в 1905 году. Эти нормативно-правовые акты являлись абсолютно неприемлемыми для либеральной профессуры Московского университета, которая избрала формой общественного протеста коллективный уход в отставку. Это поставило в оппозицию к власти не только либеральные круги, но и буржуазию, представители которых выступили в прессе с резкой критикой действий правительства в отношении Московского университета. Одобрение действиями Л.А. Кассо выразили лишь крайне правые круги. Конфликт кадетов и октябристов с правительством и революционными партиями расценивался как свидетельство кризиса внутренней политики П.А. Столыпина.

Я.А. Голубинов

Самарский государственный университет

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС И НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ (1914-1917)

Народные волнения в годы Первой мировой войны в России неоднократно были предметом изучения в различных статьях и монографиях, начиная уже с 1920-ых годов¹. Обыкновенно эти волнения рас-

сматривались как закономерные и вполне справедливые явления в ситуации тотального дефицита продуктов и неспособности властей справиться с ним.

Данное исследование посвящено вопросу взаимосвязи народных волнений в Среднем Поволжье (Самарской, Пензенской и Симбирской губерниях) и так называемого продовольственного вопроса, то есть проблемы дороговизны и дефицита продуктов, в июле 1914 – октябре 1917 годов.

В центре нашего внимания оказались сюжеты, связанные только с разгромом (погромом) лавок, магазинов, расхищением продуктов питания, избиением торговцев. Естественно, что тема продовольственного вопроса активно использовалась также в речах и лозунгах во время мирных форм протеста – стачек и забастовок. Однако они остались за рамками данной работы.

В настоящее время существует точка зрения, что погромы – это «проявления массового психоза», являвшиеся «по сути дела специфической формой защиты от длительного пребывания в состоянии фрустрации: вспышки социальной активности компенсировали собой осознание невозможности удовлетворения важнейших потребностей, что представляло смертельную опасность для функционирования человеческой психики»². Однако, на наш взгляд, следует разобраться, какие «важнейшие потребности» собирались удовлетворять участники подобных эксцессов. Выяснение причин погромов дает дополнительный материал к пониманию тех процессов, которые происходили в российском обществе и экономике того времени.

Уровень жизни большинства жителей средневожских губерний с началом войны изменился. Однако трудности войны по-разному переживались в деревне и городе.

В деревне ситуация с продовольствием не была столь серьезной, так как крестьяне, получая за ушедших на войну членов их семей казенные пайки, превышавшие иногда довоенный месячный доход³, сумели даже поправить свое хозяйство и не испытывали особого недостатка в сельскохозяйственных продуктах⁴. Сокращение расходов на алкогольные напитки также положительно сказалось на жизни деревни, поскольку эти деньги тратились теперь с большим толком. А до войны только в симбирских деревнях, например, на выпивку тратилось до 9 млн. рублей в год⁵.

Крестьянство кроме того старалось придержать основные запасы хлеба для установления более выгодной цены, сохранить запасы «на черный день» и за годы войны накопило значительные излишки⁶. Все это позволило крестьянам улучшить собственное материальное положение: в первую очередь разнообразить питание, включив в него обык-

новенно недоступные продукты — булки из высших сортов муки, чай, сладости (сахар и конфеты).

В городах же, помимо жилищного кризиса, обесценивания денег, напльва беженцев, фальсификации продуктов, главным злом стала спекуляция. Население предпочитало покупать дефицитные продукты у торговцев, продающих их по «возвышенным» ценам, поскольку в противном случае никаких продуктов на рынке не оказывалось. Спекулянты — крестьяне и мещане — чаще всего делали запасы для собственных нужд и не могли отказать себе в возможности заработать на повышении цен.

Как справедливо заметил С.Н. Прокопович, розничные торговцы не были причиной сильного поднятия цен, ведь «спекулировали раньше, спекулируют теперь; но раньше дороговизны не было, а теперь она есть»⁷. Но обыватели обыкновенно не задумывались об этом, потому их недовольство выплескивалось в первую очередь на лавочников на рынке и владельцев мелких магазинов.

Волнения на почве дороговизны и дефицита продуктов произошли в городах: 19 февраля и 19 сентября 1915 г. в Самаре, 27 октября в Мелекесе и 26 декабря 1915 в Ставрополе, 4 июля 1916 г. в Симбирске, 22 июля 1916 г. в Сызрани, 5 ноября 1916 г. в Самаре, 9 и 25 августа 1917 г. в Николаевске, в конце июля — начале августа 1917 г. в Пензе — всего десять случаев⁸. В деревне — 23-29 июня 1916 г. в селе Красный Кут Новоузенского уезда Самарской губернии и окрестных деревнях, 9 июля 1916 г. в селе Дергачи того же уезда, 4 июля 1916 г. в селе Пономаревка Бугурусланского уезда Самарской губернии, 4 сентября 1916 г. в поселке Владимирский Самарского уезда, 14 сентября 1916 г. в селе Алексеевка Бузулукского уезда Самарской губернии — всего пять случаев⁹.

При выяснении обстоятельств оказывается, что события развивались по следующему сценарию: отдельные лица в толпе (чаще всего женщины-солдатки), стремящейся получить вожделенный продукт — сахар, мясо, мануфактуру (хлеб, кстати, не был причиной конфликта ни разу), затевают ссору либо друг с другом, либо с продавцом, за словом сразу же следует дело — драка и разгром магазинов. Если последнее удастся, то толпа немедленно расхищает продукты. Гнев толпы всегда направлен против торговцев. Полицейские и солдаты подвергались нападению только в случае их прямых попыток рассеять толпу.

Так в Самаре 5 ноября 1916 г. все началось с оскорбления женщины-покупательницы торговцем мясом на Троицком рынке. «В толпе начались шум, крики, улюлюканье, появились малолетние хулиганы-мальчишки, начались погромы лавок»¹⁰. Появившуюся полицию толпа встретила недружелюбно, в стражников полетели палки. Чины полиции произвели несколько выстрелов, были убитые и раненые. Волне-

ния распространились на ближайшие улицы и затихли только к вечеру. Как показало потом расследование, проведенное жандармским управлением, в погромах магазинов и лавок (числом всего 56) принимали активное участие местные «коты» (воры) и проститутки¹¹.

В Симбирске за несколько месяцев до этого зачинщиками выступили, по-видимому, рядовые солдаты местного гарнизона, попытавшиеся взять без очереди сахар в лавке. Это вызвало резко негативную реакцию толпы, появившиеся в ходе погрома военные патрули, полицию, чинов губернской администрации встретили камнями. Затем большая масса народа (по некоторым данным до 3000 чел., если считать зевак) отправилась громить магазины – в первую очередь искали и растаскивали сахар. Лишь вызванные на подмогу войска, произведшие несколько выстрелов по толпе, сумели навести порядок¹².

В деревне наиболее интересны беспорядки в селах Красный Кут (24 июня 1916 г.) и Дергачи (9 июля 1916 г.). Зачинщиками стали женщины-солдатки, они же и принимали участие в разгромах лавок, без участия преступного элемента. Основным желанием погромщиков являлась «справедливая» цена на необходимые им продукты, что обычно заканчивалось распределением отобранного у продавцов сахара по таксе поровну на каждую семью деревни. Заметим, что в городах толпа ни разу не проявила желание уплатить за раскраденный товар.

Ситуация коренным образом изменилась после Февраля 1917 г. Об этом свидетельствуют случаи в Николаевске и Пензе в июле-августе 1917 г. Тогда погромы произошли уже не в вследствие случайных ссор в очереди, а из-за целенаправленных действий городских обывателей и солдат. Горожане самочинно обыскивали склады и жилые дома в поисках не только сахара или ситца, но, в первую очередь, хлеба¹³. Причем обыски были вынуждены санкционировать местные продовольственные комитеты, поскольку иным способом успокоить толпу не удавалось. Прекратить их смогли только настойчивые обращения обыскиваемых к властям¹⁴. Кроме того, обыски не дали результатов – у торговцев не было никаких скрытых запасов.

Таким образом, можно сделать вывод, что продовольственный вопрос держал население в состоянии стресса, который усилился и перерос уже в настоящую паранойю после Февраля 1917 г. Анализ народных волнений в годы Первой мировой войны показывает, что население испытывало трудности в получении только достаточно узкого перечня продуктов – сахара, мануфактуры, в меньшей степени мяса, но никогда в хлебе. После падения монархии и децентрализации управления продовольственный вопрос, бывший до этого во многом призрачным, стал реальностью. Деревня замкнулась и перестала давать хлеб городу. Последний стал рассматриваться, как похититель тех огромных запасов, что готовила и отправляла на фронт деревня, к тому же в кре-

стьянской среде упорно циркулировали слухи о том, что хлеб отправлялся вместо армии в Германию¹⁵.

Интересно, что крупных волнений в Самаре и Симбирске в 1917 г. не было. Однако они случились в тихой, до того спокойной Пензе. Это связано, по-видимому, с тем, что городские управления смогли художественно наладить снабжения населения по карточкам. Кроме того, городские жители стали активно заниматься тем, чего до Февраля 1917 г. не наблюдалось в принципе, — мешочничеством. Горожане перестали видеть в торговцах своих врагов, поскольку последние уже явно ничего не могли припрятать. Таким образом исчез тот повод для погромов, что давал горожанам возможность выплеснуть свои страхи и найти виновного.

А во второй половине 1917 г. представители городских продовольственных комитетов прямо высказали мысль о необходимости вооруженной реквизиции продовольствия у крестьян, о посылке за «хлебом вооруженных смешанных отрядов из отборных сознательных солдат и граждан города»¹⁶. Злость горожан стала обращаться на деревню. Тем самым раскол в российском обществе еще больше углубился, что привело в конечном счете к трагедии Гражданской войны.

Примечания

¹ См. например: Шестаков, А.В. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед Октябрем 1917 г. / А.В. Шестаков. — Л.: «Прибой», 1927; Крастынь, Я.Я. Революционная борьба крестьян в России в годы империалистической войны (1914 — 1916) / Я.Я. Крастынь. — М.: МАИ, 1932; и др.

² Сухова, О.А. Погромное движение в России в годы Первой мировой войны: социально-психологический аспект (по материалам Среднего Поволжья) / О.А. Сухова // Исторические записки: Межвузовский сборник научных трудов / Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского. — Пенза, 2003. — С. 167.

³ Булгакова, Л.И. Привилегированные бедняки: помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны / Л.И. Булгакова // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX — начала XX века. Материалы конференции памяти В.С. Дякина. — СПб. — Кишинев, 2001. — С. 483.

⁴ Прокопович, С.Н. Война и народное хозяйство / С.Н. Прокопович. — М., 1917. — С. 131-133.

⁵ Булгакова, Л.И. Указ. соч. — С. 451, 453.

⁶ Волобуев, П.В. Хлебные ресурсы России в 1917 г. / П.В. Волобуев / Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. — М., 1961. — С. 410.

⁷ Прокопович, С.Н. Указ. соч. — С. 179.

⁸ Годы и события. Хроника (к 150-летию Самарской губернии). – Самара, 2001. – Т. 1. – С. 207; Сухова, О.А. Указ. соч. – С. 162; Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX в. В 2 кн. – Кн. 2. – Самара, 1993. – С. 137; Наякшин, К.Я. Очерки истории Куйбышевской области (бывшей Самарской губернии) / К.Я. Наякшин. – Куйбышев, 1962. – С. 276.

⁹ ГАСО. – Ф.3. – Оп.63. – Д.4. – Л.106, 135, 136.; Сухова, О.А. Указ. соч. – С. 162.

¹⁰ ГАСО. – Ф.153. – Оп.36. – Д.1627. – Л.7-9об.

¹¹ Кирьянов, Ю.И. Массовые выступления на почве дороговизны в России / Ю.И. Кирьянов // Отечественная история. – М., 1993. – № 3. – С. 38.

¹² ГАУО. – Ф.76. – Оп.7. – Д.1496. – Л.5.

¹³ ГАПО. – Ф.206. – Оп.1. – Д.4. – Л.329.

¹⁴ ГАПО. – Там же. – Л. 259 и сл.

¹⁵ Бугульминский уездный Комитет народной власти. Доклады и постановления. 21-22 марта 1917 г. – Б.м., б.г. – С. 9.

¹⁶ ГАПО. – Ф.109. – Оп.1. – Д.1255. – Л.383.

И.Л. Хохлова

Самарский государственный университет

ОБЩЕСТВА ВЗАИМНОГО ВСПОМОЩЕСТВОВАНИЯ УЧАЩИМ И УЧИВШИМ (1890 – 1917 гг.)

Одной из форм общественной деятельности педагогов были «Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим». Первое такое общество, Казанское, по типу которого потом и стали учреждаться другие, возникло 9 февраля 1890 года.

По содержанию уставов, деятельность «Обществ» можно разделить на два периода. Границей служит изданный министерством народного просвещения 5 июля 1894 года «нормальный устав обществ взаимного вспомоществования учащим и учившим».

Первый период (1890 – 1894 гг.) характеризуют цели, оформленные в § 1 устава Казанского общества «он имеет целью: 1) помогать нуждающимся учителям и учительницам Казанской губернии денежными пособиями, приисканием им занятий и другими видами материальной помощи и 2) способствовать пополнению их педагогических знаний»¹. По образцу Казанского устава утверждены были уставы Санкт-Петербургского (27 марта 1892 г.) и Нижегородского (3 ноября 1893 г.) обществ².

«Нормальный устав» 1894 года сохранил текст прежних уставов, но с двумя весьма существенными сокращениями: в нем не было уже пункта «б» § 1 Казанского, Санкт-Петербургского и Нижегородского обществ — «способствовать пополнению их педагогических знаний», а также был введен пункт о месте работы «Обществ» с упоминанием о «библиотеке, педагогическом музее и т.п.»³.

Общества состояли из действительных членов, почетных членов и сотрудников. Правом на пособие могли пользоваться только действительные члены (§ 11 устава Казанского общества). Денежные пособия, единовременные и постоянные, выдавались только в случаях крайней нужды; возвращение их не требовалось, но лежало на нравственной обязанности тех лиц, которые впоследствии могли их вернуть (§§ 17-20 устава Казанского общества).

Все последующие общества 1894 — 1917 годов учреждались уже по «нормальному уставу». Каждое оформляло свой устав, который являлся почти точной копией названного, но с необходимыми вставками местного названия, определением размера членских взносов, района деятельности и т.п.

Гораздо больше простора, чем общества взаимопомощи, созданные по нормальному уставу, дает устав «Общества попечения об улучшении быта учащихся в начальных училищах г. Москвы». Цель общества была та же, что и в обществах взаимопомощи: «содействовать улучшению материального положения учащихся». Но далее из подобного перечисления в § 2 устава отдельных занятий общества видно, насколько устав Московского общества расширяет понятие о материальной помощи сравнительно с нормальным уставом министерства народного просвещения. «Занятия» Московского общества составляли: выдача безвозвратных единовременных или периодических денежных пособий, заимообразных беспроцентных ссуд; врачебная помощь членам; финансовая помощь на поездку в места лечения; устройство убежищ для лишенных возможности работать; заботы об образовании детей-сирот учащихся; устройство ссудо-сберегательной кассы, музея, библиотеки т.п.⁴

Среди педагогического персонала начальных школ преобладающее количество членов обществ приходилось на земские школы; учителей из церковно-приходских училищ было очень мало, в большинстве обществ их совсем нет.

Единовременные пособия чаще всего выдавались в размере 15 — 30 руб., в единичных случаях опускаясь до 5 руб. и поднимаясь до 75 руб. Пособия выдавались: на лечение, в случае потери места работы, на воспитание детей, поездки для поправления здоровья на курорт и т.д.⁵

Гораздо реже в источниках, в первую очередь в воспоминаниях педагогов, встречается другой вид денежной помощи — заимообразные ссуды.

Весьма распространенным способом помощи обществ своим членам являлись мероприятия, направленные на удешевление жизни учителя. Общества получали для своих членов скидки у торговцев, находили им бесплатные или дешевые помещения, когда те приезжали в губернский город на заседания или по другим надобностям⁶.

Установившийся в 1900х годах тип учительского общества можно назвать организацией, при помощи которой обеспеченная русская интеллигенция и некоторые общественные учреждения могли оказать учителям материальную поддержку⁷.

С 1905 года вся тяжесть работы в обществах взаимопомощи и ответственность за нее стала постепенно перелagаться на плечи учителей. Для периода 1905 – 1910 годов характерно, по утверждению современников, общее снижение численности членов обществ взаимопомощи. Обращает на себя внимание тот факт, что число членов почти всегда резко падала в какой-то один год, а затем уже начиналось движение в сторону повышения или понижения численности.

Но, к сожалению, уставы ограничивали возможности большинства учительских обществ. Они не могли содействовать педагогическому и общему развитию своих членов; а там, где это позволял устав, подобного рода деятельность сводилась к очень скромным размерам.

Можно сказать, что «Общества» зачастую были единственным источником материальной помощи для педагогов.

Примечания

¹ Муринов, В.Я. Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим / В.Я. Муринов // Всеобщее образование в России. Сб. статей. – Вып. 1. – М., 1902. – С. 86.

² Муринов, В.Я. Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим. – С. 86.

³ Там же. – С. 87.

⁴ Муринов, В.Я. Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим. – С. 88.

⁵ Там же. – С. 91.

⁶ Там же. – С. 96.

⁷ Жулев, П. Учительские общества взаимопомощи / П. Жулев // Русская школа. – 1912. – № 1. – С. 3.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВОЕННОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В РОССИИ В 1914 – 1917 ГГ. (на примере военно-конской повинности)

Основными способами обеспечения армии лошадьми в 1914-1917 годах были: поставка по военно-конской повинности¹, реквизиция², покупка комиссиями управления по ремонту армии и другими комиссиями³, реквизиция при посредстве земских учреждений (с 27 октября 1916 года)⁴, конфискация. При этом ключевую роль играл механизм конской повинности.

На основании изучения делопроизводственных документов учреждений военного ведомства и министерства внутренних дел, общих статистических данных можно выделить 4 основных этапа военно-мобилизационной работы и 5 заключительный этап, связанный с приходом к власти большевиков.

1 этап (июль 1914 – декабрь 1914 г.). Отправной точкой здесь служит начало мобилизации 18 июля 1914 г. Реализация военно-конской повинности с самого начала войны проходила в условиях протестов населения – недоставка на сборный пункт, поставка слабых и больных животных, самовольная замена⁵. Имели место случаи неквалифицированной работы приемных комиссий, в частности, военных приемщиков, которые не получали должной оценки со стороны руководящих учреждений⁶. В самом начале войны проявились наиболее характерные трудности и проблемы, которые с течением времени лишь усугублялись⁷.

В 1914 году поступило 1035682 животных⁸, что, в целом, дает право говорить об успехе военной мобилизации на 1 этапе⁹.

2 этап (январь 1915 г. – октябрь 1916 г). На центральные учреждения возлагалась обязанность определения общих вопросов мобилизации¹⁰. Основная практическая работа легла на губернский и уездный уровни. Штабы округов настаивали, главным образом, на выполнении количественной стороны плана, что неизбежно сказывалось на качестве поставляемых лошадей¹¹. Продолжительность пополнения недобора лошадей могла достигать месяца и более. Отдельные поставки разделялись на две-три очереди с недельными и более промежутками между собой. Многочисленны случаи злоупотреблений чиновников государственных учреждений¹².

В 1915 году поставлено в армию 554227 лошадей, т.е. почти в половину меньше, чем за 7 месяцев 1914 г. В 1916 году (до 1 ноября) всего 214908. Кризис системы военно-конских поставок.

3 этап (ноябрь 1916 г. – февраль 1917 г.). Начало данного периода связано с введением положения о реквизиции лошадей при посредстве земских учреждений 27 октября 1916 г.¹³. Широко распространяется такое явление как одновременное проведение поставок и реквизиций, что запрещалось ранее¹⁴. Активизируются различные временные комиссии по скупке лошадей. В тоже время, нехватка лошадей на фронтах и в тыловых частях, с одной стороны, и нехватка конной тяги у населения, с другой, создавали, в ряде случаев, прямо-таки неразрешимые проблемы для поставок¹⁵. Несмотря на эти мероприятия, состояние конского состава действующей армии ухудшалось¹⁶.

4 этап (март 1917 г. – сентябрь 1917 г.) Временное правительство не упразднило систему органов военного управления, а лишь трансформировало ее. Например, вместо губернаторов членами и председателями воинских присутствий стали комиссары временного правительства. Продолжило свою деятельность управление по ремонту армии. На 3 и 4 этапе поставлено 955183 лошадей. Таким образом, одновременное проведение поставок и реквизиций, реквизиции при посредстве земских учреждений способствовало возвращению практически к уровню 1914 г.

5 этап (октябрь 1917 – март 1918 г.). После прихода к власти большевиков начинается работа комиссариата по демобилизации старой армии и 23 января 1918 года следует постановление «О ликвидации губернских и уездных присутствий по воинской повинности»¹⁷. С этого периода можно говорить о прекращении поставок, реквизиций и скупок в прежних формах.

Итак, военная мобилизация, в таком значительном аспекте как поставка лошадей, показала серьезные изъяны в системе органов военного управления Российской империи и обусловила тяжелое положение конского состава в годы Гражданской войны¹⁸.

Примечания

¹ Инструкция по поставке в войска лошадей, других рабочих животных и повозок с упряжью. – СПб., 1913. – С. 1-34.

² Положение о порядке производства реквизиций во время войны и в период мобилизации // Приказы по военному ведомству 1914 года. – Пг., 1914. – С. 967-968.

³ Положение о покупке лошадей для армии. – СПб., 1909. – С. 3-46.

⁴ .Положение о реквизиции лошадей при посредстве земских учреждений // Приказы по военному ведомству 1916 г. – Пг., 1916. – С. 837-840.

⁵ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). – Ф. 304. – Оп. 1. – Д. 1881. – Л. 1.

⁶ НАРТ. — Ф. 304. — Оп. 1. — Д. 1877. — Л. 113.

⁷ Великая отечественная война. Казанская губерния. Краткий очерк за первый год. — Казань, 1915. — С. 4-7.

⁸ Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах). — М., 1925. — С. 22. Все общие данные по количеству лошадей приводятся согласно данному источнику.

⁹ РГВИА. — Ф. 2000. — Оп. 3. — Д. 2429. — Л. 149-150 об.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). — Ф. 2000. — Оп. 3. — Д. 1270. — Л. 2.

¹¹ Там же. — Л. 158-159 об.

¹² Государственный архив Пензенской области (ГАПО). — Ф. 63. — Оп. 1. — Д. 465. — Л. 151-152 об.

¹³ Положение о реквизиции лошадей при посредстве земских учреждений // Приказы по военному ведомству 1916 г. — Пг., 1916. — С. 837-840.

¹⁴ НАРТ. — Ф. 304. — Оп. 1. — Д. 1987. — Л. 173-173 об.

¹⁵ Приказание по Казанскому военному округу 1917 г. № 511 // Приказы и приказания по Казанскому военному округу 1917 г. — Казань, 1917. — С. 720-721.

¹⁶ РГВИА. — Ф. 2000. — Оп. 3. — Д. 2553. — Л. 18-19.

¹⁷ Постановление по Народному Комиссариату по внутренним делам № 248 «О ликвидации губернских и уездных присутствий по воинской повинности» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. — М., 1942. — С. 273.

¹⁸ Российский государственный военный архив (РГВА). — Ф. 79. — Оп. 1. — Д. 34. — Л. 2-3.

О.А. Чернова

Белгородский государственный университет

**УЧАСТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ В ОРГАНИЗАЦИИ
ОХРАНЫ ТРУДА И ТЕХНИКИ БЕЗОПАСНОСТИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В 20-е гг. XX в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ КУРСКОЙ И ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИЙ)**

Важнейшие экономические задачи восстановления и развития промышленности страны в годы новой экономической политики составляли суть всей работы профессиональных союзов. Воронежский и Курский отделы губернских советов профессиональных союзов были вовлечены в решение этих задач. Практическое проведение экономической работы осуществлялось через фабрично-заводские комитеты, ко-

миссии и инспекции по охране труда, контролирующие техническое и санитарное состояние предприятий.

Для усиления влияния профсоюзных организаций в вопросах охраны труда в новый Кодекс законов о труде 1920 г. была введена статья № 129 об избрании инспекторов по охране труда исключительно по профсоюзной линии¹, которые вели надзор за выполнением норм трудового права. В тесном сотрудничестве с профессиональными союзами работали и специальные инспектора труда – санитарные и технические². В частности санитарный инспектор труда руководил работой комиссий по охране труда в области промышленной санитарии и гигиены; привлекал представителей профсоюзов к осмотру предприятий; знакомил профсоюзы с работами в области изучения и оздоровления условий труда. Технический инспектор труда принимал участие в работах комиссий по охране труда и руководил их деятельностью в области борьбы с несчастными случаями и привлекал представителей профсоюзов к осмотру предприятий³.

Государственная инспекция охраны труда и профессиональные союзные органы в середине 20-х годов активизировали свою деятельность по систематическим проверкам условий труда. Так, в 1924-1925 гг. государственная инспекция в Воронежской губернии вскрыла крупные недостатки по охране труда. Она предъявила руководству промышленных предприятий 1968 санитарно-гигиенических требований. Все-го за этот период на промышленных предприятиях губернии было зарегистрировано 2 тяжелых несчастных случая, 110 связанных с временной утратой трудоспособности, 56 случаев – не повлекших утраты трудоспособности⁴. В 1924 г. Наркомтрудом и Наркомздравом были совместно разработаны документы, имевшие большое значение в дальнейшей деятельности по санитарной охране труда⁵.

Работа по охране труда на промышленных предприятиях Воронежской губернии была продолжена в 1925-1926 гг. О ее размерах свидетельствуют следующие данные. Усилилась проверка охраны труда как санитарной, так и технической инспекциями. Так, например, за 1925-1926 гг. техническая инспекция провела обследование 241 предприятия. На этих предприятиях трудилось 36823 рабочих и служащих. Характер и качество нарушений требований техники безопасности, вскрытые инспекцией на 241 обследованных промышленных предприятиях были в области: освещения, отопления, противопожарных мер, ограждений, предохранительных приспособлений, вентиляции, паровых котлов, электроустановок, подъемников, построек⁶.

Значительное количество нарушений на производственных предприятиях Воронежской губернии вскрыла в это время и санитарная инспекция, которая обследовала 179 промышленных предприятий. На них трудилось 21994 человека. Характер нарушений требований, вскры-

тых санитарной инспекцией на 179 обследованных промышленных предприятий за 1925/26 г. раскрывается в следующем: нарушения санитарных требований, недостаточное: водоснабжение, объем помещений, вентиляция, ветхость зданий, вредные условия производства, отсутствие спецодежды, раздевалок, туалетов, грязное содержание помещений, неудовлетворительное состояние рабочих жилищ⁷.

При обследовании предприятий и учреждений пищевкусовой промышленности Валуйского уезда Воронежской губернии за период с 1 января по 1 июля 1926 г. выявлено 44 санитарно-технических недостатка⁸.

Из ревизионного акта обследования маслобойного завода Валуйского уезда 1928 г. следует, что здание маслозавода находилось в ветхом, грозящем обвалом помещении, машинное отделение было грязным с выбитыми стеклами и дверями. В прессовом отделении не было оконных отверстий для естественного освещения, потому рабочие работали в полумраке⁹. Обо всех замеченных нарушениях в области охраны труда инспектор непосредственно доводит до сведения профсоюзов. Прием разного рода заявлений и жалоб от рабочих на предприятиях производится инспектором труда через фабрично-заводские комитеты или профуполномоченных¹⁰. Инспекции труда привлекают к ответственности в административном и судебном порядке за несоблюдение постановлений КЗоТа, направленных к охране жизни и здоровья трудящихся¹¹.

Как свидетельствуют архивные материалы, нарушения зачастую просто фиксировались, но решительные меры, такие как закрытие предприятий из-за техники безопасности предпринимались редко. Радикально улучшить охрану труда на промышленных предприятиях Центрального Черноземья в период НЭПа не удалось. Но это не принижает той работы, которая проводилась и профессиональными союзами и государственной инспекцией по ее улучшению. Слишком все было разрушено, было ветхим и изношенным.

Затрагивая качественную сторону условий труда, следует признать, что они были хуже, чем до революции, поскольку рабочим приходилось трудиться на изношенном довоенном оборудовании. Изношенность оборудования на промышленных предприятиях в уездах Курской губернии более чем на 50 % ¹² вынуждала рабочих затрачивать больше физических усилий, что обусловило высокий уровень травматизма. Характерно и то, что производственный травматизм угрожающе рос из года в год. «Практика понуждения рабочих во имя повышения производительности труда делает больше мускульных усилий, была одним из факторов, обусловивших высокий уровень производственного травматизма»¹³. При устарелой, изношенной технике как бы ни усовершенствовалась система охраны труда, полностью исключить несчастные случаи на производстве было нельзя¹⁴.

Проанализированный автором исследования архивный материал показал, что в целом участие профессиональных союзов в деле охраны труда и техники безопасности имело большое практическое значение. Образованные профессиональными союзами комиссии по охране труда контролировали соблюдение трудового законодательства в вопросах охраны труда. Предотвращая негативную тенденцию роста производственного травматизма, профессиональные союзы Курской и Воронежской губерний популяризовали идеи охраны труда. Кроме того, фабрично-заводские комитеты проводили систематический инструктаж, выделяли ответственных работников, контролирующих состояние техники безопасности. В целом, проведенное исследование показало, что в результате активной деятельности профессиональных союзов на промышленных предприятиях Черноземного Центра улучшилась не только экономическая ситуация, но и положение рабочих в производстве.

Примечания

¹ Кодекс законов о труде 1920 года. – М., 1920. – С. 31.

² Государственный архив Белгородской области (далее – ГАБО). – Ф.Р-711. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 90.

³ Догадов, В.М. Правовое положение профессиональных союзов СССР. Очерки профсоюзного права / В.М. Догадов. – М., 1928. – С. 58.

⁴ ГАБО. – Ф. Р – 712. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 86.

⁵ Труд и здоровье в развитом социалистическом обществе / Под ред. Н.Ф. Измерова. – М., 1979. – С. 150.

⁶ ГАБО. – Ф. Р – 712. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 102.

⁷ Там же. – Д. 60. – Л. 137.

⁸ ГАБО. – Ф. Р – 756. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 185.

⁹ Там же. – Д. 35. – Л. 1.

¹⁰ Догадов, В.М. Правовое положение профессиональных союзов СССР. Очерки профсоюзного права / В.М. Догадов. – М., 1928. – С. 57.

¹¹ Кодекс законов о труде. – Харьков, 1926. – С. 56.

¹² ГАБО. – Ф. Р – 712. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 105.

¹³ Иванов, Ю.М. Положение рабочих России в 20-х –30-х годов / Ю.М. Иванов // Вопросы истории. – 1998. – № 5. – С. 32-37.

¹⁴ ГАБО. – Ф. Р – 756. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 1, – Л. 43.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЗАНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
«EUROPEAN STUDENT RELIEF» (ЕСП) В1922-1923гг.**

Тема помощи иностранных организаций во время голода в России в 1921 г. продолжает вызывать интерес исследователей. Основная часть публикаций посвящена деятельности самой знаменитой из них – «American Relief Administration» – «Американской администрации помощи» (АРА). В наименьшей степени известно о работе «European Student Relief» – «Европейская студенческая помощь» (ЕСП)¹. Она вошла в состав уже существующей всемирной студенческой христианской федерации², а ее филиалы действовали в Казани и Саратове.

ЕСП начала свою работу в Казани осенью 1922 г., предположительно в ноябре месяце, о чем свидетельствует доклад уполномоченного при заграничных организациях по борьбе с последствиями голода по Татарской республике Муската³. ЕСП имела бланк и собственную печать. В центре круглой по форме печати размещалось изображение двух земных полушарий, объединенных лентой с девизом на латинском языке «UT OMNES UNUM SINT!» – «Все должно быть едино!». Надписи на русском и английском языках: «Европейская студенческая помощь – European Student Relief»⁴.

Казанское представительство ЕСП возглавили мистер Ф. Коепер из Амстердама, прозванный студентами «летучим голландцем»⁵ и англичанин Харфорд. В комитет входили представители правительства и казанского студенчества. Основное руководство оставалось за иностранцами. Председателем на протяжении всего 1923 г. был Коепер. Имя Харфорда перестало фигурировать в документах после его конфликта со студентами в ноябре 1922 г. Проблема заключалась в отсутствии взаимопонимания между председателем и остальными членами комитета. Коепер, так же как и Харфорд был крайне недоволен тем, что члены комитета были настолько загружены всевозможными обязанностями и совмещали несколько должностей, что не могли полностью сосредоточиться на работе в ЕСП. Не было единства в вопросе о необходимости выдачи карточек рабфаковцам, которых, по мнению одного из членов комитета, Коепер «органически не переваривал». Формальным признаком лишения рабфаковцев права на питание в столовых ЕСП стал аргумент о том, что они не являются студентами ВУЗов. Конфликт в конечном итоге был разрешен в пользу рабфаковцев, но первый состав комитета был распущен. В свою очередь представители

студкомитетов возмущались неограниченной властью голландца в решении кадровых и хозяйственных вопросов.

В целом, деятельность ЕСП протекала в том же русле, что и работа всех иностранных организаций, занимающихся оказанием помощи: создание сети столовых для населения, обеспечение одеждой и медикаментами.

К тому моменту, в городе уже работали две студенческие столовые. Помощь ЕСП заключалась в первую очередь в обеспечении их продуктами, которые доставлялись в Казань из Москвы. Дальность расстояния и возникающих в связи с этим проблем с транспортом заставляло комитет прибегать к закупке продуктов их на местном рынке по более высоким ценам. В остальном все вопросы, связанные с содержанием столовых, должны были решаться самими студентами. Основная часть учащихся получала бесплатные обеды, остальные вносили символическую плату.

Помощь от ЕСП получали студенты пяти казанских вузов: ветеринарного института, КГУ, педагогического института, политехнического института и института сельского хозяйства и лесоводства. Каждый из них подавал списки учащихся, нуждающихся в получении «столовых карточек» (карточек на питание). Для этого студент или студентка должны были написать заявление на имя комитета и заполнить анкету. Далее вопрос по каждому из кандидатов обсуждался на заседании вузовских комиссий.

Всего за время своего существования в Казани ЕСП помогла наладить работу трех столовых, благодаря чему их пропускная способность повысилась с 1200 до 1400 студентов.

Успехи, достигнутые в первом направлении, позволили казанскому комитету ЕСП расширить масштабы своей деятельности. Было решено заняться распределением одежды, которая была собрана и прислана студентами из Англии, Голландии и Ирландии. Из нее предстояло сформировать комплекты, которые распределялись с помощью лотереи. По данным Муската за весь период своего существования ЕСП закупил для нужд студенчества 4932 пуда 21 фунт разного рода продуктов и получил 195 пудов одежды и обуви⁶.

Деятельность казанского комитета ЕСП⁷ позволила оказать поддержку значительной части студенчества города.

На последнем заседании, которое состоялось 13 июня 1923 г. Коепер обратился к члену комитета со словами: «Я всегда имел большой интерес к России. Я хотел ее знать шире, чем я знал ее по прессе...Когда я приехал в Россию, я нашел положительно другое, чем я читал в прессе и чем полагал сам.<...> я постараюсь там — за границей рассеять много неправильных представлений о России»⁸. В отношении своих

казанских коллег он сказал следующее: «Всех же членов комитета я благодарю за то, что они всегда были приятны в спорах, и работа часто была не лишена юмора. Иначе было — бы трудно работать и в будущем году»⁹.

Примечания

¹ ЕСП была основана в 1920 г. в рамках миссии Нансена. Организовывала питание и снабжение одеждой исключительно студентов, в том числе и г.Казани.

² Всемирная студенческая христианская федерация была основана американским миссионером Джоном Моттом в 1895 г. Существует до сегодняшнего дня и включает в свой состав ряд православных, протестантских и католических организаций

// www.sfi.ru/rubrs.asp?rubr_id=945&art_id=8507&page=2.

³ НА РТ. — Ф.41. — Оп.1. — Д.125. — Л.161 об.

⁴ НАРТ. — Ф.1489. — Оп.1. — Ед.хр.6. — Л.28.

⁵ Гинзбург, Е.С. Студенты 20-х годов / Е.С. Гинзбург // Юность. — №8. — 1966. — С.89.

⁶ НА РТ. — Ф. 41. — Оп.1. — Ед.хр.125. — Л.161 об.

⁷ На последнем заседании комитета 13 июня 1923 г. Коепер объявил о перспективе продолжения работы комитета в 1924 г. Официальных документов, которые подтверждали бы это заявление не обнаружено. Однако в архивных документах Восточно-педагогического института (Казань) отложились отчеты уполномоченного по ЕСП Меценатова Н.С., составленные в период с 10 февраля 1924 г. по 25 марта 1925 г. Этот факт позволяет сделать предположение, что работа комитета была продолжена // НА РТ. — Ф.1489. — Оп.2. — Ед.хр.7. — Л.2, 11.

⁸ Следует заметить, что в архивных фондах нами обнаружены документы, свидетельствующие о том, что ЕСП работало в Казани и в 1924 г. Так, Меценатовым на имя ЕСП были составлены 4 отчета. Первый из них датирован 10 февраля 1924 г., последний 25 марта 1925 г. // НА РТ. — Ф.41. — Оп.1. — Ед.хр.152. — Л.384.

⁹ НА РТ. — Ф.41. — Оп.1. — Ед.хр. 152. — Л.385 об.

ОРГАНИЗАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Октябрьский переворот и первые радикальные мероприятия советской власти, в том числе и преобразования суда, усилили противостояние в российском социуме. Дестабилизация технико-управленческих функций поразила все уровни властной вертикали, вызвав анархию и потерю нравственных ориентиров населения. Состояние и положение суда особенно рельефно отразило все перипетии этих сложных и многомерных процессов.

Трансформация демократических принципов, заложенных в декрете о суде от 22 ноября 1917 г.¹, наметилась к лету 1918 г. На процесс создания новой судебной системы влияли как внутренние (организационные), так и внешние условия. К внутренним относится процесс институционального развития, в котором выделяются следующие периоды: 1) дооктябрьское состояние системы правосудия; 2) создание чрезвычайных структур (ревкомы и ревтрибуналы); 3) организация единых народных судов.

После Февральской революции состояние суда было в глубоком кризисе. К трудностям военного времени² прибавилась дестабилизация государственности. Сыграла свою роль и выжидательная политика судебных деятелей из-за острой борьбы за власть в 1917 г. В этих условиях «паралича» судопроизводства, параллельно происходил процесс создания первых советских судебных органов, основанных «на революционном правосознании» (май 1917 г.), что явилось прецедентом для будущего судебного строительства. На волне подъема и обострения общественных исканий и ожиданий большевики стали воплощать свои идеологемы построения общества высшей социальной справедливости в жизнь. Так, декретом о суде от 22 ноября 1917 г. были изменены и юридическая, и техническая, и этическая сторона закона и судопроизводства. Большевики не имели четкого представления о принципах построения нового суда и предполагали решение судебных вопросов через использование правотворческого потенциала масс. Однако они не учли крайне низкий уровень правовой культуры и правосознания³, который проявился в скатывании к социальной анархии и самосудам и, тем самым, еще более усугубил ситуацию. Проведенный контент-анализ говорит о недоверии населения к власти, ощущении своего бесправного положения перед ее огромными возможностями⁴.

Первоначально все функции – оборона территории, подавление

«контрреволюционных элементов», местного самоуправления, создание Советов⁵, судебные прерогативы были сосредоточены в руках новых органов — ревкомов и ревтрибуналов. Большевики создавали ревкомы, когда нуждались в силе для укрепления своего властного монополизма, в чрезвычайных ситуациях. Особую и самостоятельную роль в судебной политике сыграли ревтрибуналы, которые должны были быть политическими судами и укоренять «революционное право». В результате произошло размежевание политического и уголовного судопроизводства. В основе политического судопроизводства лежали принципы «революционной целесообразности» и «революционной законности», которые давали огромную «свободу усмотрения» судьям. Советско-партийный кадровый состав ревтрибуналов пролетарским был только по названию.

К внешним факторам формирования новой судебной системы относятся мероприятия новой власти по ликвидации политических противников и преодоления массового оппозиционного движения⁶. Стремление власти обезопасить себя от возможных посягательств со стороны политических противников обусловило не только создание ВЧК (20 декабря 1917 г.)⁷, но и возрастание ее роли. Учредительное собрание было властной альтернативой большевистской власти⁸, поэтому, успешно выполнив свои задачи по свертыванию его деятельности, ВЧК использовала этот опыт в борьбе с любым проявлением недовольства советской властью. Во время ликвидации анархо-эсеро-максималистских мятежей в центре и поволжских городах России весной 1918 г. впервые была предусмотрена смертная казнь участников этих выступлений⁹. Важно отметить, что часто следствие и суд основывались не на вещественных доказательствах, документах, а на «политической целесообразности».

Основные тенденции формирования советской судебной системы были обусловлены революцией и гражданской войной. К октябрю 1917 г. правовые взаимоотношения слабо регулировались судебными институтами и переместились в область самосудов и самостийных «революционных судов». Появление таких понятий как «революционное право» и «революционная законность», отражает не только разрушение порядка, но является имманентным элементом сознания российской интеллигенции, общим кодом поведения которой была оппозиционность¹⁰. Ведь создатели советской юстиции «сформировались» в семантической среде противостояния власти. Отчасти поэтому некоторые элементы старой судебной системы просуществовали до открытого вооруженного противостояния. Например, место мировых судей заняли вначале местные суды, единоличные и коллегиальные; судей избирали вместо земств местные советы¹¹.

В установлении чрезвычайной и репрессивной доминанты имели место несколько условий. Одно из самых важных было заложено в орга-

низации самого суда и судопроизводства, предоставляющего большую «свободу усмотрения». Другое коренилось в характерном для революционного процесса стремлении решать проблемы на основе структур локального типа, что способствовало их бесконтрольности¹². Поэтому строительство советской власти осуществлялось путем постоянного преодоления и сопротивления. До весны-лета 1918 г. существовали различные временные судебные учреждения, санкционированные местной властью. Организация ревтрибуналов и ЧК были предприняты для выстраивания унифицированной судебной вертикали с целью преодоления сепаратизма и внесения некоторого единообразия в судебную систему.

Примечания

¹ Декреты о суде: № 1 от 22 ноября 1917 г., № 2 от 22 февраля 1918 г. / Декреты Советской власти. – Т.1. – М., 1957. – С. 124, 466-474.

² Слабость судов, а именно: снижение активности судебных органов, например, число осужденных местными судами таково: в 1913 г. в Пензенской губернии – 1094 человека, в Симбирской – 854, в Самарской – 1369, в 1915 г. соответственно – 511, 528, 770, в 1916 г. – 399, 508, 714 человек. А также процесс милитаризации права, что, с одной стороны, явилось одним из проявлений кризиса, а с другой, предпосылкой ужесточения.

³ Повседневная жизнь в заседаниях мирового суда и ревтрибунала. 1860-1920-е гг. / Составитель, автор предисловия, введения и коммент. М. И. Вострышев. – М.: Молодая гвардия, 2004; Щибраев, В.Л. Большая Царевщина / В.Л. Щибраев. – Самара, 2008.

⁴ Цит. по: Стариков, С.В. «Власть Советам, а не партиям!»: советская революция в Самаре в 1917-1918 гг. / С.В. Стариков. – Йошкар-Ола, 1999. – С. 226.

⁵ Цыпкин, Г.А. Красная гвардия – ударная сила пролетариата в Октябрьской революции / Г.А. Цыпкин, Р.Г. Цыпкина. – М., 1977. – С. 148. Леонов, С.В. Советская государственность: замыслы и действительность (1917-1920 гг.) / С.В. Леонов // Вопросы истории. – 1990. – № 5. – С. 33.

⁶ Рабочее оппозиционное движение в большевистской России. 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы / Составитель, автор вступ. ст. и примеч. Д.Б. Павлов. – М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)», 2006.

⁷ История Всероссийской Чрезвычайной Комиссии 1917-1921 гг. Сборник документов / Ред. коллегия: Г.А. Белов, А.Н. Куренков, А.И. Логинова, Я.А. Плетнев, В.С. Тikuнов. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. – С. 78-79.

⁸ Протасов, Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели / Л.Г. Протасов – М., 1997. С.269.

⁹ Кабытова, Н.Н. Восстановление структур советской власти в Самаре / Н.Н. Кабытова // Самарский земский сборник. – 2007. – № 1(15). – С. 52; Протасов, Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели / Л.Г. Протасов – М., 1997.

¹⁰ Кистяковский, Б.А. В защиту права (задачи нашей интеллигенции) // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. – Ленинград, 1990. Он же, Государство и личность // Власть и право...; Успенский, Б.А. Этюды русской истории / Б.А. Успенский. – СПб., 2002.

¹¹ Лонская, С.В. Мировая юстиция в России / С.В. Лонская. – Калининград, 2000. – С. 167.

¹² Кабытова, Н.Н. Становление местных органов советской власти в 1918-1920 гг. / Н.Н. Кабытова // Вестник Самарского государственного университета. – Самара, 2007. – № 5/3. – С. 201.

Н.К. Низамиева

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет

ВВЕДЕНИЕ ЛАТИНСКОГО АЛФАВИТА В ТАССР: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (1920-30-Е ГОДЫ)

В начале двадцатых годов XX века в среде национальной интеллигенции появилась идея создания нового алфавита на основе латинской графики. Введение латинского алфавита преследовало несколько целей. Во-первых, по расчетам политиков, устранение арабской графики облегчило бы отрыв населения от мусульманства. Во-вторых, создание единой основы алфавита для тюрко-язычных народов позволило бы сблизить их культуры с западноевропейской, а так же стать средством интернационализации культур. В-третьих, введение яналифа должно было ускорить ликвидацию неграмотности среди населения. Противники латинизации считали, что переход на новую графику оторвет татарский народ от его культурного наследия, а «крестьянин не примет латинский алфавит, так как он похож на миссионерскую транскрипцию». Дискуссии по этому вопросу шли на протяжении всех 1920-х гг., поделив национальную интеллигенцию условно на «арабистов» и «латинистов»¹.

Одним из первых центров латинизации стал Азербайджан. Далее на протяжении всех двадцатых годов латинский алфавит пытались вне-

дять во многих национальных республиках. Не стала исключением и Татарская республика². С 1927 года в Татарстане разгораются острые дискуссии вокруг проблемы перехода на латинскую графику (яналиф). Итогом дискуссий стало издание постановления от 3 июля 1927 г. СНК ТАССР, объявившего латиницу официальным алфавитом татарского языка. С этого момента в республике начинается кампания по замене старого алфавита на новый.

На начальном этапе данный процесс не носил массового характера. Кардинальные изменения произошли после принятия постановления бюро Татарского ОК ВКП(б) «О предстоящем съезде общества «Яналиф» 24 января 1928 г. и мерах по улучшению работы по переходу на новый алфавит»³. Для организации работы по введению латинизированного шрифта 22 февраля 1928 г. при ТатЦИКе был учрежден госкомитет «Яналиф». На заседании VIII съезда Советов Татарской АССР, проходившем 8 мая 1929 г., было установлено время полного завершения перехода на новый алфавит – 1930 год. Дата была приурочена к десятилетию ТАССР⁴. По официальным отчетам к началу 1931 г. процесс перехода на латинский алфавит в республике был завершен.

Целью латинизации татарского алфавита являлась замена одного шрифта на другой в делопроизводстве, книгоиздательстве, при создании газет и журналов, в письменности народа. При этом данный процесс не ставил целью изменение самого языка. Государственным и партийным органам пришлось решать множество задач, среди которых первоочередными считались: переобучение «трудящихся татар» со старого алфавита на яналиф; перевод на латиницу внутреннего делопроизводства и межведомственных сношений. Кроме того, необходимо было заменить пишущие машинки, переоборудовать типографии, обучить наборщиков новому алфавиту⁵. Все штампы, штемпели и печати, содержавшие текст на арабской графике, должны были быть заменены латиницей.

Выполнение поставленных задач требовало не только финансовых инвестиций, но и четко организованной деятельности Наркомпроса республики. Необходимо было подготовить и издать учебники, ввести новый алфавит во всех школах, техникумах, вузах и др. В своих директивах Татнаркомпрос публиковал правила перехода на новый алфавит, рассылая их во все образовательные учреждения. При этом текст данных правил до середины 1929 г. выполнялся на арабской графике типографским способом, либо печатался на машинке⁶.

Как же обстояло дело на практике? Процесс «яналифизации» шел сложно. Значительная часть документов выполнялась с использованием как старого, так и нового алфавитов. Текст обычно выполнялся на латинице, а печати или штампы содержали текст на арабской графике. В основном датой создания таких документов служат 1930/1931 годы,

являвшиеся своего рода пограничными годами⁷. Арабская вязь в документах организаций (угловые штампы и печати) встречалась вплоть до середины 1930-х гг. Несмотря на снижение доли таких документов, они и в 1934 г. составляли 3%⁸.

Встречались прямо противоположные случаи. Угловой штамп организации был выполнен на двух языках – русском и татарском (латинице), а текст от руки был написан арабской вязью (1931–32гг.). В основном, такие документы выполнялись в отдаленных районах республики, где не успели подготовить специалистов, владеющих новой графикой⁹.

Документы личного происхождения, выполненные на яналифе, в 1930–31 гг. встречаются в редких случаях, их удельный вес резко возрос только к середине десятилетия.

Таким образом, процесс перехода на латиницу оказался более сложным, чем это предполагалось. Еще не успело вырасти первое поколение советских школьников, получивших начальное образование на латинице, как в 1939 г. началась новая реформа по переводу татарского языка на кириллицу. Таким образом, за два десятилетия татарский народ сменил три алфавита.

Примечания

¹ См.: Гарипова, З.Г. Культурно просветительская работа в Татарии в годы первой пятилетки (1928–1932) / З.Г. Гарипова. – Казань, 1985; Гарипова, З.Г. Языковая политика в Республике Татарстан: Документы и материалы (1980–90-е гг.) / З.Г. Гарипова. – Казань, 1999. Султанбеков, Б.Ф. История Татарстана: Страницы секретных архивов / Б.Ф. Султанбеков. – Казань, 1994 др.

² Республики, занимавшиеся внедрением латинского алфавита, активно обменивались между собой накопленным опытом. В Татарскую республику в конце 1929г. поступили наработки по данному вопросу из Узбекистана и Таджикистана. – НА РТ. – Ф. 3682. – Оп.1. – Ед.хр. 1517. – ЛЛ.15,15а,51,56.

³ Гарипова, З.Г. Культурно просветительская работа... – С. 96.

⁴ Культурное строительство в Татарии. 1917–1941 / Сб. документов и материалов. – Казань, 1971. – С.385.

⁵ См.: Милицын, Б. Пишущая машинка «Яналиф» и ее создатели / Б. Милицын // Эхо веков. – №2. – 2004. – С.134–136.

⁶ НА РТ. – Ф.3682. – Оп. 1. – Ед.хр. 1517. – Л. 58,110.

⁷ Многие организации вынуждены были использовать старые бланки, выполненные арабской вязью или из-за отсутствия финансирования, или в целях экономии бумаги.

⁸ По нашим подсчетам, в 1929 г. использование арабской графики при оформлении документов делопроизводственного характера ряда уч-

реждений составляло 12%, в 1934 г. — 3%. Таким образом, официальные заявления о повсеместном переходе в республике на яналиф в 1931 г. не подтверждаются архивными документами.

⁹ В архивных фондах в единичных случаях встречаются документы, имитирующие арабскую вязь. Один из вариантов объяснения может быть следующим. Так как специалистов, владеющих арабской графикой, особенно в городах, было не так много, некоторые граждане использовали это обстоятельство. В учреждение приносили документ, выполненный арабской вязью, устно излагая его содержание. Документ принимался. На самом деле — это был документ, который не подавался прочтению.

Е.А. Леонтьева

*Оренбургский государственный
педагогический университет*

ДЕТСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 1953–1964 гг.

Важность тщательного рассмотрения вопроса о детской преступности в 1953 — 1964 гг. особенно актуальна сегодня, когда 700 тысяч детей в России являются сиротами. Каждое десятое преступление в стране совершается несовершеннолетним или при их соучастии. Советский опыт является положительным, так как правительство направляло все силы и средства на борьбу с детской беспризорностью и преступностью и этот положительный опыт необходимо использовать сегодня.

Основные социальные причины подростковой преступности связаны, прежде всего, с теми экономическими, политическими и культурными преобразованиями, которые происходили и происходят в нашей стране и оказали далеко не самое благоприятное воздействие, как на взрослых, так и на подростков. В 50 — е годы основными такими причинами были последствия военного времени, приведшие к резкому ухудшению жизни людей, безотцовщине, разрушению материально — технической базы культурно — воспитательных учреждений.

Постановления «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от 1935 г., и «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством» 1943 г. определили работу государственных органов в сфере профилактики и выявления преступлений среди несовершеннолетних.

В течение 1953 — 1964 гг. явление детской преступности и беспризорности ликвидировать не удалось, но данная проблема целенаправ-

ленно решалась. Борьба с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью на Южном Урале осуществлялась местными Советами депутатов трудящихся, органами народного образования, органами милиции. Органами милиции г. Челябинска только за третий квартал 1954 г. было задержано 378 детей, из которых заблудившихся – 18,8 %, беспризорных – 1,2 %, безнадзорных – 79 %¹.

Одной из причин порождающих преступность являлась слабое выполнение Постановления Совета Министров РСФСР «О мерах улучшения работы среди детей вне школы и предупреждения детской безнадзорности» от 4 октября 1957 г. Об этом свидетельствует тот факт, что очень много детей и подростков доставлялись в детские комнаты милиции за различные правонарушения и озорство. Так, в течение 1959 г. в детские комнаты милиции городов Оренбургской области было доставлено 235 детей за кражу, попрошайничество, хулиганство и др. В 1961 г. данные показатели оказались выше, чем в 1959 г., задержано 750 детей. Высоким оставался показатель, характеризующий уход от родителей и бегство из детских домов – 193 человека (25,7 %). Причинами побегов служили: неудовлетворительные условия проживания, нечуткое отношение, антипедагогические меры общения со стороны воспитателей, не внимание и бесконтрольность, зачастую перебои с питанием. В 1961 г. удельный вес преступлений совершенный детьми, составил 5,12 %. Из числа привлеченных к уголовной ответственности несовершеннолетних 7,5 % учащиеся школ Министерства Просвещения и 23,1 % подростки до 16 лет, которые нигде не учились и не работали.

В Башкирской АССР в результате проводимых мероприятий детская преступность в 1959 г. по сравнению с 1958 г. сократилась на 46,1 %, а количество привлеченных к уголовной ответственности подростков уменьшилось на 58 %. Вместе с этим следует отметить, что в работе по борьбе с преступностью несовершеннолетних и безнадзорностью детей имели место и недостатки, о чем свидетельствует тот факт, что преступность продолжает оставаться еще высокой. В 1962 г. по сравнению с 1959 г. возросло количество тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними в 4 раза (с 3 до 12), преступлений имущественного характера в 1,9 раза (со 168 до 326), хулиганств в 2,3 раза (с 23 до 54), стабильным оставалось число совершенных особо тяжких преступлений 4 в 1959 г. и 4 в 1962 г. На современном этапе в Оренбургской области в 2006 г. уменьшилось количество преступлений, совершенных подростками по сравнению с 2002 г. в 0,95 раза. Из общего числа тяжкие преступления сократились в 2,2 раза, имущественного характера в 0,96 раза. Однако следует отметить рост особо тяжких преступлений в 1,5 раза.

Неуклонно возрастал удельный вес групповых преступлений. Например, в одном только Ордженикидзовском районе г. Уфы с ноября 1959 г. работниками райотдела милиции было выявлено 8 групп из числа учащихся школ, которые совершили в общей сложности 39 краж и раздеваний пьяных².

Государственные органы в корне изменяли систему работы с безнадзорными и детьми, оставшимися без попечения родителей. Уже в те годы лучшей формой устройства детей считалось воспитание их в здоровых семьях трудящихся, оказание данным семьям помощи в воспитании детей.

Особое место в борьбе с беспризорностью занимали детские дома, которые принимали детей на полное государственное довольствие, давая им тем самым возможность получить не только кров, образование, но и профессию. Количество детских домов на Южном Урале в 1953 г. составляло 161 единицу, с числом воспитанников около 13 тысяч человек. К 1959 г. наблюдается сокращение и числа детских домов и количество учащихся в 1,8 раза и 1,9 раза соответственно³.

Сокращение количества детских домов и воспитанников в них связано с объединением детдомов в более крупные, реорганизацией их в школы – интернаты, а также с увеличением показателя усыновления детей и взятия их на патронат и опеку.

Из выше указанного следует, что позитивные сдвиги были заметны в ликвидации беспризорности и безнадзорности, но полностью искоренить их так и не удалось.

Примечания

¹ ЦДНИОО. – Ф. 371. – Оп. 17. – Д. 64. – Л. 3.

² ГАОО. – Ф. 1893. – Оп. 3. – Д. 3426. – Л. 1-2.; ЦГАОО РБ. – Ф. 122. – Оп. 33. – 185. – Л.1-3.; ЦГИА РБ. – Ф. 798. – Оп. 9. – Д. 3532. – Л. 7-9.

³ ГАОО. – Ф. 1893. – Оп. 3. – Д. 3892. – Л. 6-6об.; ЦГИА РБ. – Ф. 796. – Оп. 2. – Д. 174. – Л. 12

**ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ
ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ВУЗОВ И НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
г. СТАЛИНГРАДА В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

В советский период, как известно, идеологии придавалось большое значение, а в условиях войны и послевоенного времени тем более. Перед высшими учебными заведениями стояла задача воспитания будущих специалистов, преданных идеям социализма. В первые послевоенные годы контроль партийных органов за работой вузов и научных учреждений усилился, а в конце 1940-х – начале 1950-х годов сталинское руководство организовало мощные идеологические кампании по борьбе с «низкопоклонством» и «космополитизмом». Безусловно, с одной стороны, контроль имел положительные моменты, органы государственной власти оказывали всестороннюю помощь вузам и НИИ. Но идеологическая работа не всегда носила положительный характер. Был проведен ряд кампаний, направленных против взглядов, не соответствовавших идейным установкам партии, что отрицательно сказалось на научной деятельности высших учебных заведений.

В связи с принятием закона о пятилетнем плане на 1946-1950 гг. в вузах Сталинграда были проведены собрания по обсуждению задач работников науки по его выполнению, студентам были прочитаны лекции на эту тему. Студенты и преподаватели всех институтов участвовали в агитационных кампаниях накануне выборов в Верховный Совет СССР.

Но, несмотря на пристальное внимание за деятельностью вузов, в отчетах Сталинградскому Обкому партии часто отмечались низкая активность студентов, их незаинтересованность общественной деятельностью и т.д. Преподаватели также зачастую не проявляли «должной» активности. В справках о работе институтов можно встретить следующие «недостатки» в агитмассовой работе вузов: нет повседневного контроля за работой кураторов-агитаторов, они не проявляют своей инициативы в воспитательной работе со студентами. Подвергалось проверке и содержание преподаваемого материала. За неправильную идейную направленность лекций их автора могли исключить из партии. Преподавательницу механического института, Х.В. Шендерович обвинили в слишком мягкой критике троцкизма, в умалчивании о предательской роли троцкистов и исключили из партии. Интересным представляется факт составления ложных отчетов о проведении заседаний кафедр марксизма-ленинизма¹.

Отчеты научных учреждений, направляемые в Обком партии, пестрят критикой и самокритикой, превознесением имени И.В. Сталина и, наоборот, принижением врагов партии. Проанализировав источники по данной проблеме, можно отметить, что большинство из них очень похоже, начиная с тем, затрагиваемых в них (преступные действия Л.Д.Берии, 50-летие КПСС, обращения в поддержку Совета мира, государственные займы, социалистические соревнования и др.) и заканчивая выводами по ним. В связи с этим необходимо особенно критически относиться к сведениям, содержащимся в источниках по данному историческому периоду.

Одной из часто обсуждаемых тем на заседаниях партийных организаций Сталинградских исследовательских учреждениях было повышение идейности кадров путем изучения биографий и трудов И.В. Сталина, В.И. Ленина. Почти во всех учреждениях действовали кружки, работавшие в этих направлениях, анализировалась их деятельность. В полугодовых и годовых докладах о работе кружков отмечались успехи, рост числа посетителей. Но среди плюсов зачастую отмечались и недостатки: многие работники не посещали подобные кружки или относились к изучаемому материалу без должного интереса, что на наш взгляд, было вполне закономерным. В полуразрушенном городе, когда жить и работать приходилось в условиях, далеких от идеальных, большинство людей скорее заботилось о решении более насущных проблем, чем изучение биографий И.В. Сталина и В.И. Ленина, пусть и столь значимых для человека того времени.

Изложение докладов о работе партийной ячейки укладывалось, с некоторыми нюансами, в следующую схему: ссылка на какой-либо съезд или конференцию, проделанная работа в связи с их решениями, достижения и недостатки. Вопрос о росте рядов партии был одним из ведущих, при этом часто отмечалось, что многие члены коллективов не стремились вступать в нее. Так в протоколе № 25 закрытого партийного собрания Сталинградского филиала ГИПРОМЕЗа от 2 октября 1945 г. говорится: «В отношении роста надо заметить, что коллектив у нас небольшой. Мы работаем с беспартийными, активом, состоящим из 12 человек, причем с каждым в отдельности, но пока что результатов нет». Ведущим методом борьбы с недостатками в работе партийных организаций объявлялось усиление критики и самокритики².

Политика государства оказывала значительное влияние на работу Сталинградских вузов и научных учреждений. Институты подвергались многостороннему контролю со стороны партийных органов, как на высшем уровне, так и на местном. Однако нельзя сказать, что многочисленные постановления и директивы выполнялись беспрекословно. Так же как и по стране в целом, в отчетах Сталинградских институтов тех лет встречается достаточно много примеров аполитичности студентов

и преподавателей, их незаинтересованности общественной жизнью и т.д. Отрицательным моментом в опеке вузов государством можно назвать вмешательство в научно-исследовательскую работу, которое сдерживало творческую деятельность ученых. Однако не стоит видеть в излишней идеологизации жизни только недостатки. Люди, вернувшись с войны, должны были найти в себе силы восстановить разрушенные дома, школы, институты, театры. Вера в коммунистическую партию была той силой, которая объединяла людей, помогала преодолеть последствия войны.

Примечания

1. Справки, письма директора и партбюро механического института об оказании помощи в строительстве института, об освобождении от работы преподавателей кафедр, о выделении жилплощади и другим вопросам // ЦДНИВО. – Ф. 113 (Сталинградский областной комитет ВКП(б). – Оп. 33. – Д. 186. – Л. 4

2. Протоколы партийных собраний. 12 января 1950 г. – 18 декабря 1952 г. // ЦДНИВО. – Ф. 10001 (Первичная организация КПСС Института эпидемиологии, микробиологии и гигиены /бакинститута/ Кировского района г. Сталинграда). – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 27.

Ю.А. Кондрашова

*Волгоградский государственный
педагогический университет*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ В ТРУДОВОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ ВОЛГОГРАДА (1950-1980-е гг.)

Одной из важнейших форм участия молодежи в общенародном осуществлении экономических и социальных преобразований были ударные комсомольские стройки. Они характеризовали способность комсомола мобилизовать молодежь на выполнение сложных и ответственных заданий¹.

В период послевоенных пятилеток комсомольцы и молодежь участвовали в строительстве Волго-Донского судоходного канала и Волжской ГЭС, в сооружении новых промышленных предприятий Сталинграда, Волжского, Камышина, Михайловки, Калача, Жирновска, Котово, в развитии жилищно-коммунального хозяйства, транспорта, школ, больниц, учреждений культуры.

Всенародным подвигом стало освоение целинных и залежных земель. По призыву Коммунистической партии и комсомола тысячи молодых патриотов области отправились на новые места. На полях работало 4500 молодых целинников, в том числе 1200 юношей и девушек Сталинграда, 5000 комсомольцев и молодых сталинградцев поднимали целинные и залежные земли в Казахстане. Комсомольцы и молодежь области внесли большой вклад в освоение почти 1,6 млн. гектаров новых земель, повышение урожайности зерновых культур. В 1958 г. колхозы и совхозы дали Родине 165 млн. пудов хлеба, выполнив 3 годовых плана. За этот трудовой подвиг область была награждена орденом Ленина².

Областной комитет ВЛКСМ постоянно направлял усилия комсомольских организаций на активное участие в осуществлении аграрной политики партии. Ежегодно в трудовые коллективы колхозов и совхозов области вливалось около 7 тыс. воспитанников сельских профессиональных училищ. Комсомольские организации участвовали в подготовке молодых механизаторских кадров в сельскохозяйственном производстве.

Важным было шефство комсомола над государственной лесополосой Камышин – Сталинград, строительство которой началось в 1949 г. Лесополоса была сдана в 1956 г. Комсомольцы Ворошиловского района г.Сталинграда принимали активное участие в весенних лесопосадках. Работая на лесополосе в Аксайском районе, молодежь показала высокую производительность труда, выполняя нормы от 180% до 230%. С 1952 по 1956 гг. на весенних лесопосадочных работах принимали участие свыше 12.400 чел. За весь период по строительству лесополосы были награждены грамотами Областного комсомола – 1 тыс. чел., более 100 чел. получили грамоты ЦК ВЛКСМ³.

Одной из великих строек было строительство Гидроэлектростанции (ГЭС). Исходя из Программы собрания актива молодежи г.Сталинграда от 16 сентября 1950 г. на тему «Об участии молодежи города Сталинграда в строительстве Сталинградской ГЭС», можно сделать вывод, что молодежь города восприняла с энтузиазмом постановление Совета Министров СССР о строительстве ГЭС⁴. Однако не все зависело только от желания молодежи. Поражает равнодушие со стороны хозяйственных руководителей и общественных организаций к людям, которые ехали на великую стройку страны с целью отдать все силы для ее успешного завершения, но сталкивались с трудностями. Так, в июне-июле 1953 г. на строительство ГЭС должны были прибыть 16 тыс. рабочих из различных городов. Но, в результате рейда, проведенного 5 июня 1953 г. по местам будущих рабочих городков выяснилось, что строительство совершенно не готово к приему вновь прибывших рабочих. На 6 июня Сталинградгидрострой не располагал ни одним общежитием, никто не

позаботился об открытии детских лагерей, хотя многие рабочие ехали с семьями⁵. Кроме того, Сталинградский обком и райкомы на местах недобросовестно относились к подбору кадров, направляя на стройку ранее судимых (Худяков), инвалида 2-ой группы (Кашеев), хронически больных и умственно ограниченных. Не случайно, что до молодежи быстрее доходили слухи о трудностях на строительстве, чем вести о том, что это великие в мире стройки. Следует отметить о безответственном отношении к посылке молодежи на ГЭС Краснооктябрьского, Ворошиловского, Калачевского районов. Так, вместо 1500 человек на строительство было послано всего 587. На строительных участках ГЭС долгое время отсутствовали школы передовых методов труда, рационализация и изобретательство⁶.

В ответ на призыв партии на сооружение Байкало-Амурской магистрали по комсомольским путевкам выехало 60 молодых волгоградцев. А всего за 1975-1977 гг. на новостройки страны по комсомольским путевкам было направлено более 1095 добровольцев.

Областной комитет ВЛКСМ вел целенаправленную работу по организации и совершенствованию деятельности студенческих строительных отрядов. За 4 года (1965 – 1969 гг.) более 60 тыс. студентов и учащихся в период летних каникул трудились в различных областях страны. Ими был выполнен объем работ на сумму свыше 80 млн. руб. Ежегодно в студенческие строительные отряды привлекались 250 подростков, стоящих на учете в детской комнате милиции. Ударные комсомольские стройки были одной из самых конкретных и действенных форм участия комсомола в развитии экономики страны. Для миллионов юношей и девушек стройки стали настоящей школой жизни, помогли найти призвание, овладеть профессией, получить навыки управления производством, трудовыми коллективами.

Примечания

¹ Тяжелников, Е.М. Союз молодых ленинцев / Е.М. Тяжелников. – М., 1980.

² Очерки истории Волгоградской организации КПСС. – Волгоград, 1974. – С. 234.

³ ЦДНИВО (Центр документации новейшей истории Волгоградской области). – Ф.114. – Оп.18. – Д.74. – Л.82-84.

⁴ ЦДНИВО. – Ф.114. – Оп.13. – Д.10. – Л.43.

⁵ ЦДНИВО. – Ф.114. – Оп.16. – Д.258. – Л.146-149.

⁶ Летопись Волгоградского комсомола. Сборник документов по истории Волгоградской областной организации ВЛКСМ. 1917-1974. – Волгоград, 1974. – С.280.

СЕКЦИЯ III. ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ

А.И.Натаров

Самарский государственный университет

СТРОЕЛЬНАЯ КНИГА ГОРОДА СИМБИРСКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В данной работе предпринимается источниковедческий анализ «Строельной книги Симбирска» 1653–1654 гг. как одного из важнейших источников по истории Симбирско-Корсунской засечной линии.

Несмотря на давнюю публикацию источника ему до сих пор не посвящено специальных работ¹. В исторической литературе давно известны «строельные книги», которые до настоящего времени не получили ни полного истолкования и определения, ни выяснения их количества. В первой книге многотомного издания «Московского архива Министрства Юстиции» дается следующее определение строельных книг: «Книги строельные и засечные имели своим предметом также описание городов, острогов и других укреплений, казенных и частных дворов, земель и их населения с той лишь разницей (против писцовых, дозорных и приправочных книг), что все это описание составлялось вслед за строением или заложением вновь города, острога или засеки в диких полях, на окраинах государства; почему в них описывалось так подробно как возведенные строения и укрепления, так и раздача земель вновь служилым людям, с обозначением и их обязанностей». П. Смирнов на основе данных Н.Н. Оглоблина и других авторов делает вывод о существовании двух видов строельных книг, содержащих описание постройки новых городов и о ремонте старых².

Как можно понять из «промемории», написанной в 1749 г., из двух существовавших строельных книг по Симбирску до времени публикации сохранилась лишь одна и то не в полном виде³. Рассматриваемый нами источник относится, к сожалению, ко второму виду и поэтому содержит менее ценную информацию, что, однако, не умаляет его исторической ценности. Строельная книга сохранилась в виде копии, отправленной в 1747 году из Казанской Губернской Канцелярии в Кан-

целярию Генеральной ревизии Казанской и Оренбургской губерний.

Строельная книга по Симбирску была опубликована в 1897 г. членом Симбирской губернской ученой архивной комиссии П. Мартыновым. Он счел нужным разделить книгу на две части и отдельные разделы, согласно содержащейся в них информации.

Начальный раздел первой части Строельной книги занимает информация о наделении землей первых переселенцев в т. ч. стрельцов, казаков, ссыльных в города и слободы расположенные вблизи «Симбирско-Корсунской черты», а также данные, откуда они были переведены. Приведено их число, а также количество полученных пахотных земель и сенокосных угодий с подробными указаниями на местность и межи, отделяющие разные владения.

Следующий раздел дает полный поименный список детей боярских и служилых инородцев (служилых татар, мордвы и черемисов), получивших поместья за службу на Симбирско-Корсунской линии. В источнике приведены сведения о площади и границах пожалованных земель.

Например, земельные пожалования двум детям боярским Кузьме Посульшикову и Ивану Пасмуру составили 15 десятин; Степану и Даниле Чюгаевым, Гурию и Ивану Аристовым, Якову Ульянову, Тихону Сырбоярскому, — пятьдесят десятин. Получается, от 15 десятин на двоих служилых людей до 50 на 6; т.е. от 7,5 до 8,3 десятин.

При анализе полученных сведений можно составить приблизительную картину количества земли, получаемой разными категориями служилых людей. Сотня стрельцов Мостовой слободы⁴ получила на корпорацию 812 четвертей земли, т.е. в среднем приходилось по 8,12 на каждого; 80 конных казаков⁵ — 2224 четвертей т.е. 27,8 четвертей на казака; служилые татары во главе с Бурундучком Басубиным на 100 человек — 28762 четвертей, т.е. на каждого приходилось пашни по 287,62 четверти. Даже по таким любопытным цифрам можно увидеть дальнейшую перспективу изучения этого интересного документа.

Самый короткий — третий раздел составляет информация о количестве незанятой земли. Три данных раздела составляют 122 из 169 страниц оригинального текста, т.е. составляют около 72%.

Строельная книга также содержит важнейшие сведения о строительстве Симбирско-Корсунской черты от г. Уренска до р. Барыша и о ремонтных и дополнительных работах в 1653 — 1654 гг.

«1) по обе стороны Свяги реки, на проломном месте, сделано тарасов, и острогу к тем тарасам поставлено на 78 сажнях; а делали то проломное место от Свяжской слободы конные казаки, да Синбирские ясашные люди; а в головах был казанец Алексей Рамаков; 2) по Синбирской черте до города Юшанска, от реки Селди и от реки Юшанки, по овражкам и в низких разных местах сделано тарасов, и острога к тем тарасам поставлено на 25 сажнях с полсаженю; сделали в тех местах

разных слобод служилые люди, а в головах был Синбирский стрелецкий и казачий голова Григорий Жуков; 3) от города Юшанска до Уржумской башни, в разных в низких местах, сделано тарасов, и острогу к тем тарасам поставлено на 115 сажнях с полсаженю; а делали Юшанские служилые люди; а голова был свияженин Яков Лукошков; и те порченныя места при Якове не заделаны были, потому что по Государеву указу велено в головах быть на Яковлево место Синбиренину Федору Лукину; и те порченныя места деделаны при Федоре Лукине; 4) от города Тагаева до города Уренска и к Юшанску до Уржумской башни, в разных низких местах, от реки Тагайки по овражкам же, сделано тарасов, и острогу к тем тарасам поставлено на 78 сажнях с полсаженю; а делали в тех местах города Тагаева служилые люди; а в головах был казанец Василий Бутляров»⁶.

Таким образом, указываются руководитель и исполнители, дается подробный перечень выполненных работ и причины ремонта.

Во второй части Строельной книги рассматриваются самые разные повседневные вопросы Симбирска, которые можно разделить по значимости на несколько групп, так как в документе они изложены совершенно бессистемно.

Первая группа связана с зачислением на службу служилых людей, содержит сведения о вновь прибранных вместо бежавших и погибших, об их станичной и других службах по городу Симбирску.

Не менее интересно рассмотреть причины замены служилых людей. Например, в составе «Синбирских новоприборных пеших стрельцов» три человека заменено вместо беглых, один вместо умершего. У «Синбирских пушкарей» — один вместо умершего, двое вновь прибраны, один заменил отца. Среди «Свияжских переведенцев» — один сменил умершего, причина выбытия другого — неизвестна.

Вторая группа содержит сведения о постройке в Симбирске кружечного двора, соляных амбаров, торговых лавок и отведенных под них места.

Третья — о царских пожалованиях церковного имущества Симбирской Преображенской церкви.

Четвертая о строительстве новой слободы, а также трех инородческих поселениях.

Совсем немного данных имеется о назначении подъячих в Симбирской приказной избе, о присылке из Казани в Симбирск пороха и свинца и о постройке в Свияжской слободе хором для стрелецких голов.

Необходимо особо отметить отчет о выращивании тутовых всходов, связанный с последующим известием князя Ивана Дашкова о результатах опытов во всех приволжских городах и их неудаче везде кроме Симбирска, а также ответной царской грамоте князю по поиску специалистами мест произрастания тутовника и донесении об этом в Москву⁷.

Таким образом, строельная города Синбирска достаточно полно раскрывает состояние Города как центра засечной черты. Она содержит важнейшие сведения о наделении земель детей боярских, стрельцов, казаков и других категорий служилых людей в первой части, а также данные, позволяющие установить происхождение переселенцев и их соотношение. Во второй части даются бессистемные материалы о состоянии торгово-ремесленного населения (места, отведенные в г. Синбирске под лавки; постройка торговых лавок; постройка соляных амбаров); о царских пожалованиях церковного имущества в Соборную и Преображенскую церкви; о состоянии укреплений, их строительстве и текущем ремонте; динамике численности гарнизонов, т.е. беглых и погибших; о вновь построенных населенных пунктах (Слобода на Белом озере, «инородческие» селения).

Примечания

¹ Мартынов, П. Строельная книга города Симбирска 161 – 162 гг. (1653-1654 г.) / П. Мартынов. – Симбирск, 1897.

² Смирнов, П.П. Книги строельные / П.П. Смирнов // Труды Московского Государственного Историко-архивного института. - Т. 2. – М., 1946. - С. 101.

³ Мартынов П. Указ. соч.

⁴ На примере пеших стрельцов, переведенных из с. Федоровского.

⁵ Свяжской слободы.

⁶ Мартынов П. Указ. соч.

⁷ Самарское Поволжье с древности до конца XIX века. Сборник документов. – Самара, 2000. - С. 89 – 90.

П.С. Русяев

Самарский государственный университет

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Либеральная историография сформировалась во второй половине 1850-х гг. Со вступлением на престол императора Александра II взявшего курс на реформы, власть дала послабления обществу и историческая наука получила больше свободы. Активный период творчества либеральных историков – это 1850-1870 гг. Вторая вспышка активности произошла во время революции 1905 г. Либеральная историографи-

ческая традиция представлена работами В.О. Ключевского, М.М. Богословского, С.М. Соловьева, А.А. Корнилова, П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, С.Ф. Платонова, М.В. Довнар-Запольского, Е.С. Шуми-горского, И.А. Галактионова, М.К. Любавского, А.Г. Брикнера, Н.Н. Фирсова, И. Катаева и В.Н. Сторожева¹.

Цель статьи – показать как либеральная историография изучала императорскую фамилию. Либеральные историки написали фундаментальные курсы по истории России с древнейших времен. Представляя историю как процесс, они ввели в оборот массу новых документов и выделили факторы развития истории: народ, общество (социум), природу и экономику. Их работы были выполнены на высоком уровне, так как авторы использовали позитивистскую методологию, основанную на фактическом научном знании. Многие ученые были основоположниками научных школ: С. Соловьев, В. Ключевский, Н. Кареев. Историки считали, что идеальная форма политического устройства России – это либо республика, либо конституционная монархия. Они попытались увидеть возможность перехода к данной форме правления в начале XIX века. Но этого не случилось и поэтому главная проблема царствования Александра I – это возможный переход к новой форме правления через реформы. Историки выделили два периода – реформаторский (либеральный) до 1815 г. и реакционный (консервативный) после 1815 г. Они пришли к выводу, что из всего задуманного и декларированного правительством, сделано было крайне мало.

Авторы выделили объективные причины по которым невозможно было провести план реформ в жизнь. Во-первых, внутреннее положение России не соответствовало этому курсу (В. Ключевский), во-вторых, власть не имела четкого, последовательного плана реформ (А. Кизеветтер, М. Богословский), в-третьих мешал консервативный феодальный, бюрократический лагерь из старых дворян. (М. Довнар-Запольский, С. Соловьев, Н. Фирсов, А. Кизеветтер и М. Богословский). Субъективная причина заключалась в личности самого Александра I. Историки считали императора не самостоятельной политической фигурой, а зависимой от дворянства и чиновников-царедворцев. Без них Александр I не мог обойтись, особенно в начале своего правления, так как практически не имел опыта управления. Часть вины за провал реформ историки возложили на самого царя, выделив в его характере массу отрицательных качеств, которые проявились в конкретных политических событиях.

В либеральной историографии личность получила комплексное изучение. Авторы вскрыли и описали причины, откуда у государя появились отрицательные черты характера. Первый фактор образование и воспитание, которые были во-первых европейскими, а не русскими (В. Ключевский и М.М. Богословский). К этим причинам А. Кизевет-

тер прибавил ранний брак Александра Павловича. Второй отрицательный фактор – противостоянии Екатерины II и Павла Петровича, которое сделало будущего императора двуличным (А.А. Корнилов, М.М. Богословский и С. Платонов). Третий фактор – это атмосфера царствования Павла I и его взаимоотношения с отцом. В либеральной историографии царя стали изучать не только как политика, но и как обычного человека. Историки показали его частную жизнь, окружение и взаимоотношения.

Императорская фамилия для историков либерального направления, не была отдельным феноменом изучения. Все родственники императора были фигурами в его тени. Методологические подходы либеральной историографии в изучении политики и личности Александра I распространились на императорскую фамилию. Ученые изучали законодательную основу, государственную деятельность, политические позиции, повседневную жизнь родственников царя. Рассматривая государственную деятельность, В.Ключевский, С. Соловьев, М. Любавский, М. Богословский считали, что подписание Павлом I «Учреждения об императорской фамилии» явилось важным этапом в развитии российской монархии. Авторы уделили внимание формированию, воспитанию и изменению личностей императриц Елизаветы Алексеевны, Марии Федоровны (монография Е. Шумигосркого) и великой княгини Екатерины Павловны (М. Богоявленский). Особым предметом была их частная жизнь и взаимоотношения с Александром I. О великом князе Константине практически не писали. Историки доказали, что характер членов фамилии менялся с течением времени под влиянием разных обстоятельств. Е. Шумигорский в книге о Марии Федоровне много внимания уделил ее отношениям с Павлом до его коронации и том, как ее характер изменился с момента приезда в Россию до смерти Екатерины II. С. Богоявленский составил исторический портрет великой княгини Екатерины Павловны и написал о том, что она влияла на политику в стране и Александр I советовался с ней в ряде вопросов. Ученые заинтересовались чем была обусловлена специфика отношений Александра I со своими родственниками. В этой связи авторы стали писать о личных, частных и даже иногда интимных сторонах их жизни. Либеральные историки пришли к выводу, с течением времени взаимоотношения также приобретали разные формы. В. Андреев высказал тезис о том, что отношения между Александром Павловичем и Елизаветой Алексеевной из супружеских превратились в дружеские, а потом стали напоминать отношения брата и сестры.

Императорская фамилия в либеральной историографии не представлялась как единая дружная семья. Авторы показали, что внутри нее шла борьба за влияние на императора, за отстаивание своих политических позиций и интересов на примере политических сюжетов: учас-

тие членов фамилии в убийстве Павла I, борьба за власть в ночь переворота между Александром и Марией Федоровной и их конфликты уже после его востшествия на трон. Авторы писали, что это борьба началась в правление Екатерины II, когда государыня конфликтовала с сыном Павлом и хотела видеть внука своим преемником. Это отразилось на характере Павла I, который не доверял Александру I. Постепенно это недоверие перешло ко всем взрослым членам его семьи. Либеральная историографии исследуя тему борьбы первая стала изучать события заговора и переворота 1801 г. Историки хотели понять был ли Александр I фактическим убийцей отца. Большинство авторов пришло к выводу, что великого князя втянули в заговор дворянство и гвардия, которые хотели обеспечить себе безопасность, пообещав наследнику, что они отстранят императора Павла от престола, но сохранят ему жизнь. (А. Корнилов, С. Платонов, М. Любавский, А. Брикнер). Историк В.Н. Сторожев высказался противоположно: наследник был втянут в заговор, но не как пассивный наблюдатель, а как лицо, которое в нем участвовало меняя караул в ночь убийства на преданных себе семеновцев. В исследовании переворота историки поставили вопрос о том, что между Александром I и Марии Федоровной шло постоянное соперничество. Его начало С. Платонов вел с ночи убийства Павла I. Третий сюжет – это уже борьба за влияние на самого Александра I со стороны Марии Федоровны и Екатерины Павловны. Историки обратили внимание, что члены фамилии состояли либо в консервативной, либо в либеральной группе. А.А. Корнилов и С.М. Соловьев считали, что Мария Федоровна и Екатерина Павловна были выразителями консервативного круга, а Елизавета Алексеевна была по своим взглядам приближена к либеральной группе и во многих делах поддерживала супруга. Историки писали, что Мария Федоровна и Екатерина Павловна явно высказывать свои политические позиции, а Елизавета Алексеевна или Константин Павлович время от времени. Борьба консерваторов и либералов имела место при отставке М. Сперанского. А.Корнилов, И. Галактионов, М. Довнар-Запольский, И. Катаев, С.К. Богоявленский считали, что главой интриги которая привела к опале гофсекретаря была причастна Екатерина Павловна. Последний сюжет, который изучали авторы касался престолонаследия. То, что Николай Павлович ничего не знал о тайном манифесте старшего брата считали М.М. Богословский и С. Платонов. Другие авторы были склонны думать что все-таки через намеки Александра I, Николай мог догадаться о готовящемся ему положении (А. Корнилов). Константин Павлович не хотел быть императором (А. Корнилов, С. Платонов, В. Андреев).

Подводя итог особенностям изучения императорской фамилии в либеральной историографии следует отметить ряд моментов. Основным объектом изучения выступали история внутренняя политика Алек-

сандра I и реформаторский курс. Исходя из того, что царь не смог в силу объективных и субъективных причин довести реформы до конца, в литературе образ власти (государя) стал подвергаться критике и перестал быть эталоном для подданных. Новым подходом было изучение царя не только как политика, но и как обычного человека. Историки считали, что государь не мог действовать целиком самостоятельно, а был зависим от окружения, был человек своего времени, не творец, а объект истории, характер которого менялся. Большинство историков негативно относилось к Александру I и при составлении его портрета делали акцент на отрицательных чертах его характера. Политическая и личностная линии исследования в либеральной историографии тесно переплелись. Авторы заполнили массу лакун, таких как его психологический портрет, образование, воспитание царя и его взаимоотношения с окружающими. Авторы ввели в оборот больше личных источников, мемуаров, воспоминаний и писем, русских и иностранцев. Императорская фамилия являясь одной из составных частей образа власти в дореволюционной историографии приобрела в либеральной литературе в целом такой же отрицательный оттенок, как образ не давшего стране конституцию Александра I. В фамилии показаны родственники-одиночки, которые соперничают между собой за более лучшее положение. Либеральная историография затронула проблему государственной деятельности фамилии, личностей этих людей и их взаимоотношений. Были изучены сюжеты, которые до 1870-х историкам исследовать запрещалось: убийство Павла и отставка М. Сперанского. Либеральные авторы показали, что члены фамилии активно действовали в этих обстоятельствах. Повседневная жизнь была изучена только Шумигорским относительно императрицы Марии но только до вступления Павла I на трон. Законодательство историками изучалось лишь частично и в основном только «Учреждение об императорской фамилии». Либеральные историки старалась учесть в изучении царствования Александра I массу новых тенденций и явлений, которые не затрагивали их старшие коллеги историки-консерваторы. На примере нового круга личных источников, которые либеральные авторы ввели в оборот, они увидели, что не только царь Александр I принимал участие в делах, но вокруг него были еще его родственники. Выводы по государственной и общественной деятельности и повседневной жизни членов императорской фамилии, к которым пришли либеральные историки, до настоящего времени используются учеными.

Примечания

¹ Андреев, В.В. Представители власти в России после Петра I / В.В. Андреев. — Минск. 1997. — С. 415; Богословский, М.М. История Рос-

сии в XIX веке / М.М. Богословский. — М., 1915—16. С. 217; Корнилов, А.А. Курс истории России XIX века / А.А. Корнилов. — М., 1993. — С. 48—150; Ключевский, В. О. Из истории российского императорского дома Романовых / В.О. Ключевский. — Астрахань. 1990. С.56; Шумигорский, Е.С. Павел I / Е.С. Шумигорский. — СПб., 1907. — С. 119—127, 186—187; Он же. Императрица Мария Федоровна (1759—1828). Ее биография / Е.С. Шумигорский. — СПб, 1892. — С. 1—8, 105—106, 129—130, 233—234; Он же. Императорское женское патриотическое общество (1812—1912). / Е.С. Шумигорский. — СПб., 1912; — С.1—31; Соловьев, С.М. О царствовании императора Александра I Павловича до 1814 года // С.М. Соловьев. Сочинения. Книга XXI. — М., 1998. — С. 388—399; Он же. Рассказы о жизни императора Александра Благословенного и Отечественной войне 1812 года. — СПб., 1911. — С. 34,71,77; Богословский, М.М. История России в XVIII—XIX вв. (1762—1881) / М.М. Богословский. — М., 1912. С. 141; Богоявленский, С.К. Император Александр I и великая княгиня Екатерина Павловна / С.К. Богоявленский // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. — Т.5. — М., 1913. — С. 171—179; Галактионов, И.А. Император Александр I и его царствование / И.А. Галактионов. — Ч. II. — СПб., 1877; Кизеветтер, А.А. Деятельный век в истории России / А.А. Кизеветтер. — Р. на / Д. 1888. — С. 9—48; Соловьев, С.М. О царствовании императора Александра I Павловича до 1814 года // С.М. Соловьев. Сочинения. Книга XXI. — М., 1998. — С. 388—399; Он же. Император Александр Первый. Политика — дипломатия. — СПб., 1877; Он же. Рассказы о жизни императора Александра Благословенного и Отечественной войне 1812 года. — СПб., 1911. — С. 34,71,77; Кизеветтер, А.А. Предисловие/А.А. Кизеветтер//Мемуары князя А. Чарторыйского и переписка с императором Александром I. — М., 1912. — С. 2—10; Он же. Деятельный век в истории России — Р. на /Д., 1888. — С. 9—21; Довнар—Запольский, М.В. Обзор новейшей истории России / М.В. Довнар—Запольский. — Киев, 1912. — С.1—178; Фирсов, Н. Н. Император Александр I и его душевная драма / Н.Н. Фирсов. — СПб., 1890. — С. 1—53; Фирсов, Н.Н. 1812 г. в социально—психологическом освещении / Н.Н. Фирсов. — М., 1913. — С. 6—79; Милюков, П.Н. Введение в русскую историю / П.Н. Милюков. — М., 1895. — С. 94—101; Богословский, М.М. История России в XIX веке. — М., 1915—1916. — С. 41; Платонов, С.Ф. Полный курс лекций по русской истории / С.Ф. Платонов. — Ростов на Дону. 1999. — С.501—502; Он же. Учебник русской истории / С.Ф. Платонов. — СПб., 1994. — С. 310, 314, 336; Платонов С.Ф. Русская история. М., 1998. С. 364; Брикнер, А.Г. Смерть Павла I / А.Г. Брикнер. — СПб., 1907. — С. 41—149; Сивков, К.В. Император Павел I / К.В. Сивков // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Т. 5. М., 1913. — С. 70—76; Любавский, М.К. Царствование Павла I / М.К.

Любавский // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. — Т.5. — М., 1913. — С. 77–92; Сторожев, В.Н. Александр I и русский правительственный либерализм начала XIX в. / В.Н. Сторожев // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. — Т. 5., — М., 1913; Он же Мария Антоновна Нарышкина // Русская история с древнейших времен. — Т. IV. — М., 1912. — С. 321; Катаев, И. М. Русское общество в эпоху Отечественной войны / И.М. Катаев // Книга для чтения по истории Нового времени. — Т. 3. — М., 1912. — С. 658–659.

Р.Е. Стайцов

*Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

М.П. ПОГОДИН И ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ 1830-1831 гг.

Восстание 1830-1831г. явилось взрывом борьбы за возрождение независимого польского государства. Подавление мятежа русской армией носило характер полномасштабной военной кампании, и все эти долгие месяцы события в Польше были предметом напряженных размышлений и душевных терзаний мыслящей части русского общества.

Когда весть о восстании достигла Москвы, первая реакция известного историка и общественного деятеля Михаила Петровича Погодина (1800-1875) была следующей: «с тоскою думал о Европе, прочтя о Варшаве. Страшно»¹. В это же время Погодину явилась мысль написать о правах России на Литву и послать это сочинение к Бенкендорфу. К апрелю 1831 года статья под заглавием: «*Исторические размышления об отношениях Польши к России*» была готова. Цель статьи, которая была опубликована в «Телескопе», сформулирована в примечании: «ныне, я, как Русский, решился в общем деле подать и свой голос, подкрепленный Историею. И в самом деле — доколе иностранцы будут надоумливать нас, как нам защищать права, добытой нашею кровью?»²

В своем первом сочинении по польскому вопросу, «блистательном образце ранней имперской публицистики»³, Погодин развивал два тезиса. Первый — признание законности приобретений России во время разделов Польши, когда были «возвращены те страны, которые принадлежали искони». Нет ни одной мысли «более распространенной в политическом мире, как мысль о разделе Польши со стороны России — а между тем справедливо ли это? Россия не сделала никаких похищений и завоеваний, а только возвратила себе те страны, которые принадлежали ей искони, по праву первого занятия, наравне с коренными ее владениями, по такому праву, по какому Франция владеет Пари-

жем, а Австрия Веной»⁴. Второй тезис — Россия и Польша соединились между собой «по закону высокой необходимости для собственного и общего блага». Россия может претендовать на Польшу, поскольку «европейские политики забывают, что в XIV столетии на престоле польском последовательно сидели и литовские князья, и шведские принцы, и саксонские курфюрсты. Почему же кажется им странным, что этот престол занят ныне российским императором? Я не знаю, найдется ли во всей польской истории, хотя одно восшествие на престол, благороднее Александра»⁵.

Кроме того, историк достаточно резко, используя исторические аналогии, откликается на выдвигаемый поляками постулат о порабощении Польши со стороны России. По отношению к Польше политика России: «от основания русского государства и до позднейших времен, т.е. от IX и до XVII столетия, посягал ли русский меч хоть на одну каплю польской крови? По отношению к России политика Польши: «иссякали ли хоть на короткое время, в продолжение сих столетий, реки русской крови, пролитой польской, литовской саблей в руках Болеславов, Гедиминов и др. — крови, пролитой из самого сердца русского. Неужели за судорожные мучения России, поляки заплатили нам шестнадцатилетним подданством, когда они были едва ли не счастливее всех своих предков?»⁶

Стоит отметить, что статья Погодина произвела благоприятное впечатление в русском обществе, стала той почвой, на которой стали строиться его отношения с представителями политики и культуры. Общее мнение было выражено Н.И. Любимовым: «читал статью Вашу о Польше. Она чудесна! В ученом отношении, конечно, я не судья, но как русский не могу не чувствовать ее достоинства. Преисполнена она самого чистейшего и священнейшего чувства, которое невольно расшевеливает душу всякого читающего. Видно, что неподкупная рука водила пером. И как она кстати. Государь, как говорят, читал ее с большим вниманием и был как нельзя больше доволен, а за ним, разумеется, и все»⁷.

Вопрос «об отношении А.С. Пушкина, к польскому восстанию 1830-1831 гг. является в пушкиноведении, пожалуй, особенно противоречивым и запутанным»⁸. Для нас позиция Пушкина в нач. 30-х гг. интересна в том плане, что взгляды поэта были весьма схожи с точкой зрения Погодина.

Установлению контактов между Пушкиным и Погодиным способствовала не столько духовная близость, сколько, если так можно выразиться, «производственный интерес». Напомним, историк Погодин не чурался занятий литературой — он известен как автор трагедий и повестей. Пушкин же был автором сочинений на исторические сюжеты. Сколь необходим был Погодин Пушкину в качестве консультанта,

явствует из следующего признания поэта, высказанного историку в мае 1830 г.: «Как рву на себе волосы часто... Что у меня нет классического образования, есть мысли, но не на чем их поставить»⁹.

Польский вопрос стал общей темой в 1831 году. Статья, написанная Погодиным, не могла оставить в стороне Пушкина, который заявил автору после прочтения, что «никто ныне не тревожит души моей кроме Вас»¹⁰. Интересно, что статья Погодина увидела свет в апреле 1831 года, концептуальные историко-публицистические стихотворения Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» были изданы летом того же года. Мотивы, которыми руководствовался Пушкин в своем отношении к польскому восстанию, были во многом схожи с погодинскими, поэт был убежден, что существование суверенной Польши противоречит интересам России. 1 июня 1831 года Пушкин писал П.А. Вяземскому: «Но все-таки их надо задушить, и наша медлительность мучительна. Для нас мятеж Польши — дело семейное, старинная, наследственная распря, мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был образ наших мыслей»¹¹. Если обратиться к «Клеветникам России», то можно увидеть элементы исторического анализа, которые активно использовал Погодин в своем сочинении:

Уже давно между собой

Враждуют эти племена;

Не раз клонилась под грозою

То их, то наша сторона¹².

Исход конфликта с Польшей «мыслится Пушкину альтернативным»¹³.

Славянские ль ручьи сольются в русском море

Оно ль иссякнет? Вот вопрос¹⁴

Вполне вероятно влияние на эти строки оказали достаточно популярными в русском обществе идеи общеславянского единства, выразителем которых все больше становится в начале 1830-х годов М.П. Погодин. Налицо общая для литераторов вера в то, что союз славянских народов под эгидой России может быть выгодным и благотворным для всех, но при этом они словно не замечают, что один из членов «семьи» явно тяготеет родственными объятиями.

События в Польше в 1830-1831 гг. способствовали появлению в творческом арсенале Погодина первого опыта политической публицистики с тщательным историческим анализом, направления, которое принесет ему уважение и известность в дальнейшем. Еще только становясь краеугольным камнем в публицистике историка, польская тематика, тем не менее, задает импульс последующим исканиям Погодина в годы Крымской войны и в период восстания 1863 г., результатом чего становятся еще малоизученные, но доступные каждому исследователю сборники «Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний М.П. Погодина. 1831-1867» и «Статьи политические и польский вопрос».

Примечания

¹ Цит. по: Барсуков, Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина / Н.П. Барсуков. — В 22 кн. — Кн.3. — СПб., 1890. — С.271.

² Там же. — С.272.

³ Бачинин, А.А. Россия и Польша в историко-политической публицистике М.П. Погодина / А.А. Бачинин // Балканские исследования. — Вып.16. Российское общество и зарубежные славяне. — М., 1992. — С.167.

⁴ Погодин, М.П. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний М.П. Погодина. 1831 - 1867 / М.П. Погодин. — М., 1867. — С.2.

⁵ Там же. — С.5.

⁶ Там же. — С.6.

⁷ Цит. по: Барсуков, Н.П. Ук. соч. — Кн.3. — СПб., 1890. — С.272.

⁸ Кушаков, А.В. Пушкин и Польша / А.В. Кушаков. — Тула, 1978. — С.49.

⁹ Цит. по: Цявловский, М. Пушкин по материалам Погодинского архива / М. Цявловский // Пушкин и его современники. — Вып. XI-XIII. — Пг., 1914. — С.11.

¹⁰ Цит. по: Барсуков, Н.П. Ук. соч. — Кн.3. — СПб., 1890. — С. 281.

¹¹ Цит. по: Беляев, М. Польское восстание по письмам Пушкина к Е.М. Хитрово / М.Беляев // Письма Пушкина к Е.М. Хитрово. 1827-1832. — Л., 1927. — С.262.

¹² Пушкин, А.С. Избранное / А.С. Пушкин. — Смоленск: Русич, 1999. — С.298.

¹³ Лотман, Ю.М. Пушкин / Ю.М. Лотман. — СПб., 1990. — С. 152.

¹⁴ Пушкин, А.С. Ук. соч. — С.299.

А.В. Гаршин

Самарский государственный университет

ХРИСТИАНСТВО КАК ОСНОВА ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ П.Я. ЧААДАЕВА

Петр Яковлевич Чаадаев — выдающийся российский мыслитель и философ 30-х — 50-х гг. XIX в. Основное внимание в своей историософии он уделял истории и роли России в мировом историческом процессе, который он сводил к западноевропейской истории. основополагающую роль в исторической концепции Чаадаева, играет христиан-

ство. Наиболее полно отражение роли христианства в исторической концепции Чаадаева получило в его «Философических письмах», созданных в 1829-1831 гг.

Историческая концепция П. Я. Чаадаева имеет глубокие корни в философии и историческом познании в Западной Европе. В своих работах Чаадаев опирался на концепцию провиденциализма, в частности на Августина Блаженного, христианского теолога и церковного деятеля, родоначальника христианской философии истории, который первым ввел в обращение понятие «Град Божий», как цель, к которой должно стремиться человечество¹.

В его концепции следует, в первую очередь, остановиться на вопросе о «водворении царства Божия на земле». «Царство Божие» по мысли Чаадаева - это «совершенный строй на земле», это цель исторического развития, что наиболее четко отмечается в восьмом философическом письме: «Истина едина: царство Божье, небо на земле вся работа сознательных поколений предназначена вызвать это окончательное действие, которое есть предел и цель всего»².

Чаадаев утверждал, что весь христианский мир должен содействовать водворению Царства Божия на земле: «В мире христианском все должно непременно способствовать установлению совершенного строя на земле, да и ведет к этому на самом деле»³.

По мнению Чаадаева для царство Божия необходимо слияние отдельных сознаний в единое, что и формирует это будущее общество. Удивительное, по мнению Чаадаева, действие оказывает христианство на развитие общества в целом, которое определяется развитием духовной сферы – христианского духа.

По мысли Чаадаева, христианская религия, есть всеобщая религия и одним из подтверждений этого является то, что она оказывает свое влияние на всех людей, независимо от их мировоззрения, указывая им правильный путь, направляя их к правильным действиям, и приводя их, таким образом, в ряды верующих.

Чаадаев особенно подчеркивает в этом историческом процессе роль христианского учения, которое наиболее соответствует духу религиозности и поэтому именно оно должно быть воплощено в жизни общества: «[Христианское, – А.Г.] учение, только и может быть самым согласным с подлинным духом религии, потому что этот дух заключается в постепенном установлении социальной системы или церкви, которая должна водворить царство истины среди людей»⁴.

Потому как остальные религиозные и иные учения, по мнению Чаадаева, не хотят водворения Царства Божия на земле, потому что они отклоняются от первоначального религиозного учения: «Всякое иное учение, вследствие одного уже отпадения от учения первоначального, не желает водворения царства божьего на земле»⁵.

Чаадаев часто подчеркивает мысль, что христианство раскрывает свою роль лишь в реальном историческом процессе, поэтому его нельзя понимать не исторически. Об этом он пишет уже в своем первом философическом письме: «Историческая сторона, составляющая столь существенную часть вероучения, что в ней до некоторой степени заключается вся философия христианства, так как именно здесь обнаруживается, что она сделала для людей и что ему предстоит сделать для них в будущем»⁶.

Но Чаадаев делает и обратный вывод – само историческое бытие не может быть понято вне христианства: «Пока в науке господствовал дух христианства, глубокая, хотя и неудачно выраженная мысль проливалась на исторические изыскания долю того священного вдохновения, от которого она сама происходит»⁷.

В наибольшей степени, по Чаадаеву взаимосвязь истории и религии проявляется в истории Церкви как носителя христианского духа: «раскрывается подлинное единство истории, и именно ее религиозное единство. Церковь»⁸.

Таким образом, рассмотрев вопрос о роли христианства, мы можем сделать обоснованный вывод, что христианство лежит в основе исторической концепции П.Я. Чаадаева. По его мнению:

- 1) цель исторического процесса воплощение Царства Божия на земле;
- 2) христианство является единственной подлинной и истинной религией, поскольку оно предполагает воплощение царства Божия на Земле;
- 3) сам исторический процесс развития общества протекает при определяющим воздействием христианского духа;
- 4) развитие духовной сферы общества проявляется, прежде всего, в развитии и совершенствовании нравственности;
- 5) само христианство также должно пониматься исторически, как разворачивающийся в обществе через ряд исторических этапов развития христианства.

Примечания

¹ Столяров, А.А. Августин Блаженный / А.А. Столяров // www.km.ru/ – М., 2006. – С. 3.

² Чаадаев, П.Я. Философические письма. Письмо восьмое / П.Я. Чаадаев // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений. – Т. 1. – М., 1991. – С. 440.

³ Чаадаев, П.Я. Философические письма. Письмо первое / П.Я. Чаадаев // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений. – Т. 1. – М., 1991. – С. 332.

⁴ Там же. – С. 321.

⁵ Там же. — С. 321.

⁶ Чаадаев, П.Я. Философические письма. Письмо первое // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений / Т. 1. — М., 1991. — С. 332.

⁷ Чаадаев, П.Я. Философические письма. Письмо шестое // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений. — Т. 1. — М., 1991. — С. 393.

⁸ Там же. — С. 393.

М.А. Ицкович

Самарский государственный университет

ИДЕЯ И ПРАКТИКА ЛИЧНОГО САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО НИГИЛИЗМА 1860-Х ГОДОВ

Цель моего исследования — проследить механизмы формирования нигилизма как социокультурного явления, выявить характерные черты социальной психологии и коллективного сознания, свойственные ее носителям, и объяснить их происхождение. Анализ источников показал, что одной из определяющих черт нигилистической субкультуры была установка на воспитание «нового человека» согласно определенному, коллективно одобряемому, образцу. В связи с этим представляет интерес рассмотреть, какую роль играла в сознании нигилистов идея личного самосовершенствования и как она воплощалась на практике в их повседневной жизни.

Нигилисты были убеждены, что некоей неизменной «человеческой природы» не существует. Человек по природе не добр и не зол, он таков, каким его делают конкретные обстоятельства его жизни и условия воспитания, то есть «среда», а те его свойства и качества, которые кажутся нам «врожденными», «естественно присущими» человеку, на самом деле «захвачены нами...из той почвы, которая нас выкормила, из понятий того общества, в котором мы развились и жили»¹. Эта была поистине революционная идея. Она означала, что все черты личности, которые нигилисты рассматривали как отрицательные, не являются объективной данностью, а могут быть преодолены путем сознательного воспитания. Причем выработка в себе качеств «нового человека» воспринималась как личностная, сугубо индивидуальная задача, не как насилие над собой, а как «очистка» себя от свойств и качеств, воспитанных «средой».

Идея совершенствования, «переделки себя на иной лад» вытекала из нового представления о возможностях человека. Нигилисты, отвергая религиозную картину мира, отводили человеку место, прежде зани-

маемое богом. Раз человек сам творец своей судьбы и над ним нет никаких высших сил, значит, он способен к саморазвитию, преодолению своих негативных качеств. Сформулированный идеал «мыслящего реалиста» подразумевал обязательный труд, скромность в быту, равенство во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, прямоту и искренность в общении. Для того, чтобы следовать этому идеалу, необходимо ясно осознавать свои подлинные потребности, критически относиться к завещанным по наследству привычкам и навыкам поведения.

Огромная роль, которую нигилисты отводили в деле самосовершенствования разуму и науке, обусловлена особенностями социального положения разночинцев, которые стали катализаторами нигилистического движения. Будучи выходцами из низших и средних сословий, они получили образование, открывшее перед ними новые горизонты, и порвали все связи с родной средой, стали маргиналами. Образование для них было средством продвинуться по социальной лестнице, фактором социальной мобильности. Поэтому разночинная интеллигенция стала относиться к знанию как к абсолютной, всеразрешающей силе².

Умственное самосовершенствование выражалось чаще всего в изучении естественных наук — химии, зоологии, ботаники, медицины. Оно считалось обязанностью вне зависимости от желаний и склонностей отдельного индивида³. Господствовал утилитарный подход к знанию, как к естественнонаучному, так и гуманитарному. Ценилось не «знание вообще», не «чистая наука», а знание как средство содействия социальному прогрессу. Интеллектуальный труд как один из отличительных признаков «мыслящих реалистов» противопоставлялся праздности и сибаритству, характерному для «высших классов», аскетизм и личное самосовершенствование — стремлению к наживе⁴.

Подводя итоги, отметим, что идея личного самосовершенствования возникла у нигилистов как следствие тех перемен в сознании общества, которое принесло начало Великих реформ в России. Человек стал восприниматься как движущая сила истории, и как оборотная сторона преобразования общества была выдвинута задача преобразования самого человека в соответствии с «требованиями времени». Родившись как отражение социального опыта разночинцев, идея самопостроения личности и умственного совершенствования обрела самостоятельную жизнь и превратилась в одну из сущностных черт нигилистической субкультуры, один из знаков разрыва с прошлым и одновременно — принадлежности к сообществу «новых людей». Так формировалось коллективное самосознание, позволявшее радикальной молодежи ощутить чувство своего избранничества и нравственного превосходства перед старой элитой.

Примечания

¹ Писарев, Д.И. Избранные произведения / Д.И. Писарев. – Л.: «Художественная литература», 1968. – С. 282.

² Воровский, В.В. Статьи о русской литературе / В.В. Воровский. – М.: Художественная литература, 1986. С. 234.

³ Водовозова, Е.Н. На заре жизни. В 2 т. Т.2. / Е.Н. Водовозова. – М.: Художественная литература, 1987. – С.80–83.

⁴ Ковалевская, С. В. Воспоминания и письма / С.В. Ковалевская. – М.: Издательство АН СССР, 1961. – С. 94, 210.

Т.В. Казеева

Самарский государственный университет

РОЛЬ НРАВСТВЕННЫХ НАЧАЛ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕЙ ПОСЛЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 Г. В ОЦЕНКАХ А.Ф. КОНИ

Взаимосвязь закона и нравственности, права и морали становится наиболее заметной в период смены обычных традиционных устоев законодательными определениями в Российской империи периода Великих реформ. Несомненно, что право основано на морали и доверие к суду формируется именно в ожидании справедливости в нравственном ее понимании. Во второй половине XIX в., видный судебный и государственный деятель – А.Ф. Кони, анализируя все недостатки пореформенной судебной системы, разрабатывает теоретические основы новой науки, именуемой судебная этика, где уделяет внимание разработке нравственного облика судьи в главных его составляющих¹.

Автор пишет, что “формы судопроизводства теперь повсюду более или менее упрочились. Вместе с тем едва ли скоро человечество придумает форму суда, могущую с прочным успехом заменить суд присяжных, или найдет возможность обходиться без состязательного начала². Поэтому, по всем вероятностям, в будущем предстоит лишь частичное улучшение некоторых процессов уголовного судопроизводства и уточнение техники производства уголовного исследования. Но рядом с этим изощрением техники должно пойти развитие истинного и широкого человеколюбия на суде³... Тогда главное внимание с полным основанием обратиться на изучение нравственных начал уголовного процесса – и центр тяжести учения о судопроизводстве перенесется с хода процесса на этическую и общественно-правовую деятельность судьи во всех ее проявлениях⁴.

Задача суда, говорит А.Ф. Кони, состоит в исследовании преступного деяния и в справедливом приложении к человеку, признанного виновным, карательного закона. Он убедительно доказывает, что в деятельности юриста не менее важны нравственные неписанные начала уголовного процесса⁵.

Судья призван прилагать все силы ума и совести, ума и опыта, чтобы постигнуть житейскую и юридическую правду дела. Облекая эту правду в определенные формы, он должен способствовать, в каждом отдельном случае, восстановлению поколебленного правосудия.

Судья – орган государства. Он смотрит на него как на средство ближе и правильнее исполнить свою задачу охранения закона. Напряжение душевных сил судьи для отыскания истины в деле, есть исполнение поручение государства, которое, уповая на спокойное беспристрастие его тяжелого подчас труда, вверяет ему частичку своей власти. Постановляя приговор, судья может ошибаться; но если он хочет быть действительно судьей, а не представителем произвола в ту или другую сторону, он должен основывать свое решение на том, что в данное время ему представляется логически неизбежным и нравственно обязательным.

К судье следует предъявлять высокие требования не только в смысле знания и умения, но и в смысле характера. Необходимо оградить его от условий, дающих основание к развитию в нем малодушия и вынужденной угодливости. Отсюда несменяемость судьи, дающая честному, строго исполняющему свои обязанности человеку безупречность поведения, возможность беспрепятственно осуществлять свою судебскую деятельность⁶. Положение, при котором судья может совершенно не помышлять о своем завтрашнем дне, а думать лишь о завтрашнем дне подсудимого – есть одно из ручательств правильности приговора⁷.

Не менее важную задачу представляет подведение установленной судьей виновности под определение карательного закона и приложение справедливой меры наказания. Правильному применению и толкованию закона судьей грозят в жизни обыкновенно 2 крайности: или судья выходит из пределов своей деятельности и стремится стать законодателем, заменяя в своем толковании существующий закон желательным, или же он опирается на одну лишь букву закона, забывая про дух и про мотивы, его вызывающие.

К обязанностям важнейшим судьи относится и избрание рода и меры наказания. Законодатель, руководствуясь нравственными и общественными идеалами, потребностями государства и целями общежития, из ряда сходных житейских явлений выводит одно типическое понятие, которое и называется преступлением, облагая его определенным наказанием. Судья это типическое понятие облагает в плоть и кровь. Поэтому ему нужна наблюдательность, умение оценивать под-

робности и способность прислушиваться не только к голосу разума, но и к голосу сердца.

В деятельности судьи должны сливаться правовые и нравственные требования. Правила для внешних деяний, в своем практическом осуществлении, неминуемо отражают в себе и внутренний строй души того, кто их осуществляет, ибо в каждом судебном действии, наряду с вопросом, что следует произвести, возникает вопрос, как это произвести. Чтобы не быть простым орудием внешних правил, действующим с безучастной регулярностью часового механизма, судья должен вносить в творимое им дело свою душу и, наряду с предписаниями положительного закона, руководствоваться безусловными и Анатолий Федорович полагал, что судейский долг не может противоречить нравственному долгу человека. А нравственный долг сливается с руководящим началом христианства, предписывающего возлюбить ближнего как самого себя⁸.

Во время такой печальной переоценке ценностей, когда техническому прогрессу способствует нравственный регресс, судебным деятелям требуется держать вверенное им знамя крепко и непоколебимо, памятуя, что правильно организованный и действующий со спокойным достоинством суд обязан укоренять и поддерживать в обществе представление о правде и справедливости как о реальном, а не отвлеченном понятии⁹.

Таким образом, А.Ф. Кони переносит требования христианской морали в сферу судебного – правовых отношений и призывает судебных деятелей руководствоваться этими принципами в своих профессиональных воззрениях, тем самым пытаясь возвысить нравственный облик судьи, внушить ему доверие простого народа, тем самым и повышая его общий правовой уровень культуры.

Примечания

¹ Ларин, А.М. Анатолий Федорович Кони / А.М. Ларин // Кони, А.Ф. Избранные труды и речи. – Тула, 2000. – С. 20.

² Высоцкий, С. Судья и прокурор / С. Высоцкий. – М., 1994. – С. 349.

³ Амелин, А. Предисловие / А. Амелин // Кони, А.Ф. Избранные произведения. Т.1. – М., 1959. – С.16.

⁴ Кони, А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе / А.Ф. Кони. Избранные труды и речи. – С. 79.

⁵ Волк, С. Анатолий Федорович Кони / С.Волк, М.Выдря, А. Муратов // А.Ф. Кони. Собрание сочинений: в восемь томах. – Т.1. Из записок судебного деятеля. – С. 6.

⁶ Кони, А.Ф. Увеличение жалования судебным чинам / А.Ф. Кони. На жизненном пути. – Т. 2. – М., 1918. – С. 634.

⁷ Кони, А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе /А.Ф. Кони, Избранные труды и речи. – С. 91.

⁸ Смолярчук, В.И. А.Ф. Кони и его окружение/ В.И. Смолярчук. – М., 1990.- С. 371.

⁹ Кони, А.Ф. Новый суд / А.Ф. Кони. Собрание сочинений: в восьми томах. – Т.1. Из записок судебного деятеля. – С. 419.

С.С. Блохина

Тольяттинский государственный университет

СОЦИАЛЬНАЯ ЭЛИТА РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА)

В последние десятилетия приоритетным направлением в работах политологов и других российских обществоведов стало изучение советской и постсоветской политических элит. Волнующим современное российское общество вопросом является формирование слоя «новых русских». В связи с этим актуально изучение социального облика их первой волны, сформировавшейся в ходе пореформенного развития 1860-1890-х гг.

Элитаризм как социально-философская категория имеет длинную историю¹.

В современном виде элитарные теории появились на рубеже XIX-XX вв. Своим происхождением они обязаны итальянским социологам В. Парето и Г. Моске.

Работы советских обществоведов в основном были посвящены не столько самим элитарным теориям, сколько их критике с точки зрения марксизма.

Интерес к социальной структуре отдельных городов дореволюционной России возник уже в первые годы советской власти. Однако исследования подобного рода были исключительным явлением отечественной историографии 1920-х – 1960-х гг.

В 1970-е гг. появилась статья Л. М. Иванова² о социально-классовой структуре городского населения капиталистической России. Заметным явлением в историческом городоведении стала работа этнографов Л.А. Анохиной и М. Н. Шмелевой³. Ш. Р. Зайнетдинов, считая, что в России государство всегда играло особую роль, в первую очередь характеризует социальный слой, занятый в системе управления⁴.

Выдающимся вкладом в российскую урбанистику являются исследования Б. Н. Миронова⁵.

В 1970-е – 1990-е гг. вышел ряд серьезных работ о социальной структуре городского населения, основанных на региональных материалах.

Немало авторов обращалось к изучению истории купечества и предпринимательских кругов в целом⁶.

В 1970-е – 1980-е гг. появились новые исследования о региональной буржуазии (работы И. М. Разгона, И. Г. Мосиной, Э. Г. Кудряшова, Г.Х. Рабиновича).

В 1990-е гг., с началом становления в России предпринимательского класса, интерес к истории российской буржуазии заметно возрос. Однако результаты этого скорее можно назвать количественными, нежели качественными.

Широкое освещение в 1990-е гг., получили восстановление истории наиболее влиятельных в России предпринимательских фамилий. Важными для рассмотрения данной проблемы являются работы А.Н. Боханова⁷. Фундаментальные труды по проблеме о роли дворянства и чиновничества в русском обществе, об их службе и т.д. появились в 1970-е гг.⁸.

В 1990-е – в начале 2000-х гг. особое внимание стало обращать на социальный облик служило-дворянской группы на рубеже веков.

В 1990-е гг. стали появляться тольяттинские работы по данной тематике. Главным образом, это работы местных историков и архивоведов (Овсянников В. А., Лобанова Н. Г.).

В целом историография темы развивалась неравномерно. Вопрос об элите как высшем слое в социальной стратификации городского населения в позднеимперской России на общероссийском материале скорее намечен, чем решен конкретно.

Примечания

¹ См.: Ашин Г.К. Современные теории элит: критический очерк / Г.К. Ашин. – М., 1985.

² См.: Иванов, Л.М. О сословно-классовой структуре городского населения капиталистической России / Л.М. Иванов // Проблемы социально-экономической истории России. – М., 1971. – С. 312-340.

³ См.: Анохина, Л.А. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем / Л.А. Анохина. – М., 1977.

⁴ См.: Зайнетдинов, Ш.Р. Социальная структура российского общества на рубеже XIX-XX вв. (по материалам первой всероссийской переписи Российской империи 1897 г.) / Ш.Р. Зайнетдинов. – Уфа, 1993.

⁵ См.: Миронов, Б.Н. Русский город в 1740 – 1860-е гг.: демографическое, социальное, экономическое развитие / Б.Н. Миронов. – М., 1990.

⁶ См.: Полковников, А.П. Торговля старой России / А.П. Полковников. – М., 1958.

⁷ См.: Боханов, А.Н. Крупная буржуазия России. Конец XIX в. — 1914 г. / А.Н. Боханов. — М., 1992.

⁸ См.: Зайончковский, П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П.А. Зайончковский. — М., 1978.

Н.В. Гильмутдинов

Казанский государственный университет

ПРАВОВАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ В РОССИИ (ПОЗДНЕИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД)

В современной России взят курс на демократизацию и либерализацию государственного устройства, развитие демократических и правовых институтов. В условиях распространения различной юридической практики закономерным является обращение к опыту российских юристов дореволюционной России, которые имели гораздо больше наработок в либерально-демократическом направлении. Это утверждение кажется еще более очевидным, если принимать во внимание большое количество и разнообразие специальной правовой периодики, выходившей в дореволюционной России.

Целью исследования является рассмотрение истории становления и развития специализированной юридической периодической печати на русском языке от истоков и вплоть до 1917 года. Наибольшее внимание уделено двум ведущим изданиям: журналу «Юридический вестник» и газете «Право», как наиболее ярко отражающим специфику юридического направления в периодической печати¹.

Свою историю правовая пресса ведет с конца XVIII века, когда появились первые альманахи-сборники юридической направленности. Однако эти издания еще трудно назвать полноценной прессой. С начала XIX века и вплоть до его середины для юридической периодической литературы наступает характерный для всей российской прессы период «затишья», который нарушается появлением некоторых единичных изданий, однако погоды они не делали.

Основной точкой значительного количественного роста правовой прессы можно считать вторую половину 1850-х — первую половину 1860-х годов, когда общественный интерес и государственная политика породили свободно существующую и развивающуюся профессиональную прессу. Одной из главных причин этого подъема можно считать «Великие реформы» 1860 — 1870х гг.². В случае с юридической прессой большое значение имела судебная реформа 1864 года, реформировавшая всю судебную систему страны и породившая сословие присяжных поверенных (адвокатов).

На протяжении более чем полувекового периода развития правовой прессы (1860-е — 1917) происходил уверенный ее рост, который порой сменялся периодом спада. Однако эти регрессивные моменты не были продолжительными и на смену им приходили периоды нового роста. Это скачкообразное развитие юридической прессы (да и всей российской периодической печати) объясняется, прежде всего, ужесточениями в цензурном законодательстве, а также изменениями экономического и политического характера, которые не могли не отразиться на прессе. К первой мировой войне юридическая периодика подошла на максимуме своего развития. Общее количество специализированных периодических изданий, выходящих на русском языке одновременно на всей территории Российской империи, составляет по нашим подсчетам, более шестидесяти наименований.

Основными инициаторами создания специализированных юридических изданий первоначально выступали государственные органы, такие как Министерство юстиции и Правительствующий Сенат. Однако с течением времени, особенно после осуществления судебной реформы, инициатива организации подобных изданий переходит к различным юридическим организациям. Первенство среди последних держали Юридические общества, организованные при непосредственном участии представителей недавно созданного, сословия «присяжных поверенных». Лидировали Московское и Петербургское Юридические общества. В редакторском и издательском деле доминирующее положение так же занимали представители адвокатского сословия. Об высоком профессионализме говорит даже простое перечисление имен: И.В. Гессен, С.А. Муромцев, В.Д. Спасович, А.Ч. Пассовер, К.К. Арсеньев и многие другие. Такое активное участие адвокатов в издательской деятельности объясняется тем, что они были доминирующей группой во всей судебной системе дореволюционной России. Кроме того, присяжные поверенные остро нуждались в подобного рода специализированных изданиях.

Так же активное участие в издательском деле принимали представители университетского сообщества. Среди университетов были не только столичные (Московский, Петербургский), но и провинциальные Казанский, Дерптский, Харьковский, Одесский и многие другие. Большим количеством юридических обществ при высших учебных заведениях и Советах присяжных поверенных объясняется широкая география распространения по стране специализированной юридической прессы³.

В работе более подробно рассмотрены два ведущих издания юридического направления: журнал «Юридический вестник» (1867 — 1888) и газета «Право» (1898 — 1917). В ходе их изучения был выявлен ряд тенденций в их развитии. Одна из них заключается в том, что в начале XX века, специализированная юридическая пресса становится все бо-

лее политизированной. Так, например, газета «Право» фактически стала неофициальным рупором партии конституционных-демократов. Аналогичные процессы протекали и в других изданиях. Юридическая пресса все больше приобретала ярко выраженный общественно-политический характер⁴. Это явление связано с общим оживлением политической жизни в стране, особенно после Манифеста 17 октября 1905 года.

Примечания

¹ Право. – СПб, 1898–1917; Юридический вестник. – СПб., 1867–1888.

² Лисовский, Н.М. Библиография русской периодической печати. 1703 – 1900 гг. / Н.М. Лисовский – Т. 1–2. – Пг.: [Б.и.], 1915.

³ Библиография периодических изданий России. 1901 – 1906 гг. / Под общей редакцией В.М. Бараженкова, О.Д. Голубевой, Н.А. Морачевского. – Т. 1–3. – Л.: Наука, 1958.

⁴ Ессин, С.А. История русской журналистики / С.А. Ессин. – М.: Астрель, 2001.

К.В. Купченко

*Санкт-Петербургский Институт внешнеэкономических связей,
экономики и права, филиал в г. Смоленске.*

ОБЩЕСТВЕННО–ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ ПО ПРОБЛЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГОРОДАХ В КОНЦЕ XIX– НАЧАЛЕ XXвв.

*Работа выполнена при поддержке администрации РГНФ.
Проект регионального конкурса «Центральная Россия:
прошлое, настоящее, будущее», грант № 08-01-58101 а/Ц*

Местное самоуправление для России является неизбежным историческим фактором развития. Большую значимость имеют труды отечественных политических и общественных деятелей России конца XIX–начала XX вв. – период, когда местное самоуправление в городах России получило широкое развитие.

Большинство исследователей второй половины XIX в. не разграничивают понятия «местное самоуправление» и «местное управление»¹. В научной литературе России в рассматриваемый период широко обсуждались теории местного самоуправления, разработанные в Западно-европейских странах и практический опыт его осуществления.

Шрейдер Г. И. провел сравнение местного самоуправления России и Англии и отметил, что зарубежный опыт местного самоуправления полезен, но использовать иностранную практику как образец для прямого подражания — значит предъявлять невозможные и невыполнимые требования к Российским муниципалитетам².

Исследователи конца XIX— начала XX вв. — А. Д. Градовский, А.А. Кизеветтер, И. И. Дитятин — пришли к выводу о том, что местное самоуправление возможно при любой форме правления, но степень его реализации будет различной в условиях сильного централизованного правления или при экономической и административной децентрализации.

В их работах получили развитие проблемы соотношения государства и общества, централизма и децентрализации, сочетания в системе управления принципов представительства и профессионализма.

По общему признанию учёных, идее и практике местного самоуправления в России приходилось довольно тяжело пробиваться в силу давления консервативного характера самодержавной государственной системы³.

В своих трудах учёные выделили два аспекта общественно—политической жизни России: значение местного самоуправления в жизни российского общества и роль местных органов в государстве в целом. При этом они подчёркивали, что деятельность по управлению — сложный, многоцелевой политический процесс, в котором на первый план выступают демократические ценности и профессиональная компетенция, отодвигая на второй план формальные положения о подотчётности управления⁴.

В центре внимания общественной мысли находилась проблема соотношения государственной власти и местного управления. Ее сущность заключалась в правительственной теории местного самоуправления: административная децентрализация при сохранении политической централизации⁵.

По мнению Градовского А. Д. единство общегосударственных и местных интересов будет гарантировано только тогда, когда деятельность власти в провинции будет направляться совокупностью местных условий⁶.

В начале XX вв. проблема местного самоуправления приобрела политический характер. В исследованиях этого периода дано определение местного самоуправления как государственного управления, созданное местным населением на основе представительства для решения местных дел⁷.

Многие публикации затрагивали проблему единства государственного управления и местного самоуправления⁸.

В проектах отстаивалась идея сохранения в местном самоуправлении самостоятельности. Отмечалось, что в практике местного самоуправления необходимо использовать лучшие достижения опыта евро-

пейской парламентской демократии с учётом российских традиций и условий⁹.

Таким образом, в пореформенный период, общественно-политическая мысль России выработала основы положения местного самоуправления: децентрализация и независимость в деятельности органов местного самоуправления. Данные принципы актуальны и в настоящее время.

Примечания

¹ Щепкин, М.П. Опыт изучения общественного хозяйства и управления городов / М.П. Щепкин. – М., 1882. – С. 37.

² Немчинов, В.И. Городское самоуправление / В.И. Немчинов. – М., 1912. – С. 1-2.

³ Дитятин, И.И. Из истории местного управления / И.И. Дитятин // Статьи по истории русского права. – СПб., 1895. – С. 388.

⁴ Кизеветтер, А.А. Местное самоуправление в России IX-XIX вв. Исторический очерк / А.А. Кизеветтер. – М., 1910. – С. 138-139.

⁵ Градовский, А.Д. Государство и провинция / А.Д. Градовский // Русский вестник. – Т. 74. – № 3-4. – М., 1868. – С. 45, 48, 180.

⁶ Градовский, А.Д. История местного управления в России / А.Д. Градовский. – СПб., 1868. – С. XIV.

⁷ Курчинский М. «Муниципальный социализм» и развитие городской жизни / М. Курчинский. – СПб, 1907. – С. 10-11.

⁸ Курчинский М., «Муниципальный социализм» и развитие городской жизни М. Курчинский. – СПб, 1907. – С. 8, 13.

⁹ Губарев Д.Н. Проект гражданского управления в России / Д.Н. Губарев. – СПб, 1886.

А.М. Вишнякова

Самарский Государственный Университет

АГРАРНАЯ РЕФОРМА П.А. СТОЛЫПИНА В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В отечественной истории последнего столетия, пожалуй, нет государственного деятеля, который бы при жизни и после, на протяжении всего XX века, воспринимался так полярно, как Петр Аркадьевич Столыпин. Столыпин оказался у руля власти в смутное для России время и попытался вывести страну из состояния кризиса теми методами, которые казались ему на тот момент наиболее разумными и логичными.

Тема столыпинских реформ волновала не только советских и российских историков, она привлекла внимание зарубежных специалистов. Деятельность П.А. Столыпина рассматривали английские, французские, итальянские, американские, японские историки. Как правило, основное внимание историки акцентируют на реализации Столыпиным реформ начала XX века.

Большинство зарубежных исследователей не создали отдельных трудов по истории реформаторской деятельности Столыпина, зато включили этот, безусловно, важнейший для России период, в свои общие труды по истории XX века.

В исследованиях зарубежных историков старшего поколения преобладают апологетические взгляды на столыпинскую реформу. Считалось, что реформа создавала все условия для модернизации русской деревни, но первая мировая война прервала этот процесс. Эти же исследователи отмечают, что реформа П.А. Столыпина являлась продолжением курса Александра II. Таким образом, преобразования начала XX века должны были сгладить дисбаланс между сельским хозяйством и промышленностью, и будь у России больше времени на завершение реформ, мы уже тогда смогли бы увидеть фермерское устройство русской деревни.

Однако тогда же стали появляться критические замечания в стороны реформаторского курса П.А. Столыпина.

Таким образом, историки разделились на два направления, первое из которых поддерживало аграрную реформу и видело в ней будущее России и второе, приверженцы которого говорили о крахе курса Столыпина. Условно взгляды западных историков на аграрные преобразования премьер-министра можно разделить на «оптимистичные» и «пессимистичные».

К исследователям, которые рассматривают реформу П.А. Столыпина с «оптимистических» позиций относится Георг Вернадский. Вернадский пишет историю России с образования государства до 60-х гг. XX века¹. В контексте экономического развития России на рубеже XIX–XX вв. в самом общем виде автор касается и столыпинской реформы. Он отмечает, что сельское хозяйство являлось в этот период фундаментом экономики России. Обрабатываемая земля занимала огромную площадь, но урожай, который удавалось получить с гектара в России был меньше, чем в других странах. Таким образом, развитие сельского хозяйства происходило экстенсивным путем. После 1861 г. сельское хозяйство России подверглось большим изменениям, однако сами земельные отношения по существу остались на старом уровне – крестьянам не удалось получить землю в собственность. Даже в условиях перехода страны на капиталистические рельсы, сельское хозяйство продолжало развиваться путем расширения площади обрабатываемых земель. В этих условиях стала очевидной необходимость проведения ре-

форм². В результате столыпинской аграрной реформы самостоятельными домохозяевами стали 5 тысяч крестьян-общинников. Россия впервые в своей истории стала двигаться в сторону индивидуальных сельскохозяйственных владений. Автор положительно оценивает личность Столыпина, отмечая, что это был «патриот и человек идей».

С тех же позиций смотрит на аграрную реформу А. Гершенкрон. Он называет реформу Столыпина «гениальной, смелой и решительной».

На эту же «сторону медали» обращает внимание западный историк Х.-Д.Леве. По его мнению, у царизма были «политические достижения», причем «столыпинские реформы являлись величайшим проектом «социальной инженерии», в результате осуществления которого верхи общества удалось держать в согласии. Особенно очевидным это обстоятельство проявлялось во внешней и военной политике России. Историк уверен, что в эволюционировавшей русской политической системе возврат к положению, существовавшему до 1905 г., был невозможен. И реформа Столыпина являлась логичным продолжением революционных политических изменений.

Японский историк К. Мацузато в ряде статей раскрывает содержание и уровни понятия реформы. В заслугу Столыпину и его курсу он ставит не только хуторизацию, проведение землеустройства и комплекса мероприятий, принятых правительственными, земскими и кооперативными учреждениями, но и повышение общей агрономии сельского хозяйства³.

В результате столыпинской аграрной реформы многие ожидали усиления самобытного и самостоятельного крестьянства; такой сдвиг социальных сил в стране должен был со временем стать средством *постоянной демократизации* режима. Западные историки приходят к выводу, что процесс социально-политических преобразований после 1905г. приобрел необратимый характер. Это были либеральные преобразования, совершаемые сверху на основе сохранения русской национальной исторической традиции (монархии, православия).

Параллельно с историками, отстаивающими точку зрения на реформу, как начало модернизации сельского хозяйства в России, появляется ряд работ, которые критически оценивают преобразования П.А. Столыпина.

Меньшинство западных историков («пессимисты») считает, что центру не удалось преодолеть сопротивление реформе со стороны части губернаторов и их аппарата. Обращается внимание на сравнительно небольшие размеры крестьянских хозяйств, предполагавшиеся реформой, что, по мнению этой группы историков, ставило преграду модернизации. Таким образом, напрашивается вывод: «полусамодержавная» политическая система сама ставила непреодолимые препятствия своей же реформаторской деятельности. По мнению этих исследователей, Столыпин с самого начала пошел по неправильному пути реформирования страны.

Одним из первых историков, рассмотревших ошибки аграрной реформы начала XX века, стал Дж. Ейни.

В своей работе «Толчок к мобилизации. Аграрная реформа в России» Дж. Ейни пишет: «Нигде в мире не наблюдалось такого практического опыта, который бы показал, что соединенные в одно целое поля принесли с собой агрикультурный прогресс, и некоторые современные исследователи крестьянской агрикультуры фактически отрицают подобную причинно-следственную связь... С 40-х гг. XX века в Западной Европе прилагались мощные усилия к объединению владений, но система открытых полей до сих пор широко распространена среди некоторых наиболее продуктивных хозяйств»⁴. Из этой формулировки можно сделать вывод, что Ейни считает реформу Столыпина несколько надуманной и неподкрепленной практическими знаниями. Единственным полезным делом столыпинских реформаторов, по его мнению, было «групповое землеустройство» (размежевание соседних деревень, выдел выселков и т.д.).

Английский историк Теодор Шанин считает, что деятельность Столыпина могла привести к важнейшим социальным преобразованиям в деревне, которые оказали бы влияние на облик всей страны. В самом названии своей монографии Шанин дает оценку роли революционных событий в истории России XX века. «Революция 1905–1907 гг. стала для России моментом истины. Новая Россия началась тогда, когда некоторые монархисты поняли, что спасти их самодержавие может только революционное преобразование общества»⁵. В этих стратегиях уже высказывавшиеся и заимствованные идеи и совершенно новые взгляды переплетались с прагматическими схемами и тактическими компромиссами. Результатом очень часто было нечто противоречивое и постоянно меняющееся. Но всех этих людей объединил, позволил им выделиться и обеспечил политическое влияние их аналитический талант, то есть способность отбросить господствующие представления прошлого и пуститься в плавание по неизведанным водам, пытаясь отреагировать на ту неожиданную Россию, которая вдруг открылась в годы революции.

По мнению Шанина, Столыпина можно назвать революционером мысли и действия. Столыпинская программа была «революцией сверху», которую не поддержал ни один крупный общественный класс, ни одна партия или общественная организация. Поэтому кажется невероятным, как мог Столыпин, располагая столь ничтожной поддержкой, замахиваться на столь коренные социальные преобразования. Он опирался лишь на горстку людей, которые решили осуществлять эти преобразования на практике. Они были готовы принять этот вызов вследствие своего высокого положения в исключительно могущественной бюрократии, а также высокомерия российских сановников, которые считали

себя полномочными представителями 400-летней истории непрерывно растущей России и самодержавной монархии. Тем не менее, для того, чтобы осуществить те социальные преобразования, которые они замыслил, им нужны были «кадры» — эффективный «генштаб» специалистов с теоретическим воображением и достаточно большая армия исполнителей, обладающих чиновничьей аккуратностью, но рвением и энтузиазмом. Ни ядро российских политических активистов, ни консервативное дворянство, ни те крестьяне, которые могли бы выиграть от этих реформ, — ни одна из этих групп не оказала Столыпину такой поддержки.

Саратовский этап деятельности Столыпина нашел свое отражение в монографии Томаса Фелоуза «Политики и общество в провинциальной России. Саратов, 1590-1917»⁶. Автор с марксистских позиций исследует частный аспект столыпинской реформы — ее ход и влияние на Саратовскую провинцию. Фелоуз анализирует отношение царского правительства к крестьянской общине, считая, что основная идея государственной политики в этом вопросе состояла в ее укреплении. Главную цель сохранения общины автор видит в стремлении государства держать крестьян под контролем. Он признает, в то же время, что община оставалась пережитком прошлого и тормозила развитие экономики страны, результатом чего были периодические неурожаи и, наконец, серийные восстания⁷. Именно выступления крестьян, по мнению Фелоуза, привели к изменению политики царизма в отношении общины. Он считает, что реформа Столыпина проводилась по прусскому пути. Фелоуз соглашается с точкой зрения Ленина на реформу, утверждая вслед за ним, что Столыпин адаптировал старую систему землевладения к новым условиям развития капитализма, не затронув права крупных землевладельцев⁸. Выделившиеся крестьяне по замыслу Столыпина должны были стать опорой самодержавия. Основной контингент крестьян, поддержавших реформу — это зажиточные домохозяева. Причем круг сторонников реформ в крестьянской среде был крайне узок. Томас Фелоуз исследует круг оппозиционеров в различных уездах Саратовской провинции. Автор делает вывод, что реформа Столыпина потерпела крах.

Итак, зарубежные исследователи, вслед за российскими историками, делают вывод о незавершенности реформ, хотя признают их благоприятное воздействие на экономику России и их исключительную роль в истории XX века.

Примечания

¹ Vernadsky, G. A history of Russia., Connecticut, 1969.

² Там же. — Р. 243.

³ Кабытов, П.С. Государственная деятельность П.А. Столыпина в новейшей зарубежной историографии / П.С. Кабытов // Клио и победа. К 60-летию победоносного окончания Великой Отечественной войны 1941-1945гг. – Самара, 2005. – С. 6.

⁴ Цит. по: Зырянов, П.Н. П.А. Столыпин / П.Н. Зырянов. – М., 1991. – С. 66.

⁵ Шанин, Т. Революция как момент истины 1905-1907! 1917-1922 гг. / Т. Шанин. – М., 1997. – С. 11.

⁶ Fallows, T. Politics and society in Provincial Russia / T. Fallows. Saratov, 1590-1917.

⁷ Там же. – Р. 233-234.

⁸ Там же. – Р. 235.

В.С. Миняшев

Самарский государственный университет

АГРАРНЫЕ ЗАКОНОПРОЕКТЫ ДЕПУТАТСКИХ ФРАКЦИЙ II ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

В начале XX века одной из самых актуальных проблем в общественно-политической жизни России был аграрный вопрос. Депутаты II Государственной думы несмотря на относительно короткий период ее существования не могли обойти вопрос о земле в своей законодворческой деятельности. Между тем, законодательные инициативы думских фракций по аграрному вопросу мало изучены.

Уже в конце февраля в начале марта 1907 г., т. е. с момента открытия Думы их избиратели начали волноваться: посылать ходоков и буквально засыпать письмами своих избранников, требуя немедленной постановки земельного вопроса на ближайшую очередь¹.

Первой 6 марта свой законопроект внесла фракция Трудовой группы и Крестьянского союза². Данный законопроект назывался «Проект основных положений земельной реформы». Согласно этим основным положениям все государственные, церковные, удельные и кабинетные земли должны были составить общенародный земельный фонд. Туда же должны были войти и все помещичьи и прочие частновладельческие земли, размер которых превышал устанавливаемую для данной местности трудовую норму. Вознаграждение прежних собственников за отчуждаемые земли должно было производиться за счет государства. Однако предполагалось, что в некоторых случаях земля будет отчуждаться безвозмездно. Решение о размере вознаграждения и о том, в каких случаях производить отчуждение безвозмездно предполагалось оставить на потом, предварительно произведя обсуждения данного воп-

роса населением на местах. Управление земельным фондом должно было перейти в руки избранных всеобщим тайным и равным голосованием органов местного самоуправления. Все сделки с землей: купля-продажа, дарение, залог и прочие запрещались. В случае нехватки земли для наделения всех граждан, желающих заниматься сельским хозяйством, в той или иной местности, такие граждане получали право на переселение за счет государства в ту местность, где существовал избыток земли³.

Уже 19 марта свой законопроект по данному вопросу представила социал-демократическая фракция. Меры, прописанные в нем, предлагалось реализовать лишь после полного изменения государственного строя — после превращения России в демократическую республику. Основное отличие законопроекта социал-демократов от законопроекта трудовиков том, что конфискация частновладельческих земель предполагалась без всякого выкупа. Конфисковывались те же земли, что и в законопроекте трудовиков. Наделение землей крестьян осуществлялось в том же порядке, что и в законопроекте фракции Трудовой группы и Крестьянского союза. Однако ничего не было сказано о переселении крестьян в другую местность за счет государства в случае нехватки земли. Подчеркивалось лишь то, что с отменой сословий, каждый сможет селиться, где хочет и принимать участие в деятельности органов местного самоуправления⁴.

3 мая 1907 года в Думу поступил законопроект, составленный фракцией эсеров, однако за его внесение подписались также ряд депутатов других фракций. Это был первый более или менее проработанный законопроект по земельному вопросу, который увидела II Дума. По сути своей он представлял из себя развитие проекта трудовиков. Но согласно этому законопроекту земля сверх трудовой нормы отчуждалась без всякого выкупа. Всего в нем допускалось три формы пользования землей: 1) проведение на общественно-необходимых и общественно-полезных работ государством и органами местного самоуправления; 2) Отдача земли в пользование для создания частно-трудовых хозяйств семьям или группам; 3) Отдача земли лицам для сооружения на ней строений: либо для поселения, либо для сдачи в наем и занятия торгово-промышленной деятельностью без наемных рабочих. Проведение оросительных, осушительных и водоотводных работ, насаждение лесозагороджений объявлялось обязанностью государства. Наделение землей было бесплатным. Обложению налогом могли подвергаться лишь излишки земли сверх трудовой нормы. Немедленно приостанавливалась купля-продажа и дарение земли. Приостанавливалась деятельность всех нормативных актов, по которым проводилась Столыпинская реформа. Закрывались Дворянский и Крестьянский банки. В законе были достаточно подробно прописаны переходные положения. Земли, воды и

недра, имеющие общегосударственное значение передавались в распоряжение центральных органов государственной власти⁵.

Значительно отличался от законопроектов социалистических партий аграрный законопроект фракции кадетов, внесенный в Государственную думу 30 апреля 1907 года. Согласно ему для каждого уезда устанавливался нормальный размер земельного обеспечения и максимальный размер земельного владения. Земли, превышающие максимальный размер и все земли сдаваемые в аренду подлежали частичному отчуждению до максимальной нормы. Не подлежали отчуждению земли, на которых расположены предприятия, в том числе и сельскохозяйственные, а также земли отчуждение которых «явно не выгодно для страны или самого населения». Всем владельцам отчуждаемых земель выплачивалась компенсация за счет государства. Землей наделялись безземельные и малоземельные граждане до размера трудовой нормы. При этом за отведенные земли с крестьян должна была взиматься плата⁶.

Таким образом, видно, что законопроекты социалистических фракций мало чем отличались друг от друга и в большей части не противоречили друг другу. Все они предусматривали полную конфискацию земли и передачу ее в распоряжение органов местного самоуправления, которые и должны были наделить крестьян землей. Особняком стоял кадетский законопроект в котором была попытка примирить двух непримиримых противников: крестьян и помещиков. Главное же отличие позиции большинства Думы от позиции Столыпина в том, что абсолютное большинство депутатов считали необходимым отчуждение хотя бы части помещичьих земель в пользу крестьянства⁷. Поэтому все проекты II Государственной думы при сохранении существующей системы власти были обречены на то, чтобы так и остаться проектами.

Примечания

¹ Милюков, П. Вторая Дума. Публицистическая хроника 1907 / П. Милюков. — СПб., 1908. — С. 97.

² Козбаненко, В. А. Партийные фракции I и II Государственных Дум России 1906 – 1907 гг./В. А. Козбаненко. — М., 1996. — С. 222.

³ Проект основных положений земельной реформы // Законотворчество думских фракций 1906-1917 гг. Документы и материалы. — М., 2006 — С. 660-662.

⁴ Проект основных положений аграрной реформы // Законотворчество думских фракций 1906-1917 гг. Документы и материалы. — М., 2006 — С. 667-668.

⁵ Проект основных положений земельного закона // Законотворчество думских фракций 1906-1917 гг. Документы и материалы. — М., 2006 — С. 673-680.

⁶ Проект главных оснований закона о земельном обеспечении земледельческого населения // Законотворчество думских фракций 1906-1917 гг. Документы и материалы. — М., 2006 — С. 518-525.

⁷ Черменский, Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции Изд. 2-е./Е. Д. Черменский. — М.; 1970. — С. 399.

В.В. Суворов

*Саратовский Государственный
технический университет*

ЧЕРТЫ ЕВРАЗИЙСТВА ВО ВЗГЛЯДАХ НА ВОСТОК В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Вопрос о месте России в мире остается актуальным до сих пор. Одним из направлений поисков национальной идентичности стало обращение к Востоку. Само понятие «Восток» объединяет огромное количество явлений, не будучи до конца чем-то определенным, в том числе и в плане географии. Особенности геополитического положения России оказывали большое влияние на самоидентификацию.

Идея культурно-исторического отождествления России с Востоком получила начала развиваться со второй половины XIX и достигла своего вполне логичного завершения в 20 гг. XX в. во взглядах евразийцев.

В XIX веке определились два направления — западники и «незападники», к которым кроме славянофилов, говоривших о своеобразии исторического пути России, относились и мыслители, чьи взгляды были обращены к Востоку. В XIX в. несмотря на господство европоцентристского подхода появляется интерес к различным достижениям восточных культур. Кроме востоковедов на восток обращают внимание крупные мыслители и общественные деятели.

Так, Леонтьев подчеркивает родственную связь русского народа с туранским, угро-финским и другими народами: «В самом характере русского народа есть очень сильные и важные черты, которые гораздо больше напоминают турок, татар и других азиат... чем южных и западных славян»¹. Уже в работах Леонтьева проявлялась «евразийская» линия, которая имеет сходство с идеями Н. С. Трубецкого, изложенными в труде «Европа и человечество». Евразийские «элементы», по мнению многих современных авторов, присутствуют в сочинениях Ф. М. Достоевского. В последнем выпуске «Дневника писателя»² он писал, что русские не только европейцы, но и азиаты. России остановленной и униженной в Европе, было бы выгодно на какое-то время сосредоточиться на своей «культурной миссии» на Востоке.

В то же время они так и оставались на позициях европоцентризма. В этом отношении особенно важны две стороны воззрений на Азию: явная самоидентификация с Западом и западный характер и структура самих взглядов этих людей. До конца XIX века не было интеллигентов, готовых последовательно идентифицировать себя с Востоком или свою страну с Азией.

На рубеже XIX и XX вв. на самоидентификацию повлияли поиски ответа на вопрос о законности и оправданности с моральной точки зрения российского вмешательства в дела азиатских стран и расширения своей сферы влияния. Так одним из факторов поисков национальной идентичности стало обоснование российской внешней политики на Дальнем Востоке.

Показательны размышления В. С. Соловьева и кн. Э. Э. Ухтомского по поводу позиции России в Азиатском мире и «пробуждения» Востока. Уже с начала девяностых годов Соловьев начал предчувствовать «врага с Востока» и говорил о надвигающейся опасности небуддизма. В сочинении «Китай и Европа» (1890) он предсказывал неизбежность столкновения «двух культурных миров — Европы и Китая». Соловьев неоднократно высказывался против общности России Азии. В целом, В. Соловьев противопоставлял Россию и дальневосточные страны³. Э. Э. Ухтомский отстаивал другую точку зрения: «Для меня нет и не было панмонголизма, «Азии для азиатов», Японии, действительно способной направить пробуждающийся Восток против Европы»⁴.

Полемика между Соловьевым и Ухтомским грозила вспыхнуть с новой силой в 1900 г., когда произошло восстание боксеров в Китае. Кн. Ухтомский в самый разгар китайского восстания издал брошюру «К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку». В ней, он обрисовывает задачи России на Востоке «в родной и близкой нам по духу Азии»⁵. Ухтомский подчеркивал, что Азия «в полном объеме есть та же Россия, но только достаивающаяся еще меньшего внимания со стороны русских образованных людей и деятелей вообще чем многие внутренние области и довольно глухие окраины нашего неоглядного отечества»⁶. Кн. Ухтомский видел важную роль России для Востока как носительницы христианского идеала среди азиатских народов, не под лозунгом европеизации, а под своим, особым девизом, миссией культурного просвещения в духе своих собственных принципов⁷. В своей концепции кн. Ухтомский противопоставляет Европе не только Азию, но и Россию, но в то же время не отрицает общности России и европы⁸.

Взгляды кн. Ухтомского имеют некоторое сходство с ключевыми идеями евразийцев. Как и еразийцы он говорит о взаимосвязанности славянской и туранской культуры и даже определенном их единстве⁹. Также кн. Ухтомский писал о важности влияния Востока на русскую историю, о чем позднее много говорили евразийцы¹⁰.

Таким образом, к началу XX века, в российском обществе начали формироваться новые представления о национальной идентичности России и ее месте в мире. Восток внушал не только страх своим «пробуждением», но и давал ответы на поиски самоопределения России. Для части российского общества стало свойственно объединять имперские задачи России и ее культурное единство с дальневосточными странами. В это время оформляются многие идеи, которые явились основой евразийского учения.

Примечания

¹ Леонтьев, К. Н. Византия и славянство / К.Н. Леонтьев // Леонтьев, К.Н. Сочинения. – М., 1912. – Т. V. – С. 386.

² Достоевский, Ф.М. Дневник писателя / Ф.М. Достоевский // Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч в 30-ти томах. – Л., 1984. – Т. 27.

³ Соловьев, В. Рецензия // Вестник Европы. – 1894. – №9.

⁴ Ухтомский, Э.Э. Перед грозным будущим. К русско-японскому столкновению / Э.Э. Ухтомский. – СПб., 1904. – С. 7.

⁵ Ухтомский, Э.Э. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку / Э.Э. Ухтомский. – СПб., 1900. – С. V.

⁶ Там же. – С. 43.

⁷ Рязановский, Н.В. Азия глазами русских / Н.В. Рязановский // В раздумьях о России. – М., 1996. – С. 403-404.

⁸ Ухтомский, Э. К событиям в Китае... – С. 77.

⁹ Там же. – С. 23.

¹⁰ Трубецкой, Н.С. О туранском элементе и русской культуре / Н.С. Трубецкой // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – М., 1993. – С. 75-76.

А.А. Воеводина

Самарский государственный университет

ХРИСТИАНСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Первая мировая война стала одним из значимых рубежей в развитии интеллектуальной истории России. С одной стороны, наблюдалось объединение различных общественных движений на почве всеобщего патриотического подъема, с другой – произошло размежевание ряда идеологических течений вследствие переосмысления идейных установок с учетом новых реалий. Перед христианами либералами тоже

стояла непростая задача — привести в соответствие собственные гражданские позиции и либеральные идеи единства, гармонии мира.

Большинство религиозных мыслителей присоединились к общему хору ура-патриотических выступлений, охвативших литературные круги как России, так и Европы. Христианские либералы З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковский оказались в числе немногих деятелей европейской культуры, которые твердо заявили об оппозиции войне. «Оба мы давно всякой войне сказали принципиально: «Нет»; «Нам с Д. С-чем, с нашим острым ощущением войны-несчастья, все вокруг кажется сумасшедшим домом»¹, — говорится в воспоминаниях Гиппиус. Она решительно выступила против тех, кто, по ее словам, начал петь «патриотические оды» во славу будущей победы России — Философова, Сологуба, Куприна, Карташева, Флоренского, Булгакова и других.

«Помолчать бы, — отмечала З.Н. Гиппиус в дневнике, — но половина физиологически заразилась бессмысленным воинственным патриотизмом, как будто мы «тоже» Европа, как будто мы смеем (по совести) быть патриотами просто»².

С самого начала для З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского на первый план выступило восприятие войны как катастрофы, трагедии. «Сегодняшнему часу я говорю, со dna моей человеческой души и человеческого разума — «нет». Или могу молчать. Даже лучше, вернее — молчать», — отмечала З.Н. Гиппиус³. Она не считала искусством «литературу дня», написанную во время войны. «Нельзя выдумывать «под жизнь» в те дни, когда сама жизнь говорит, кричит оглушающе громко»⁴.

Эта позиция также послужила причиной осуждения защитников войны со стороны З.Н. Гиппиус: «Как противна наша присяжная литература. Завопила, как зарезанная, о войне с первого момента... Не хватило их на молчание. И наказаны печатью бездарности»⁵.

Но главное расхождение между «религиозными осудителями войны»⁶, как назвала З.Н. Гиппиус себя и Д.С. Мережковского, и теми, кто войну оправдывал, заключалось в понимании проблемы взаимосвязи национального и общечеловеческого, или религиозного, начал. Эта проблема была одной из центральных в идеологии христианского либерализма, а во время войны приобрела особое значение.

Многие мыслители пытались доказать, что война имела религиозный характер. Виновником мировой трагедии объявлялся «германский дух» — «гордая, материальная, внешняя идея»⁷, противостоять которой мог лишь «дух истинного христианства»⁸. Н.А. Бердяев писал о «религии германизма», притязания которой являются «великим препятствием на путях соединения Востока и Запада, т.е. решения основной задачи всемирной истории». По мнению философа, «гордыне германской

воли» должна быть противопоставлена религиозная воля русского народа⁹. Кроме того, некоторое распространение получила идея связи духовного и материального начал германизма. В нашумевшей статье «От Канта к Круппу» В.Ф. Эрн доказывал тезис о закономерном и фатальном схождении внутренней и внешней транскрипции германского духа. С точки зрения автора, «бурное восстание германизма было предрешиено *Аналитикой* Канта», а «орудия Круппа полны глубочайшей философичности»¹⁰.

Такого рода рассуждения позволили Д.С. Мережковскому говорить о «торжестве славянофильского национализма, окончательно выродившегося в «зоологический патриотизм»¹¹. Сам он считал принцип истинной, всечеловеческой культуры, противопоставляемый германскому милитаризму, «отвлеченным и бездейственным» в условиях времени. Эта мысль исходила из тезиса о «попирании самой идеи культуры всечеловеческой». Д.С. Мережковский отмечал, что «связь Канта с Крупом сомнительна. Но если какая бы то ни была культура может привести к тому, к чему привела Германию, то сама культура — палка о двух концах. В настоящей войне она не с варварством, а с иной культурой борется: кажущаяся истинной — с кажущейся ложной»¹².

В годы войны получила развитие тема морального оправдания насилия. Дело в том, что христианские либералы не принимали теорию Л.Н. Толстого о «непротивлении злу силой». Им гораздо более близка была позиция их идейного предшественника В.С. Соловьева с его оправданием войны как способа утверждения христианского единства мира. По словам Д.С. Мережковского, «он принимал войну вообще. И эту войну принял бы. Сказал бы, как мы говорим: ужасная, проклятая война, а все-таки надо воевать до конца. Но он имел бы право сказать и то, что многие сейчас говорят без всякого права: надо воевать до конца, потому что конец этой войны — конец всех войн»¹³.

З.Н. Гиппиус тоже готова была принять мировую трагедию как «огонь искупления и очищения» на пути к христианскому Всечеловечеству. По ее убеждению, постигшая мир катастрофа могла бы способствовать установлению Царства Божьего на земле: «война может повести к разрушению прежних окаменелых форм жизни, чтобы на свежеразрушенной новой земле взошли новые, свежие цветы»¹⁴. После событий февраля 1917 года чаяния свободы только усилились и христианские либералы фактически встали на позиции защитников войны. 9 марта 1917 года З.Н. Гиппиус записала в дневнике: «я ЗА войну. То есть: за ее наискорейший и достойный КОНЕЦ... Война должна теперь стать действительно войной за свободу... Ей не будет настоящего конца, если мы сейчас отвернемся от нее»¹⁵.

Примечания

¹ Гиппиус, З.Н. Дмитрий Мережковский / З.Н. Гиппиус // Мережковский, Д.С., Гиппиус, З.Н. 14 декабря: Роман. Дмитрий Мережковский: Воспоминания. – М., 1991. – С. 452.

² Гиппиус, З.Н. Современная запись Дневник / З.Н. Гиппиус // Мережковский, Д.С. «Большая Россия». – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1991. – С. 210.

³ Гиппиус, З.Н. Синяя книга / З.Н. Гиппиус // Гиппиус, З.Н. Дневники. В 2 кн. Кн. 1. – М.: Интелвак, 1999. – С. 133-134.

⁴ Гиппиус, З.Н. Война, литература, театр / З.Н. Гиппиус // Чего ждет Россия от войны: Сб. статей. – Пг. : Прометей, 1915. – С. 97-98.

⁵ Гиппиус, З.Н. Современная запись. – С. 212.

⁶ Там же. – С. 214.

⁷ Эрн, В.Ф. Меч и крест / В.Ф. Эрн // Русские философы о войне / Сост. И.С. Даниленко. – М. : Жуковский ; Кучково поле, 2005. – С. 441.

⁸ Франк, С.Л. О духовной сущности Германии / С.Л. Франк // Русские философы о войне. – С. 439-440.

⁹ Бердяев, Н.А. Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. – М., 1990. – С. 174.

¹⁰ Эрн, В.Ф. От Канта к Круппу / В.Ф. Эрн // Русские философы о войне - С. 457.

¹¹ Мережковский, Д.С. О религиозной лжи национализма / Д.С. Мережковский // Мережковский, Д.С. Было и будет. Дневник. 1910-1914; Невоенный дневник. 1914-1916. – М. : Аграф, 2001. – С. 388.

¹² Там же. – С. 379.

¹³ Мережковский, Д.С. В.С. Соловьев / Д.С. Мережковский // Мережковский, Д.С. Было и будет. – С. 398.

¹⁴ Гиппиус, З.Н. Война, литература, театр. – С. 101.

¹⁵ Гиппиус, З.Н. Синяя книга. – С. 135.

ИЗУЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ИСТОРИКАМИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

За рубежом тема политической полиции Российской Империи привлекала многих исследователей. Одним из первых к ней обратился в 1930-х годах французский исследователь Морис Ля Порте, рассмотрев генезис охранных отделений с момента образования Департамента полиции Российской империи до Февральской революции 1917 года.¹ Его исследование базировалось на вышедших за границу мемуарах русских эмигрантов. Однако он не смог избежать довольно распространенной ошибки отождествления многих функций жандармерии и охранных отделений.

После Второй мировой войны центр исследования перебазировался в Англию и США. Ярким представителем школы советологов был Е.К. Брамстед, излагавший историю политической полиции России с точки зрения зарождавшейся тогда концепции тоталитаризма.² Исследования, проведенные после 1958 года (в этом году произошло рассекречивания части документов фонда Департамента полиции Центрального государственного архива Октябрьской революции, ныне ГАРФа), базировались уже на архивных источниках и исследованиях, проведенных в СССР, а не только на воспоминаниях и словах очевидцев тех событий. Однако тенденция описывать российскую политическую полицию в качестве органа тотального контроля государства за обществом осталась. Наибольшее внимание исследователи уделяли методам борьбы Департамента полиции с революционным движением в России, особенно выделяя партию эсеров. Здесь необходимо отметить исследования Рональда Хингли, Отто Кирчхеймера, Нурита Шлейфмана, Эдварда Смита.³ Развитие российских демократических институтов при трех последних Романовых и эволюцию органов государственной власти рассмотрел американский специалист Джекоб Волкин, отметив при этом и особую роль политической полиции в борьбе против возникающих «левых» партий.⁴

После распада Советского Союза данной темой заинтересовались и специалисты из Восточной Европы. Особенной вехой здесь является исследование российских охранных отделений, проведенное польскими историками Дариушом Древняком и Элзбиетой Качунской, котрым, правда, также не удалось избежать резких политических оценок в адрес национальной и репрессивной политики Российской империи.⁵

В исследованиях последнего десятилетия XX века особый интерес представляют работы Ф. С. Цукермана.⁶ Именно ему удалось преодолеть господствовавшую до него тенденцию представления органов политического сыска России в качестве инструмента тотального надзора государства за жизнью людей и подавления инакомыслия. В работах Цукермана Департамент полиции России предстает как бюрократический орган государственной власти, координирующий действия всех полицейских учреждений империи. При написании своих работ автор активно использовал архивные источники, причем помещенные не только в ГАРФе, но и в местных архивах. В одной из статей им на примере Саратовской губернии, входившей в тот момент в состав Поволжского Районного охранного отделения с центром в Самаре, была рассмотрена проблема особенностей развития январских событий 1905 года в провинции и роль политической полиции в подавлении восстания.⁷

В последние годы интерес к истории российских спецслужб среди западных исследователей приобрел не столько политический, сколько научный окрас. На фоне последних исследований выделяется работа финского историка Яин Лауклэн «Царская секретная полиция в Санкт-Петербурге, 1906 – 1914». В ней автором на глубокой научной основе не только была описана борьба столичной полиции с революционным движением, но и проанализирована царская политика в области государственной безопасности и охраны общественного порядка во всей Российской империи.⁸

Проведенный историографический обзор свидетельствует о том, что изучение деятельности органов политического сыска Российской империи являлось объектом специальных исследований зарубежных специалистов. В западной историографии возник совершенно особый взгляд на историю российских спецслужб, который, вне всякого сомнения, должен учитываться и современными российскими исследователями.

Примечания

¹ La Porte, M. Histoire de l'Okhrana la Police secrete des tsars, 1880 – 1917/ M. La Porte. – Paris: Payot, 1935. – 430 с.

² Bramstedt, E. K. Dictatorship and Political Police: The Technique of Control by Fear / E. K. Bramstedt. – New York: Oxford University Press, 1945. – 187 с.

³ Hingley, R. The Russian Secret Police: Muscovite, Imperial Russian and Soviet Political Security Operations / R. Hingley. – New York: Simon and Schuster, 1970. – 490 с; Kirchheimer, O. Political Justice: The Use of Legal Procedure for Political Ends / O. Kirchheimer. – Princeton: Princeton

University Press, 1961. – 314 с; Schleifman, N. Undercover Agents in the Russian Revolutionary Movement: The SR Party 1902 – 1914 / N. Schleifman. – Basingstoke: Macmillan, 1988. – 190 с; Smith, E. E. The Okhrana, The Russian Department of Police: A Bibliography / E. E. Smith. – Stanford: Hoover Institution Press, 1967 – 256 с.

⁴ Walkin, J. The Rise of Democracy in Pre-Revolutionary Russia: Political and Social Institutions Under the Last Three Tsars / J. Walkin. – New York: Frederick A. Praeger, 1962. – 245 с.

⁵ Drewniak, D. Ochrana: Carska policja polit. / E. Kaczyńska, D. Drewniak. – Warszawa : Gryf: Bellona, 1993. – 149 с.

⁶ Zuckerman, F. S. The Tsarist Secret Police in Russian Society, 1880 – 1917. / F. S. Zuckerman. – London: Macmillan Press, 1996. – 345 с.

⁷ Zuckerman, F. S. Political Police and Revolution: The Impact of the 1905 Revolution on the Tsarist Secret Police / F. S. Zuckerman // Journal of contemporary History. – 1992. – № 2. – С. 15 – 17

⁸ Lauchlan, Iain. Russian hide-and-seek The tsarist secret police in St. Petersburg, 1906-1914 / I. Lauchlan – Helsinki: SKS, 2002. – 405 с.

Е.А. Рязанцева

Саратовский государственный университет

САРАТОВСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ: ОТ ИЮЛЬСКИХ СОБЫТИЙ К КОРНИЛОВСКОМУ МЯТЕЖУ

На современном этапе развития исторической науки сохраняется интерес к изучению различных аспектов революционных событий 1917 года. В настоящем докладе хотелось бы обратиться к вопросу о положении и взаимоотношениях саратовских социалистов в июле - сентябре 1917 года в вопросе о власти. Именно события этого периода стали переломными для представителей партий меньшевиков и эсеров с одной, и большевиков с другой стороны, игравших значительную роль в политической жизни революционного Саратова.

«Июльские события тревожным эхом разнеслись по всей стране, не миновали они и Саратов... Многие депутаты, эсеры и меньшевики, требовали немедленного изгнания большевиков из Саратовского Совета».¹

Все это привело к новому витку споров об отношении к правительству. Представители всех фракций обсуждали вопрос о возможности формирования социалистического правительства. Большевики заявили, что вывести страну из тяжелого положения может только сильная революционная власть в лице советов.² Меньшевики и эсеры, напротив, отстаивали целесообразность сохранения коалиционного кабине-

та. В результате голосования была принята их резолюция 253 голосами против 118.³

После получения информации о возможном участии большевиков в германском шпионаже, их положение в Саратове крайне осложнилось. Одновременно с ожесточенными спорами в Совете, собирались несанкционированные митинги, где нередко звучали призывы к немедленной расправе над большевиками. Лидерам саратовских эсеров и меньшевиков, Черткову, Налётову, Скворцову и Глебову, пришлось даже призывать собравшихся к недопущению физического насилия над большевиками.⁴

Большевики в своих воспоминаниях признавали, что их политические противники достаточно здраво отнеслись к обвинениям, брошенным в адрес большевистской партии.⁵ Саратовские умеренные социалисты, несмотря на идейные разногласия и политическое противостояние, оказали моральную поддержку своим оппонентам, хотя и выступали против их лозунгов.

В конце июля положение большевиков оставалось серьезным. Основная масса населения была настроена враждебно по отношению к местным представителям партии.⁶ Не менее сложно складывалась и для саратовских меньшевиков. На областной меньшевистской конференции в конце июля были сделаны выводы о падении авторитета среди населения.⁷

Возникновение корниловского мятежа не могло не сказаться на взаимоотношениях социалистических партий на местах. 28 августа на заседании городской думы вспыхнули фракционные дебаты, в ходе которых большевики требовали прекратить всякое сотрудничество с контрреволюционным буржуазным кабинетом и организовать власть из представителей революционной демократии.⁸ Но когда снизился основной накал страстей, вызванный столичными событиями, началось временное сближение меньшевиков и большевиков, подтолкнувшее многих депутатов к мысли о возможности сплочения социалистических сил для совместных действий против контрреволюции. В состав Саратовского Комитета Спасения революции были избраны меньшевики Майзель и Телегин с оставлением мест для большевиков, которые, правда, в итоге отказались от участия в работе органа.⁹ Доказательством восстановления и укрепления позиций большевиков стал и тот факт, что на пленуме Исполкома 31 августа большинство голосов впервые собрал большевистский проект резолюции о борьбе с корниловщиной. Согласно основным его положениям, главной задачей демократии являлась борьба с контрреволюционными силами, организация в центре и на местах органов власти, пользовавшихся доверием масс и т.д.¹⁰

События корниловского мятежа оказали серьезное влияние на расстановку сил в саратовском Совете. Это отразилось на результатах сен-

тябрьских выборов в Саратовский Совет III созыва, депутатами которого стали 302 большевика и только 76 меньшевиков и 103 эсера.¹¹

На первых порах эта ситуация, по крайней мере, внешне, не привела к резкому обострению взаимоотношений двух партий. Но по прошествии многих лет меньшевик Гольц, анализируя межпартийные взаимоотношения того периода, сожалел о недальновидности меньшевистской партии, не сумевшей рассмотреть в большевиках «троянского коня» в рядах социалистов.¹²

Таким образом, события июля 1917 года и корниловский мятеж, произошедший в конце августа, стали поворотными во взаимоотношениях саратовских меньшевиков и эсеров, с большевиками, и привели к кардинальным изменениям в их положении на местной политической арене. В то время, как популярность умеренных социалистов в сентябре резко снижалась, лозунги большевиков стали находить все больший отклик среди населения.

Примечания

¹ Гольц, И. По дорогам и ухабам жизни (последний меньшевик) / И. Гольц. — Иерусалим, 2003. — С.60.

² См.: Там же. — С.120-122.

³ См.: Известия Саратовского Совета. — 1917. — №58. — 11 июля.

⁴ См.: Гольц И. Указ. соч. — С.61.

⁵ Лебедев, П. Февраль-Октябрь в Саратове / П. Лебедев // Пролетарская революция. — 1922. — №10. — С. 248.

⁶ См.: Шестой Съезд РСДРП(б). Август 1917 года. Протоколы. — М., 1958. — С.370.

⁷ См.: Пролетарий Поволжья. — 1917. — №43. — 5 июля.

⁸ См.: Саратовский Совет... — С.191; Очерки истории Саратовского Поволжья. — Т.3. — Ч.1. — Саратов, 2006. — С.42.

⁹ См.: 1917 год в Саратовской губернии... — С.136-137.

¹⁰ См.: За власть советов. Сборник воспоминаний старых большевиков. — Саратов, 1968. — С.84.

¹¹ См.: Гольц И. Указ. соч. — С.63.

**САМАРСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТРИБУНАЛ:
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФОНДА ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ**

В период Гражданской войны в различных районах России возникают органы борьбы за установление новых общественных отношений, устанавливавшие новые правовые нормы в стране, судебные органы. Уже в конце 1917 — начале 1918 гг. начинают складываться революционные трибуналы как чрезвычайные органы политической борьбы большевиков. В 1918 — 1920 гг. шел процесс поисков совершенствования, приспособления революционных трибуналов к чрезвычайной обстановке иностранной военной интервенции и гражданской войны. Революционные трибуналы учреждались для рассмотрения дел политической направленности, а также административных преступлений, военных и гражданских правонарушений. Согласно ст. 2 «Основного положения», ведению Революционных трибуналов подлежали дела: о контрреволюционных деяниях, дела о крупной спекуляции товарами и предметами, взятыми в учет; дела по крупным должностным преступлениям лиц, обвиняемых в хищениях, подлогах, неправильной выдаче нарядов, в участии в спекуляции в той или иной форме, равно как и об иных более выдающихся должностных преступлениях, в том числе и взяточничестве. Также дела о явной дискредитации власти советскими работниками, дела о дезертирах, признанных злостными, и укрывателях дезертиров.

Самарский губернский революционный трибунал как судебно-исполнительный орган возник в начале 1919 г. на основе революционного трибунала. Он занимался делами о контрреволюционной деятельности, саботаже, шпионаже, взяточничестве, погромах, и др. Свою деятельность Самарский Губревтрибунал прекратил в 1922 г.

Особая ценность исследования фонда Р — 116 «Самарский губернский революционный трибунал» заключается в том, что данный фонд был относительно недавно рассекречен и источниковедческий анализ его проводится впервые. Проведенный анализ строения и содержания фонда, хранящегося в Самарском Государственном архиве Самарской области, как исторического источника по истории Гражданской войны в Самарской области позволил сделать ряд обобщений и выводов.

Самарский губернский революционный трибунал представлял собой важный орган борьбы Советской власти, занимавшийся установлением правосудия на территории Самарской области в период 1918 — 1922 гг. Он рассматривал дела политической направленности, а также

административные преступления, военные и гражданские правонарушения. Данный фонд поступил на хранение в 1926 г. и имеет четыре описи. Документы, содержащиеся в них, в основном относятся к периоду 1918 – 1920 гг., присутствует также некоторое количество дел за 1921- 1922 гг. Деятельность Самарского губернского революционного трибунала представлена следующими видами документов: первая группа - циркуляры Верховного Трибунала, приговоры, приказы; вторая - протоколы заседаний самарского губернского отдела юстиции, распорядительного заседания Самарского Губревтрибунала; списки сотрудников Губревтрибунала, служащих народных судов, списки красноармейцев Губревтрибунала, списки арестованных; третья переписка с уездными комиссариатами; четвертая – арестантские дела. По характеру дел выделяются две основные группы: документы, связанные с политическими вопросами и документы уголовного характера.

В основном, Самарский губернский революционный трибунал рассматривал политические преступления, совершенные против Советской власти. Также в его ведомость входили дела уголовного характера (саботаж, преступления по должности, кражи, незаконные действия и др.). В большинстве случаев трибунал самостоятельно выносил приговор, либо направлял дела в Губвоенком. По маловажным делам был учрежден Народный суд, передававший в некоторых случаях дела в Губревтрибунал. Циркуляры, приказы всем Губревтрибуналам, в том числе и Самарскому, исходили из Верховного Трибунала ВЦИК. В вынесении приговоров трибунал был практически ничем не ограничен.

Документы фонда Самарского губернского революционного трибунала в данное время фактически не введены в научный оборот. Их изучение, а в дальнейшем использование в конкретно-исторических и источниковедческих исследованиях позволит конкретизировать картину сложных процессов Гражданской, войны, становления новых органов власти и управления, позволит также показать конкретные механизмы деятельности органов судебно-исполнительной власти. Такое исследование поможет сформировать новую оценку Советской власти, первых лет ее становления в период Гражданской войны во всей стране и конкретно в Самарской области.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Л.Д. ТРОЦКОГО И ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ Г.В. ПЛЕХАНОВА: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ

Представляется, что идейное наследие Г.В. Плеханова явилось одним из главнейших истоков исторической концепции Льва Троцкого. Вместе с этим их мнения по ряду вопросов существенно разнились, что, в конечном итоге, обусловило их политическое размежевание.

Плеханов и Троцкий полагали, что развитие общества немислимо без культурного, экономического и иного заимствования, но степень этого заимствования оценивали по-разному. Троцкистский “закон комбинированного развития”, в соответствии с которым социум, заимствуя готовые институты у более развитого общества, может миновать ту или иную фазу развития, являлся обоснованием теории перманентной революции, допускающей строительство социализма в полуфеодальной России при условии помощи западноевропейского пролетариата[1]. Плеханов подобные идеи отрицал: “Европейская рабочая революция очень сильно повлияет на те страны, в которых хоть некоторые слои граждан будут походить на европейский рабочий класс по своему политическому воспитанию и по привычкам мысли. Наоборот, ее влияние сравнительно слабо там, где таких слоев не окажется”[2].

Представления Троцкого о роли личности в истории во многом восходили к идеям Плеханова. Последний утверждал, что новые общественные отношения возникают не сразу и не сами собой, но являются делом людей, делом личной инициативы, а “гениальный общественный деятель раньше и лучше других предвидит те перемены, которые должны совершаться в общественных отношениях”[3]. Рассказывая о событиях апреля 1917 года, Троцкий подчеркивал огромную, но все же не исключительную роль в них Ленина. “Ленин не был демиургом революционного процесса, он лишь включился в цепь объективных исторических сил”[4]. Плеханов, говоря о межклассовых отношениях, отмечал, “во-первых, взаимную борьбу там, где дело касается внутреннего общественного устройства, и, во-вторых, сотрудничество там, где заходит речь о защите страны от внешних нападений”[5]. Троцкий, комментируя данный отрывок, отстаивал идею недопустимости никакого классового сотрудничества[6].

Как для Троцкого, так и для Плеханова был характерен интерес к психологии отдельных деятелей и масс. Плеханов полагал, что поздний Толстой обратился к религии в силу особенностей своего воспитания и того, что не сумел обрести смысл жизни участием в освободительном

движении[7]. Буквально эти же причины (воспитание и неразвитость общественных отношений) называет Троцкий в качестве причин обращения к религии позднего Гоголя[8]. Как видим, для трактовок Троцкого и Плеханова был характерен социально-классовый детерминизм.

Крайне западническое, порой переходящее в нигилистическое отношение Троцкого к России и русской культуре, возможно, было навеяно работами Г.В. Плеханова. Русская интеллигенция, не связанная ни с каким классом и потому не имеющая объективной основы, была, по мнению Троцкого, “приемышем в царстве мировой мысли: жила на всем готовом, но ничего своего не внесла”[9]. Сходно оценивал русскую интеллигенцию и Плеханов: “Так как по неразвитости наших общественных отношений представителем реакции на закрепощение личности не мог явиться какой-нибудь общественный класс (или сословие), то она приняла “групповой”, т.е. “внеклассовый и внесословный характер”[10]. Фундаментальный плехановский труд “История Русской общественной мысли” проникнут идеей вторичности и примитивности учений отечественных мыслителей, эпигонов западных авторитетов[11].

Анализ современных ему общественных отношений и неудачный опыт “хождения в народ” подорвал веру Плеханова в революционный потенциал русского крестьянства и наличие у него самостоятельной политической линии. Возможно, именно здесь лежит исток одного из краеугольных камней теории перманентной революции: отказ от равноправного сотрудничества пролетариата и крестьянства, Троцкий обвиняет крестьянство в политической беспомощности и постоянной поддержке наиболее реакционных партий[12]. Троцкистское понимание русского абсолютизма, как структуры надклассовой[13], не разделялось стоящим на ортодоксальных марксистских позициях Плехановым. Последний всегда указывал на глубокую зависимость политики самодержавия от воли господствующих классов.

В качестве заключения, можно заметить, что Лев Троцкий, будучи выдающимся политиком, порой выказывал слабость теоретической подготовки. Это заставляло его заимствовать, порой упрощая, идеи признанных авторитетов, в том числе и Г.В. Плеханова.

Примечания

1. Троцкий, Л.Д. К истории русской революции / Л.Д. Троцкий. – М., 1990. – С. 311.
2. Плеханов, Г.В. Наши разногласия / Г.В. Плеханов. – М., 1939. – С. 258.
3. Плеханов, Г.В. Литературные взгляды Белинского / Г.В. Плеханов // Сочинения. – Т.19. – М.-Л., 1926. – С. 166.

4. Троцкий, Л.Д. К истории русской революции / Л.Д. Троцкий. – М., 1990. – С. 345.
5. Плеханов, Г.В. История русской общественной мысли / Г.В. Плеханов // Сочинения. – Т.20. – М.-Л., 1926. – С. 234.
6. Троцкий, Л.Д. Политические силуэты / Л.Д. Троцкий // Сочинения. – Т.5. – М.-Л., 1925. – С. 257.
7. Плеханов, Г.В. Отсюда и досюда / Г.В. Плеханов // Сочинения. – Т. 18. – М.-Л., 1924. – С. 30.
8. Троцкий, Л.Д. Культура старого мира / Л.Д. Троцкий // Сочинения. Т.3. – М.-Л., 1925. – С. 213.
9. Троцкий, Л.Д. Литература и революция / Л.Д. Троцкий. – М., 1990. – С. 258.
10. Плеханов, Г.В. Идеология мещанина нашего времени / Г.В. Плеханов // Сочинения. – Т. 18. – М.-Л., 1924. – С. 456.
11. Плеханов Г.В. История русской общественной мысли / Г.В. Плеханов // Сочинения. – Т.т. 20-23. – М.-Л., 1926.
12. Троцкий, Л.Д. Терроризм и коммунизм / Л.Д. Троцкий // Сочинения. – Т.6. – М.-Л., 1925. – С. 14.
13. Троцкий, Л.Д. К истории русской революции / Л.Д. Троцкий. – М., 1990. – С. 310.

Л.В. Костарева

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова*

СЪЕЗД 1926 ГОДА В ПАРИЖЕ КАК КУЛЬМИНАЦИЯ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫХ ПОПЫТОК «ПРАВОГО» КРЫЛА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Революционные эпохи характеризуются не только тем, что они калят жизни миллионов людей, они заставляют мучительно переосмысливать традиционные ценности. Революции практически всегда предлагают взамен уничтоженных «абсолютных ценностей» новые идеологические, политические концепции. В советской России долгие годы внушали, что эмигранты – это «политические отщепенцы», «предатели Родины».¹ Подобные стереотипы живучи и по сей день. Однако русская пореволюционная эмиграция сложное и многоплановое явление. Одной из тем, которая получила одностороннее освещение в отечественной науке, является политическая история эмиграции, в частности проблема объединительных попыток ее «правого» крыла. Автор данной работы считает необходимым рассмотреть деятельность Зарубежного Съезда 1926 г., прежде всего, как попытку создания общей идейно-

теоретической платформы, попытку поиска компромисса в разрозненных рядах эмиграции, вдохновителями которой и непосредственными участниками стали правомонархические силы. Съезд важен именно как некий исторический экзамен самой Зарубежной России. Способна ли она была к патриотическому, действенному и дисциплинированному объединению внутри себя для той цели, которую воспевали русские в изгнании, а именно, — воссоединение с Родиной, возрождение Великой России? Какую идейно-политическую программу могла предложить, выработать? Какие цели ставили перед собой политически активные русские эмигранты, собирая Съезд, и к каким итогам он пришел? Комплексная оценка деятельности Зарубежного Съезда 1926 года, анализ программно-теоретических концепций пореволюционного монархизма важны, так как осмысление политического опыта прошлого может быть применено к сегодняшнему дню, тем более, что идея монархизма в настоящее время высвечивается новыми красками и приобретает своих сторонников. Политическое и историческое наследие русской эмиграции расширяет и углубляет наши представления о России в целом.

Проведя анализ идеологических ориентиров «правого» крыла Зарубежья, хочется не столько объяснять что-то, сколько задавать вопросы: могла ли эмиграция составить альтернативу большевистской власти? Почему эти самые национально мыслящие русские не смогли, не сумели объединиться? Проблемы, постановка которых начинается с вопросительного слова «почему», представляют собой наиболее сложный аспект исторического исследования. Любое однозначное объяснение окажется ошибочным. В ситуации раскола объединительные действия приводили к активизации центробежных процессов. Ввиду социальной неоднородности в правоэмигрантских рядах не было организационного единства. Антибольшевистский фронт всегда был слаб своей разрозненностью, а еще больше, — отсутствием общих идеалов. Не голос отрицания и взаимные претензии, а положительные, конструктивные, понятные идеи могли обеспечить необходимое единство. Однако эта наиважнейшая задача так и осталась нерешенной. Усложнял ситуацию династический раскол. У представителей Русского Зарубежья было разное видение модели государственного устройства, системы организации власти и управления, стратегии социально-экономического развития. Утопичность проектов определялась оторванностью от самого российского общества, недооценкой Советской власти. Неудавшаяся попытка объединения в 1926 году, однако, не означала понижения политической активности в среде национально-мыслящих сил. Эмиграция, в качестве кузницы идей, дала немало. Политические организации, партии, движения возникали и уходили, но не оставались бесплодными: они обогатили русскую политическую мысль. В условиях

эмиграции представителями «правого» крыла были сформулированы довольно ясные черты общего политического кредо. Коротко их суть сводится к трем основным положениям: смысл эмиграции состоит в борьбе за Россию и ее будущее; Эмиграция не смеет отвернуться от России, а всеми помыслами должна обращаться к своей Родине; Россия должна освободиться и восстать в новом величии на основах некоей программы, общей не только для эмиграции, но для всей России.² Рассматривая программно-теоретические установки правых, нельзя говорить о полной несостоятельности их проектов. Отдельные элементы идеологии (в частности, сильное государственное начало, национальное единство и др.) могут и должны быть применимы в современной России. Как мы видим, правые в эмиграции никогда не были реставраторами в чистом виде. Наиболее слабым звеном их политической деятельности было упущенное время и возможности.

Примечания

¹ Шевченко, Л. А. «Лицо России» в социально-культурной деятельности первой эмиграции / Л. А. Шевченко. — Тамбов, 2003. — С. 127.

² Поремский, В. Д. Стратегия антибольшевистской эмиграции / В. Д. Поремский. — М, 1998. — С. 162 — 163.

А.А. Галямичева

*Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского*

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОБЩЕСТВО «КРУГ» (ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ)

Одним из наиболее ярких проявлений духовной работы русских эмигрантов первой половины XX столетия была деятельность многочисленных литературных, философских и художественных объединений.

В творческой жизни эмиграции 1930-х годов важное место принадлежало религиозно-философскому обществу «Круг», собиравшему за круглым столом писателей, поэтов, критиков и философов русского Парижа. Как отмечал один из его организаторов — известный русский писатель-эмигрант В.С. Яновский, «Круг» соединил в себе впервые «силы уже подросткового нового поколения с начинающими стареть бонзами эмиграции»¹.

Возник «Круг» в 1935 году и просуществовал недолго. Расцвет его деятельности пришёлся на 1935 — 1936 годы. Постоянными членами

общества были писатели и поэты Г.В. Адамович, В.С. Яновский, Б.Ю. Поплавский, Ю. Фельзен, Г. Иванов, литературные критики К.В. Мочульский, Ю.К. Терапиано, В.В. Вейдле, философы и религиозные мыслители И.И. Фондаминский, Г.П. Федотов, Н.А. Бердяев, Е.Ю. Скобцова, известная также как мать Мария и другие.

Основополагающим источником наших сведений о деятельности этого творческого объединения является составленный Г.П. Федотовым отчёт о его заседаниях в период со 2 декабря 1935-го по 3 мая 1936-го года, который был опубликован в журнале «Новый Град»².

Основной формой общения в «Круге» была беседа. Приглашением к ней неизменно становился доклад одного из участников на философские, мировоззренческие, исторические или литературные темы³, после чего следовало обсуждение. Василий Яновский вспоминал: «После доклада и короткого перерыва начинались прения, в которых мы все отводили душу. Должно отметить, что та степень свободы, которая досталась нам в Париже тех лет, редко выпадала на долю какого-нибудь другого поколения русских людей: здесь объяснение многих удач того периода эмиграции»⁴.

Часто полемика в «Круге» приводила к тому, что автор доклада соглашался со своими критиками, а порой коренным образом менял свою точку зрения. Это происходило отчасти потому, что сами темы докладов ставились авторами нарочно метафизически и заранее предполагали множество различных трактовок проблемы. Так, 16 декабря вступлением к беседе в «Круге» послужили мысли Г.В. Адамовича об одиночестве и смерти, изложенные им в статье «Уединённая прогулка». Участники беседы затронули при обсуждении основные проблемы экзистенциальной философии, вкладывая в понятие «одиночество» как отрицательный смысл противопоставления человека миру, так и путь самосовершенствования «в самом возвышенном и целительном смысле этого слова»⁵.

На заседании 3 февраля 1936 года вступительное слово принадлежало Н.А. Бердяеву. Он говорил о сложности искусства излагать мысли, о так называемой проблеме «изречённости», взяв за отправную точку известное стихотворение Ф.И. Тютчева. Вывод Бердяева состоял в том, что «само стихотворение Тютчева есть ложь, если мысль его дошла до читателя в форме слова». Коллеги оспорили мнение докладчика, указав на то, что Ф.И. Тютчев восставал не против самого оформления мысли в слове, а против несовершенного её оформления, говорили о свойственном только художнику страдании от неполного воплощения образа, но не отрицал самой возможности выражения мысли⁶.

Таким образом, искания участников кружка касались места человека в сложном мире, проблемы творческой личности, сориентирован-

ной на созидание и диалог с окружающими, стремления быть услышанным обществом, а также умения понимать и чувствовать самому.

Общество издало альманах под тем же названием — «Круг», существованием которого обходится молчаливым в литературе об эмиграции. Последнее, по-видимому, объясняется единичностью сохранившихся экземпляров «Круга»⁷. Помещённые на титульных листах его первых двух книг выходные данные не содержат указания на год издания, ограничиваясь указанием его места (Берлин) и издательства («Парабола»). Лишь третья книга «Круга», вышедшая в Париже в издательстве «Дом книги», определённо датируется 1938 годом. Можно предположить, что альманах стал издаваться в 1936 году, на основании косвенного свидетельства Ю. Терапиано⁸.

На страницах альманаха публиковались как художественные произведения, так и публицистические работы участников «Круга»⁹.

Публицистика альманаха является ценнейшим источником о духовных исканиях русской эмиграции предвоенного времени. Одной из самых показательных в этом отношении является статья Г.П. Федотова «Круг», которая не только поднимает проблемы мирового масштаба, но и вскрывает сокровенный смысл названия религиозно-философского объединения.

Перед лицом неумолимо надвигающейся мировой катастрофы Г.П. Федотову единственно верным представлялся путь единения с близкими по духу людьми. Только в узком кругу, по мысли Г.П. Федотова, можно было обрести душевное равновесие в пору глобальных потрясений 1930-х годов: «Не одному и в массе, но в кругу избранных, близких людей доброй воли можно уйти от своего холода не в липкий жар сгрудившихся тел, а в тепло дружеской руки. Можно, не утопая в бездумных зрчках человеческих толп, погрузиться в ясные и грустные глаза человека. Разрешить свою невыносимую тяжесть в человеческой цепи несущих общее бремя. Забыть свой личный приговор в общем страдании. И даже открыть в общении источник новых сил. В цепи людей, взявшихся за руки, рождаются токи, отличные от биологических энергий, движущих толпами. Мысль, зачатая в мозгу одного, уже будит ответную мысль другого. Слабеющая воля поддерживается рукопожатием. Если смерть неизбежна, её не страшно встретить вместе. А если — предположение невероятное — придёт помилование, — круг друзей сомкнётся для общей работы, для новой жизни. И, может быть, круг найдёт свой центр, — вернее, увидит, Кто стоит в центре всякого круга»¹⁰.

Приведённые размышления Г.П. Федотова отчётливо высвечивают основную идею «Круга» — только вера в Бога, в истинность Божественных заповедей способна спасти Человека.

Окончательную точку в истории «Круга», которая заслуживает самого пристального изучения, поставило начало Второй мировой вой-

ны, перевернувшее устоявшийся жизненный уклад народов Европы и сделавшее условия жизни и творческой деятельности русских эмигрантов еще более сложными.

Примечания

¹ Яновский, В.С. Поля Елисейские. Книга памяти / В.С. Яновский. — СПб., 1993. — С. 27.

² См.: Круг // Новый Град. — Париж, 1936. — № 11. — С. 136-160. Исходя из того, что первое из упомянутых в отчёте заседание (2 декабря 1935 года) именуется «четвёртой беседой», а периодичность заседаний была равна примерно двум неделям, можно предположить, что свою работу «Круг» начал в октябре 1935 года.

³ В отчёте Г.П. Федотова перечисляются следующие доклады: К.В. Мочульский. «Христианство и мир» (2 декабря 1935 г.); Г.В. Адамович. «О смерти и одиночестве» (16 декабря 1935 г.); Н.А. Бердяев. «Мысль изречённая есть ложь» (3 февраля 1936 г.); Г.П. Федотов. «Святость и творчество» (23 февраля 1936 г.); В.С. Варшавский. «Рамакришна и его ученик Вивекананда» (9 марта 1936 г.); Ю.К. Терапиано. «О безумии разума» (23 марта 1936 г.); м. Мария «Злое чудо» (20 апреля 1936 г.); Ю. Фильзен. «Мы в Европе» (3 мая 1936 г.) // Там же.

⁴ Яновский, В.С. Указ. соч. — С. 90.

⁵ Федотов, Г.П. Круг / Г.П. Федотов // Новый Град. — 1936. — № 11. — С. 138.

⁶ Там же. — С. 139-141.

⁷ В Отделе редких книг Библиотеки РАН в Санкт-Петербурге нами был обнаружен полный комплект альманаха — три книги в твёрдом переплёте с золотым тиснением.

⁸ «Круг» выходит медленно — и страница «О новых книгах» растянулась почти на полтора года». — Терапиано, Ю. О новых книгах стихов Ю. Терапиано // Круг. — Берлин, б.г. — Кн. 2. — С. 160.

⁹ В частности, знаменитый роман Б.Ю. Поплавского «Домой с небес» впервые увидел свет в трёх книгах «Круга»: Круг. — Берлин, б.г. — Кн. 1. — С. 3-21; Берлин, б.г. — Кн. 2. — С. 3-55; Париж, 1938. — Кн. 3. — С. 3-43.

¹⁰ Федотов, Г.П. Круг / Г.П. Федотов // Круг. — Париж, 1938. — Кн. 3. — С. 164.

**СОЗДАНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ БЕЗВОЗВРАТНЫХ ЛЮДСКИХ ПОТЕРЬ
САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

В современном обществе возможности ученого значительно расширились в связи с появлением новых информационных технологий. Компьютерный анализ источников представляет собой одну из перспективных областей применения математических методов в гуманитарном исследовании. Наиболее разработанным направлением в исторической информатике сегодня является создание баз данных.

В 2006 г. мы начали работу над электронным банком данных безвозвратных людских потерь Самарской области в годы Великой Отечественной войны на основе областной Книги Памяти, насчитывающей 34 тома. Подобные базы данных уже существуют во многих регионах Российской Федерации (в Архангельской, Волгоградской, Вологодской, Ленинградской, Липецкой, Новгородской, Тульской, Смоленской, Ульяновской, Свердловской и других областях). Кроме того, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 22 января 2006 г. «Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества», Министерство обороны России совместно с корпорацией «Электронный архив» и Союзом поисковых отрядов продолжает работу по созданию обобщенного электронного банка данных, содержащего информацию о погибших и пропавших без вести воинах в военный и послевоенный периоды. В Самарской области подобная работа еще не проводилась, и нами впервые получена новая информация по безвозвратным людским потерям. На сегодняшний день 14 томов региональной Книги Памяти переведены в электронный вариант. За основу создания банка данных была выбрана СУБД Microsoft Access.

База данных – один из способов воссоздания реальной картины потерь региона в 1941%1945 гг., универсальный, мобильный инструмент позволяющий проводить редактирование, хранение и быстрый поиск по определённым критериям запроса. Целью ее создания является исследование безвозвратных людских потерь Красной армии на примере уроженцев Куйбышевской (в настоящее время – Самарской) области.

Основным содержанием Книги Памяти являются поименные списки погибших, умерших от ран и болезней, пропавших без вести. Она является массовым источником по рассматриваемой проблеме и обладает такими характерными чертами, как однородность в структуре и

наличие независимых случайных признаков. В связи с этим, для извлечения информации из Книги Памяти были применены структурно-количественные методы. На основе базы данных мы составляем сводные таблицы и выявляем такие важные сведения как: динамика потерь уроженцев Самарской области за 1941-1945 гг. по месяцам, периодам и кампаниям войны и по причине смерти; состав погибших по воинским званиям; распределение потерь по районам области. Также проводится сравнительно-сопоставительный анализ участия в войне уроженцев области по сравнению с другими субъектами Российской Федерации.

На сегодняшний день удалось создать базы данных на материалах городов Самары, Сызрани, Октябрьска, Похвистнево, Алексеевского, Борского, Волжского, Иса克林ского, Кинель-Черкасского, Нефтегорского, Сергиевского, Сызранского, Похвистневского, Приволжского, Хворостянского сельских районов. Анализ обобщенных материалов позволил выявить некоторые тенденции в хронологии, структуре, географии и половозрастном составе погибших. На основе полученной информации мы сделали следующие выводы:

1. Наиболее тяжелым для Красной армии был начальный период войны (1941-

2. 1942 гг.). На эти годы приходится 43,4% от общих потерь исследуемых городов и районов области;

3. Жертвами войны оказались в основном самые молодые и дееспособные люди. Большая часть погибших уроженцев нашего края приходится на возраст от 20 до 35 лет (61,7%), причем самый высокий процент внутри данной возрастной категории принадлежит юношам и девушкам, которые погибли в возрасте 20 лет и моложе.

4. Самой многочисленной категорией потерь по воинским званиям стали рядовые – 74,3% от общего числа безвозвратных потерь указанных городов и районов Самарской области. Доля погибших среди сержантов составляет 10,7%. Потери среди офицеров равны 7,9%, причем большая доля приходится на младший офицерский состав.

5. Наибольшее число мест захоронений находятся в Витебской, Волгоградской, Курской, Ленинградской, Московской, Смоленской областях.

6. Захоронения уроженцев Самарской области за пределами нашей страны чаще всего встречаются в Польше, Латвии, Литве, Эстонии, Венгрии, Германии.

К сожалению, составителям Книги Памяти по объективным причинам не удалось собрать полные сведения по всем персоналиям. Отсутствуют сведения о дате гибели у 5% погибших, о дате рождения – у 16,4%, о причине гибели – у 0,4%, о воинском звании – у 36% военнослужащих.

В настоящее время мы продолжаем работу по созданию полной элек-

тронной версии Книги Памяти Самарской области. Для получения репрезентативных данных по проблеме в качестве дополнительных источников привлекаются документы Государственного архива Российской Федерации, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, а также Государственного архива Самарской области и Самарского областного государственного архива социально-политической истории. Материалы указанных архивов помогают скорректировать и дополнить информацию Книги Памяти о безвозвратных потерях уроженцев нашей области в годы Великой Отечественной войны.

А.В. Гайдашев

*Волгоградский государственный
педагогический университет*

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В последнее время с ростом движения по возрождению казачества увеличивается и интерес к его истории, которая имеет целый ряд дискуссионных проблем. Участие казачества в Великой Отечественной войне — одна из наиболее дискуссионных, в частности, исследователи расходятся во мнениях по поводу причин, толкнувших часть казачества принять сторону врага, его численности на стороне Германии и др.

Судьба казачества в период Великой Отечественной войны сложилась довольно драматично. Это был новый этап разделения казачества России в XX веке. Первый этап — Гражданская война — расколол казаков на красных и белых, второй же ещё более углубил этот раскол. Одни отчаянно сражались с немецкими оккупантами в рядах Красной Армии, другие не менее отчаянно воевали с ней в рядах Вермахта. Особенности самосознания казаков, приверженность их к своей истории, традициям, воспоминания о былой вольнице и боевой славе были четко оценены как советским руководством, так и лидерами фашистской Германии. Использовать этот мощный «национальный» фактор попыталась как та, так и другая сторона.

При проведении исследования нами была поставлена задача воссоздать и проанализировать историю участия Донского казачества в Великой Отечественной войне. Для решения поставленной задачи, нами были изучены различные источники. В частности, мемуары непосредственных участников Великой Отечественной войны, а также важным источником стала разнообразная делопроизводственная доку-

ментация из архивов Волгоградской области и фондов музея-заповедника «Сталинградская битва».

Великая Отечественная война была невиданно суровым испытанием для каждого, кто прошел через нее, независимо, на чьей стороне он воевал. Подавляющее большинство казачества выдержало его с честью, защищая свою Родину порой до последнего вздоха. Большинство казачьего населения Дона поднялось на защиту своей родной земли, своего Отечества. Ярким свидетельством такого патриотического подъема являются образованные из числа ополченцев 15-я Донская казачья кавалерийская дивизия на территории Сталинградской области и 116-я Донская казачья кавалерийская дивизия на территории Ростовской области. Мужество бойцов данных формирований было замечено и вознаграждено с честью и уже 27 августа 1942 г. приказом Верховного Главнокомандующего им было присвоено почетное наименование гвардейских. Необходимо отметить и то, что будучи мобилизованными, донские казаки сражались против ненавистного захватчика также в других соединениях Красной Армии.

Но были среди казачества и те, кто выступил на стороне Германии против СССР, для них, несомненно, это явилось большой и трагической ошибкой. В борьбе с ненавистным им коммунистическим режимом, который с первых дней своего существования проводил жесточайшую репрессивную политику по отношению к казачеству, многие представители «некогда служивого сословия» встали на путь коллаборационизма.

Германское командование начало вербовку казаков в свои ряды уже на ранних этапах русской компании. Первоначально казаков вербовали небольшими группами, затем процесс стал набирать силу. В целом, к апрелю 1943 г. в составе вермахта действовало около 20 казачьих полков. Политика немецкого командования по отношению ко всему казачьему населению СССР на протяжении всей войны была очень неоднозначной. До ноября 1943 г. большинство политических руководителей Третьего рейха считали, что казаки не заслуживают никакого специального обращения, однако армейские начальники выступали за активное использование казаков в рядах германской армии. В конце концов, точка зрения военных победила, и 10 ноября 1943 г. была оглашена декларация германского правительства, которая должна была бы способствовать военной и политической консолидации казачества, а также убедить казаков в том, что после победы «Великой Германии» им будет предоставлено место на новой карте Европы.

После того как опыт использования казачьих частей на фронте доказал их практическую ценность, германское командование приняло решение о создании в составе вермахта крупного казачьего кавалерийского соединения и 21 апреля 1943 г. был отдан приказ об организации

1-й Казачьей кавалерийской дивизии под командованием Г. фон Панвица, на основе которой в 1945 г. был образован 15-й Казачий кавалерийский корпус войск СС. Общая численность которого, по данным К.Залесского, достигала 25 000 солдат и офицеров, в том числе от 3000 до 5000 человек немцев. Также осенью 1943 г. был образован так называемый Казачий Стан атамана С.В. Павлова. С.И. Дробязко приводит сведения, что по состоянию на 27 апреля 1945 г. численность Казачьего Стана составляла 31 463 человек, из них 4222 женщины, 2094 ребенка в возрасте до 14 лет и 358 подростков в возрасте от 14 до 17 лет. Из общей численности Стана 1430 казаков принадлежало к эмигрантам первой волны, а остальные были советскими гражданами. Первоначально казачьи части использовались немецким командованием в качестве охранных подразделений. Затем для разведки переднего края обороны Красной Армии и как диверсионно-разведывательная агентура немцев, а также как карательные формирования в борьбе с партизанами.

В будущем нами планируется дальнейшая разработка изложенной в данной работе проблемы, которая будет осуществляться посредством расширения источниковедческой базы. Великая Отечественная война была невиданно суровым испытанием для каждого, кто прошел через неё, и это независимо, на чьей стороне он был. Конечно, тех, кто воевал на стороне Германии, в нашей стране называют предателями Родины. С одной стороны, это действительно так, однако, многие из тех казаков, кто воевал на стороне Германии в годы Великой Отечественной войны, боролись не против России, а против именно Советской власти, против той политики, которую она проводила в отношении казачества. Следует помнить, что казак – это в первую очередь прирожденный воин. И в Великой Отечественной войне донские казаки успешно подтвердили данный факт.

СЕКЦИЯ IV. РУССКАЯ КУЛЬТУРА И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Е.Ю. Федорова

Самарский государственный университет

ПЕТЕРБУРГ ЕКАТЕРИНЫ II ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ

На протяжении всего XVIII столетия возрастал интерес к русской культуре (нередко как к явлению экзотическому), к истории страны, ее географии, населению и пр. Этому способствовала и официальная политика, поощряющая приезд иностранцев на русскую службу.

На протяжении всего столетия в столице побывало немало иностранных послов, ремесленников, туристов, дипломатов, авантюристы и просто искателей счастья, их записки, воспоминания, дневники путешественников составляют целую плеяду источников по истории города. Сведения об истории и архитектуре города эпизодически перемежались с описанием условий жизни, одежды, развлечений горожан и другой информацией бытового характера. Ограничиваясь порой скупыми фразами, иностранные авторы иногда подмечали и то, что могло ускользнуть от привычного взгляда русских мемуаристов.

Разрозненные наблюдения, разумеется, не способны дать сколько-нибудь полную картину Петербурга и его быта, но при сопоставлении с другими источниками могут прояснять и дополнять ее зримыми деталями. Следует так же отметить, что иностранные гости, как правило, не были заинтересованы в искажении и приукрашивании действительности, чем нередко грешат отечественные авторы.

В связи с тем, что в рамках данного исследования мы не можем подробно останавливаться на описаниях каждого автора, то попытаемся выделить несколько общих тенденций в описаниях города, быта и нравов горожан.

Для начала следует упомянуть о том, что многие иностранные авторы отмечали в своих воспоминаниях и записках то, что город был построен за очень короткий срок. Вот что писал француз Л.-Ф. Сегюр: *«Я был приятно поражен, когда в местах, где некогда были одни лишь бесплодные и смрадные болота, увидел красивые здания города, основанного Петром и сделавшегося менее чем в 100 лет одним из богатейших, замечательнейших городов в Европе»*¹. Однако несмотря на это, встреча-

ются в дневниках и записях также упоминания о том, что в это время город был еще не завершён в своем преобразовании: «*Петербург в 1778 году все еще имел вид только что возникающего города, не смотря на те улучшения, какия были сделаны в нем после Петра I, и, главным образом, в царствование Екатерины II*»², — писал английский путешественник и историк У. Кокс. Ему вторил француз на русской службе Шарль Массон, проживающий в российской столице в период с 1786 до 1796 гг.: «...виден лоб, похожий на чело Аполлона Бельведерского, и глаз, какой мог бы быть у гения, тогда как все остальное едва намечено неясными чертами и пунктиром»³.

Не ускользнула от глаз европейских авторов и некая подражательность Петербургской застройки: «*Уже природа петербургской архитектуры — уникальная выдержанность огромных ассамблей, не распадающихся, как в городах с длительной историей, на участки разновременной постройки, создает ощущение декораций*»⁴. То же самое писали иностранцы и про петербургский быт: «*Их увеселения, убранство их комнат и количество прислуги имеют вполне Азиатский характер и, что весьма странно, хотя может быть и весьма естественно, не смотря на то, что они во всем подражают иностранцам*»⁵.

Все выше перечисленные характеристики присутствуют в записках всем небезызвестного венецианца Казановы, пребывавшем в российской столице на протяжении некоторого времени: «*Петербург порастил меня своим странным видом: мне казалось, что я вижу поселение дикарей, перенесенное в европейский город. Улицы длинны и широки, площади просторны, дома просторны: все это ново и непонятно. Известно, что этот город был импровизирован царем Петром Великим. Его архитекторам удалось подражание на европейскую стать; но все-таки эта столица выматривает пустыней и соседкою северных льдов*»⁶.

Еще одной характерной особенностью описаний является и то, что большинство иностранных посланцев, как правило, видели «*вершину айсберга*», или, проще сказать, описывали только центральные районы застройки, тогда как описания окраинных поселений ремесленников и отходников практически отсутствуют. Это и понятно, ведь сами авторы жили в большинстве своем в центральных районах города, что позволило одному из иностранных гостей написать следующие строки: «*В Петербурге всего лучше живет иностранцам, за исключением разве одной Вены*»⁷.

Однако эта тенденция не всеобща и имеет ряд исключений. Одним из таких исключений является описание уже ранее упомянутого графа Сегюра, который один из первых обратил внимание на быт городской бедноты: «*Их жилища напоминают простоту первобытных нравов; они построены из сколоченных вместе бревен, где маленькое отверстие служит окном; в узкой комнате со скамьями вдоль стен стоит широкая*

печь. В углу висят образа, и им кланяются входящие прежде, чем приветствуют хозяев. Каша и жареное мясо служат им обыкновенно пищей, они пьют квас и мед; к несчастью, они, кроме этого, употребляют водку, которую не проглотит горло европейца»⁸.

В связи с этим многие путешественники, в частности и сам граф Сегюр, замечали некую двойственность столицы: *«Петербург представляет уму двойственное зрелище: здесь в одно время встречаешь просвещение и варварство, следы X и XVIII веков, Азию и Европу, скифов и европейцев, блестящее гордое дворянство и невежественную толпу. С одной стороны — модные наряды, богатые одежды, роскошные пиры, великолепные торжества, зрелища, подобные тем, которые увеселяют избранное общество Парижа и Лондона; с другой стороны — купцы в азиатской одежде, извозчики, слуги и мужики в овчинных тулупах, с длинными бородами и меховыми шапками и рукавицами, а иногда с топорами, заткнутыми за ременные пояса... Изображения дикарей на барельефах Траяновой колонны в Риме как будто оживают и движутся у вас перед глазами»⁹.* Эту же особенность подметил в своих описаниях и англичанин Уильям Кокс: *«Следы древняго азиатскаго великолетия смешивались с европейскою утонченностью»¹⁰.*

Следует отметить, что многие иностранные авторы любили описывать быт и повадки петербуржцев, причем нередко местные реалии передавались в искаженном и переосмысленном виде, как в письме графа Франческо Альгаротти: *«... в обычаях страны бросать детей из печи, где их держат некоторое время, в холодную воду или в снег. Так их приучают к жаре и холоду, так они становятся более неуязвимыми к превратностям погоды, чем был Ахилл к ударам вражеских копий и стрел»¹¹,* — эти строки стали результатом не понятого им сообщения о том, как парятся в русской печи. Еще один подобный пример можно встретить в воспоминаниях Джакомо Казановы: *“...Одним утром, на пути в Петергоф, я встречаю русского, который, набрав в горсть снега, вдруг кидается на меня и, крепко ухватившись, начинает тереть мне левое ухо. В первую минуту я принял было оборонительное положение, но, к счастью, в пору догадался о причине этого поступка: мое ухо начинало отмораживаться, а добрый человек это заметил, видя, что оно побелело”¹².*

Еще со времен Петра I, иностранцы очень любили сначала принимать участие, а потом и описывать светские рауты, народные гуляния и праздники которые в Петербурге имели характерный столичный размах. *«Танцы и празднества следуют друг за другом: каждый день может оказаться праздником, и человек находит в большом доме собрание шедевров всех искусств, товары со всех концов света, а часто, даже посреди стужи, — весенние сады и цветы»¹³,* — поражался француз Шарль Массон. *«Нет ничего более веселого и своеобразного, чем зимние сцены на*

Неве... Ледяные горы в высшей степени распространены и представляют для населения постоянный и неисчерпаемый источник развлечений»¹⁴.

Таким образом, собирая воедино разрозненные факты из повествования и описаний иностранцев, можно сделать вывод о том, что во второй половине XVIII столетия Санкт-Петербург еще не переставлял собой целостной картины. Повинуясь начинаниям Петра I, застройка велась по европейским образцам, чему способствовало приглашение европейских архитекторов и отправление русских зодчих в пенсионерские поездки по городам Европы, на Европу так же ориентировался быт и нравы петербуржцев. Но, отмеченные особенности нельзя применять ко всей столице, так как стоит помнить о том, что окраинные области и их население были вдалеке от подобных веяний и тенденций, что позволяло иностранным гостям говорить о двойственности Петербурга.

Примечания

¹ Сегюр, Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II / Л.-Ф. Сегюр // Россия XVIII века глазами иностранцев. – Л., 1989. – С. 11.

² Кокс, У. Путешествие Уильяма Кокса. 1778 г. / У. Кокс // <http://memoirs.ru/indexlib.htm>

³ Масон, Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I / Ш. Масон. – М., 1996. – С. 29.

⁴ Миранда, Ф. Российский дневник. Москва – Санкт-Петербург / Ф. Миранда. – М., 2000. – С. 120.

⁵ Гаррис Д., лорд Мальмсбери. Россия в царствование Екатерины II (переписка английского посланника при дворе Екатерины II, 1778-1783) // <http://memoirs.ru/indexlib.htm>

⁶ Казанова Д., Записки венецианца Казановы о пребывании его в России, 1765-1776гг / Д. Казанова. – М., 1991. – С. 7.

⁷ Кокс, У. Путешествие Уильяма Кокса. 1778 г. / У. Кокс // <http://memoirs.ru/indexlib.htm>

⁸ Сегюр, Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II / Л.-Ф. Сегюр // Россия XVIII века глазами иностранцев. – Л., 1989. – С. 328.

⁹ Сегюр, Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II / Л.-Ф. Сегюр // Россия XVIII века глазами иностранцев. – Л., 1989. – С. 327.

¹⁰ Кокс, У. Путешествие Уильяма Кокса. 1778 г. / У. Кокс // <http://memoirs.ru/indexlib.htm>

¹¹ Беспятых, Ю.Н. Петербургский быт в Россике XVIII века / Ю.Н. Беспятых, Н.Л. Сухачев // Петербург и губерния: историко-этнографические исследования, – Л., 1879. – С. 55.

¹² Казанова Д., Записки венецианца Казановы о пребывании его в России, 1765-1776 гг. / Д. Казанова. — М., — 1991. — С. 11.

¹³ Масон, Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I / Ш. Масон. — М., 1996. — С. 59.

¹⁴ Беспятых, Ю.Н. Петербургский быт в России XVIII века / Ю.Н. Беспятых, Н.Л. Сухачев // Петербург и губерния: историко-этнографические исследования, — Л., — 1979. — С. 61.

О.П. Лазарева

Самарский государственный университет

ПЕРВЫЙ БРАК ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

Предметом данного исследования является бракосочетание цесаревича Павла Петровича, будущего императора Всероссийского Павла I, правившего огромной страной с 1796 по 1801 гг.

Кратко оговорим историографию нашей работы. Главный акцент был сделан на исследовании Н. Шильдера «Император Павел Петрович»¹. В своей работе он раскрывает все подробности проведения церемонии. Так же были использованы работы А. Даниловой «Пять принцесс. Дочери императора Павла» и «Русские императоры, немецкие принцессы»², в которых раскрывается вопрос о бракосочетании Павла Петровича и его первой жены Натальи Алексеевны. Кроме того нами привлекались исследования В.И. Сергеева³, А. Труайя⁴ и П. Мурузи⁵. Источниковой базой послужила переписка Екатерины Великой с датским посланником Ассебургом, ландграфиней Гессен — Дармштадской⁶, а также донесения графа В.Ф. фон Сольмса⁷.

С начала 1768 г. Екатерину II волновал вопрос огромной династической важности. Необходимо было заблаговременно подыскать невесту для наследника.

Екатерина горела желанием побыстрее женить Павла и дожидаться внуков. Занятый семейными радостями, он будет далеко от государственных проблем и размышлений о власти, а значит, станет не так опасен для нее.

Где выбирать невесту? Разумеется, в германских княжествах.

Решение этого вопроса требовало собрания сведений о немецких принцессах. Императрица избрала в этом деле своим дипломатическим агентом бывшего датского посланника в Петербурге Ассебурга, прусского подданного, сумевшего, во время пребывания в России, привлечь к себе доверие Екатерины. С ведома датского короля, на него было возложено в 1768 г. это дипломатическое поручение при немецких дворах.

Екатерина писала: «Нежелательно, чтобы будущая невеста происходила из слишком влиятельной семьи, гораздо лучше, если она будет неспособна дать царевичу других советов и образцов поведения, кроме как беспрекословного послушания. Для нее простительно быть хорошенькой, но она ни в коем случае не должна обладать большим умом. Та, что надеется на это замужество, должна быть умна ровно настолько, чтобы суметь это скрыть»⁸.

Получая донесения от Ассесбурга, Екатерина особо останавливала свой взор на юной принцессе вюртембергской Софии – Доротее – Августе. Но принцесса, родившаяся в 1759 г., была еще слишком молода, а ждать ее брачного возраста Екатерина не хотела. Поэтому необходимость женить сына заставляла императрицу предпринять дополнительные поиски. Они в итоге привели к окончательному выбору невесты для наследника среди семейства ландграфа Лудвига Гессен – Дармштадского. Через посредство Ассесбурга императрице удалось убедить ландграфиню Гессен – Дармштадскую приехать с тремя дочерьми в Россию. В ее письмах видно, с каким сильным желанием она звала ландграфиню в Россию: «Государыня-сестрица. Как только время года позволило, я поспешила послать мои корабли в Любек. Их повел туда генерал-майор Ребиндер, который получил от меня приказание не только доставить вашей светлости это письмо, но и уверить вас о прибытии их в эту гавань и о том, что я назначила его сопровождать вас, если вы позволите, до моих владений. Приезжайте, приезжайте, я ожидаю вас нетерпеливо! Будьте уверены в моем горячем желании видеть вас вместе с тремя принцессами, вашими дочерьми, при моем дворе, которого вы сделаетесь украшением. Для меня будет праздником принять вас у себя, познакомиться с вами и доставить вам доказательства моей готовности изъявить вам мое уважение и дружбу, с которыми пребуду, любезная сестра, вашей светлости добрая сестра Екатерина»⁹.

Ландграфиня прибыла в Россию 6 июня 1773 г. в сопровождении трех дочерей: принцесс Амалии, Вильгельмины и Луизы.

Первое свидание Павла Петровича и принцесс произошло по дороге в Царское Село.

Императрица предоставила сыну полную свободу выбора, но дала ему на размышления три дня. По словам Екатерины, цесаревич с первой же встречи полюбил принцессу Вильгельмину. Императрица на четвертый день обратилась с предложением к ландграфине, которая сразу же согласилась отдать свою дочь замуж за цесаревича. Началось обучение русскому языку. Преподавание Закона Божия было поручено архиепископу Тверскому Платону, который в последствии стал духовным отцом будущей великой княгини.

Можно сказать, что выбор цесаревича был предопределен. Под влиянием донесений Ассесбурга граф Панин, желания которого совпадали

с намерениями Фридриха Великого, повел дело таким образом, что Павел Петрович незаметно для себя свыкся с мыслью считать Вильгельмину своей будущей невестой. В итоге цесаревич действительно выбрал Вильгельмину своей невестой.

18 июня 1773 года императрица официально попросила у ландграфини руки ее дочери Вильгельмины для своего сына, великого князя Павла. Но перед церемонией бракосочетания необходимо было, чтобы будущая великая княгиня приняла православие. И на это нужно было получить согласие ее отца. Из донесений посланника прусского короля Фридриха II от 3 августа 1773 года мы видим, что согласие было получено: «...третьего дня вернулся курьер из Дармштадта и привез согласие на брак принцессы Вильгельмины с Великим Князем. Хотя этого должны были ожидать, но кажется, как будто уверенность в этом произвела заметное довольство...»¹⁰.

15 августа 1773 г. в церкви Зимнего дворца совершилось миропомазание принцессы Вильгельмины. Ее нарекли великой княжной Наталией Алексеевной, а на другой день в церкви Летнего дворца произошло обручение цесаревича.

Бракосочетание цесаревича состоялось в воскресенье 29 сентября 1773 года в Казанской церкви. В последний раз Екатерина была здесь в день своего бракосочетания с отцом Павла Петром III, и теперь она вновь вступила в этот храм при торжественной, хотя и несколько иной обстановке.

29 сентября 1773 года в Санкт – Петербурге гремели пушки, звонили колокола. После обряда венчания в кафедральном соборе императрица дала в тронном зале роскошный банкет. Приглашенных было не так уж и много. Бал открывала Вильгельмина – Наталья со своим мужем. Ее свадебное платье было таким тяжелым от золотого шитья, драгоценных камней и бриллиантов, что несчастная царевна смогла станцевать в нем лишь несколько менуэтов.

Наталья отказалась и от последнего менуэта. Увидев ее в таком состоянии, Екатерина сразу же задалась вопросом: не слишком ли хрупка конституция невестки для роли первой дамы, которая была ей предложена? Павел же, напротив, не увидел в ее усталости ничего ужасного и, более того, заметил, что это прибавляет супруге дополнительный шарм.

Празднества по случаю бракосочетания великого князя продолжались двенадцать дней и закончились 11 октября фейерверком на площади возле Летнего дворца.

Примечания

¹ Шильдер, Н. Император Павел Первый / Н. Шильдер. – М.: Алгоритм, 1996.

² Данилова, А. Пять принцесс. Дочери императора Павла I / А. Данилова. – М.: Эксмо, 2005; Данилова, А. Русские императоры, немецкие принцессы / А. Данилова. – М.: Эксмо, 2007.

³ Сергеев, В.И. Павел I / В.И. Сергеев. – Р-н-Д.: Феникс, 1999.

⁴ Труайя, А. Павел Первый / А. Труайя. – М.: Эксмо, 2005.

⁵ Мурузи, П. Павел I / П. Мурузи. – М.: Вече, 2005.

⁶ Письма Екатерины II ее сватье ландграфине Каролине Гессен-Дармштадской // Данилова, А. Русские императоры, немецкие принцессы / А. Данилова. – М.: Эксмо, 2007.

⁷ Донесения графа В.Ф. фон Сольмса прусскому королю. 1772-1773 // <http://history-gatchina.ru/museum/doc/doc5.htm>

⁸ Цит. по: Сергеев, В.И. Павел I / В.И. Сергеев. – Р-н-Д., 1999. – С.188.

⁹ Письмо Екатерины II ландграфине Каролине Гессен-Дармштадской от 28 апреля 1773 г. // Данилова, А. Русские императоры, немецкие принцессы / А. Данилова. – М., 2007. – С. 150.

¹⁰ Из донесения Сольмса от 3 августа 1773 года // Донесения графа В.Ф. фон Сольмса прусскому королю. 1772-1773 // <http://history-gatchina.ru/museum/doc/doc5.htm>.

А.С. Горбунова

Самарский государственный университет

ПРОБЛЕМА ВОСТОЧНОГО ВЛИЯНИЯ НА СРЕДНЕВЕКОВУЮ РУССКУЮ КУЛЬТУРУ В ТВОРЧЕСТВЕ В. В. СТАСОВА

Проблема ориентализма (восприятия Востока в Западной культуре) рассматривается в течение нескольких столетий и остается актуальной до сих пор. В свете этой проблемы очень важным является исследование работы В. В. Стасова «Происхождение русских былин». Стасов стал основоположником совершенного нового взгляда на вмешательство элементов восточной культуры в формирование русской национальной традиции и заставил задуматься ориенталистов (востоковедов) о значении изучения чужой культуры для наилучшего понимания своей. Он впервые опроверг самобытность русских былин и дал положительную оценку восточному влиянию, послужившему фундаментом формирования русской национальной культурной традиции.

В. В. Стасов (1824 – 1906) – крупнейший историк искусства и художественный критик второй половины XIX века. Стасов считал, что критик является истолкователем общественного мнения; он должен выражать вкусы и запросы публики. Он был чрезвычайно разносто-

ронне и глубоко образованным человеком, интересовался не только изобразительным искусством и музыкой, но и литературой. Он писал исследования, критические статьи и рецензии по археологии и по истории искусства, по архитектуре и музыке, по народному декоративному искусству, очень много читал, владел большинством европейских языков, а также классическим греческим и латынью.

Работы Стасова имеют не только историко-познавательное значение. Многие его статьи звучат удивительно современно, обогащают нас и сегодня глубокими, верными мыслями, точными и образными оценками.¹

Одной из интереснейших для исторического исследования по русской культуре в целом и по проблеме ориентализма в частности является работа В. В. Стасова «Происхождение русских былин», опубликованная в шести номерах журнала истории, политики и литературы — Вестник Европы от 1868 года.

В своей работе Владимир Васильевич Стасов подробно рассматривает происхождение русских былин, на примере двух русских сказок и десяти богатырских песен, которые соответствуют эпохе до XVI столетия, сравнивает их с некоторыми монгольскими, сибирско-тюркскими, калмыцкими и киргизскими, а также с древнеиндийскими и древнеперсидскими сказаниями. Он выявляет серию сходных сюжетных линий, опровергая тем самым самобытное происхождение русских былин.

В своей работе Стасов выдвинул гипотезу, что былины и волшебные сказки, — которые обычно считались образцом самобытного творчества, выражением чисто русских национальных начал, — представляют собой не что иное, как отголосок сюжетов древнеиндийских и тибетских легенд и сказаний: «Вообще большинство сказок наших не имеют в своей основе ничего русского, и восточные оригиналы их, иногда прозаические, но гораздо чаще стихотворные, легко обозначаются, при изучении древневосточной поэзии и литературы».²

В. В. Стасов поднимает такие вопросы, над которыми до его исследования мало кто задумывался. Он отрицает правильность названия русских былин «былинами», т.к. слово «былина» подразумевает под собой что-то действительно случившееся («быль»), а многие события русских былин «имеют характер явно мифический, или же фантастический»³ (змеи, чудовища, превращения, нечеловеческие силы). Отрицает он также, в противовес Аксакову, что былина и сказка имеют различия, по причине того, что они воспринимают одни и те же коренные мотивы, идущие с Востока.

Как полагал Стасов, «поэтические создания Востока» пришли в Россию не ранее XIII века, при посредничестве «народов, по географическому положению своему ближе придвинутых к России» — монголов

и сибирских татар; поэтому наиболее близки к русским былинам монгольские, сибирско-тюркские, калмыцкие и киргизские эпические сказания.⁴ Эту близость он доказывает, обращая внимание на следующие особенности:

1) Описание архитектурны и жилищ в русских былинах сильно напоминает архитектурные описания монголо-калмыцких и тюркских поэм и песен: частое упоминание дворцов с золотыми кровлями, с серебряными стенами, с белокаменными палатами.

2) Среди деталей вооружения в русских былинах можно обнаружить: шлем, кольчугу, саблю, лук со стрелами, копье, палицу, рогатину. Значительную сюжетную роль играют лук и стрелы – главное оружие степняка. Здесь важно отметить три особенности, наиболее явно сближающие былины с поэмами и песнями монгольских и тюркских племен: употребление кюяна (кожаного кафтана, покрытого металлическими бляхами, нашитыми сверху), само название которого принадлежит тюркскому языку и наиболее часто упоминается в песнях тюркских и монгольских племен; полное отсутствие в наших былинах щита и меча, а также отсутствие упоминаний в наших былин о серьгах у мужчин, «тогда как документально известно, что древние русские носили их, подобно всем остальным древним народам арийской породы (индейцы, персы)»⁵. Две последние особенности объясняются тем, что таких упоминаний не было ни в монгольских, ни сибирско-тюркских поэмах.

3) Большая важность коня в русских былинах, который тоже является непрременным атрибутом кочевого образа жизни.

4) Одежда, которую носят герои русских былин: шелковые и бархатные кафтаны, епанча, белые рубашки, шапки (колпаки), шубы отороченные золотом и серебром, соболий мех (соболь не водился у нас на юге, близ Киева) – все это встречается в монгольских и тюркских поэмах и песнях.

Происхождением некоторых деталей богатырской жизни, быта и деятельности, таких как грамотность русских богатырей, благословление на подвиги у родителей, побратимство богатырей, особенность богатырских боев, поход за данью, частое упоминание «камней самоцветов», чисел 3, 7, 9, 12, 30, 40 и 41, мы также обязаны восточным поэмам и песням. Кроме того, в русских былинах существует множество эпических выражений, которые мы издревле привыкли считать чисто русскими (например, «бабий волос длинен, а ум короток»), названий одежды и собственных имен, привнесенных монгольскими и тюркскими поэмами и песнями в наши былины. Мало того само слово богатырь, вероятно, перешло к нам от монголов тюрков, т. к. «во всех монгольских поэмах и песнях понятие «витязь, знаменитый богатырь» иначе не выражается как посредством слова «багатур» или «багатырь»⁶.

Итак, со страниц работы Стасова вставала неожиданная и непри-
вычная для российской мысли панорама культурного движения, кото-
рое шло из глубин Азии, из Индии и Тибета, через посредничество
монгольских и тюркских народов на Русь и далее, в Западную Европу.
Средневековая Русь (равно как и Европа) в некотором отношении ока-
зывалась культурной окраиной Центральной Азии; влияние Орды, по
Стасову, привело не к искажению русского национального духа, а, на-
против, к формированию «чудного сплава» культур и рождению непов-
торимого национального стиля.⁷ В заключении своего исследования В.
В. Стасов пишет: «первые страницы нашей летописи, в большинстве
случаев, могут оказаться точно таким же повторением восточных ле-
ганд и рассказов, как и наши былины»⁸. Таким образом, критик ставит
перед ориенталистами вопрос о необходимости исследования чужезем-
ной культуры, посредством которой можно найти ценные материалы
для самой русской истории.

Примечания

¹ Лебедев, А.К. В.В. Стасов / А.К. Лебедев, А.В. Солодовников. – М., 1976. – С. 8.

² Леонтьева, О.Б. Стратегии внутреннего ориентализма в российской мысли XIX – начала XXвв.: Ориентализация прошлого // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. Сб. материалов Международной научной конференции / Науч. ред. А. О. Чубарьян. – М.: ИВИ РАН, 2007. – С. 302.

³ Стасов, В. В. Происхождение русских былин // Вестник Европы. – СПб, 1868. – № 6. – С. 591.

⁴ Леонтьева, О.Б. Стратегии внутреннего ориентализма в российской мысли XIX – начала XXвв.: Ориентализация прошлого // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. – С. 302.

⁵ Стасов, В. В. Происхождение русских былин // Вестник Европы. – СПб, 1868. – №6. – С. 663.

⁶ Стасов, В. В. Происхождение русских былин // Вестник Европы. – СПб, 1868. – №7. – С. 308.

⁷ Леонтьева, О.Б. Стратегии внутреннего ориентализма в российской мысли XIX – начала XXвв.: Ориентализация прошлого // Имперские и национальные модели управления: российский и европейский опыт. – С. 303.

⁸ Стасов, В. В. Происхождение русских былин // Вестник Европы. – СПб, 1868. №7 – С. 345.

**ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ САМАРСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (1913-1916 ГГ.)**

Самарское археологическое общество (САО) было зарегистрировано 7 мая 1916г. на основе музейного кружка, собиравшегося при Самарском городском музее¹. Этому событию предшествовала трехлетняя борьба за создание Общества.

В 1913г. Ф.Т.Яковлев «как археолог-любитель, занимающийся собиранием различного рода коллекций древностей» согласился с мнением члена Саратовской архивной комиссии Б.В.Зайковского, обратившего внимание на слабое охранение памятников старины в Самарском крае и на отсутствие археологической организации². Ф.Т.Яковлев предложил создать в Самаре археологическое общество, ибо проект устава Общества им уже «составлен и остается собрать любителей и <...> приступить к намеченным трудам»³.

Самарская общественность в лице депутата городской думы Н.А.Гладыша и присяжного поверенного Самарского Окружного суда А.Г.Елшина и др. поддержала предложение Ф.Т.Яковлева.

Согласно закону об обществах и союзах⁴ вышеперечисленными лицами было подано ходатайство об открытии Общества в губернское по делам об обществах и союзах присутствие. Заседание, посвященное регистрации Общества, состоялось 25 ноября 1913 г.

Ознакомившись с проектом устава археологического общества, постановили: «открытие в Самарской губернии частного археологического общества с правами, предоставленными приведением законом губернской архивной комиссии и губернским историческим архивам, не допустимо, а потому <...> в регистрации Самарского археологического общества, как не подходящего под действие Закона 4 марта 1906г. об обществах и союзах, отказать»⁵.

После отклонения просьбы о создании археологического общества на страницах «Волжского слова» представители разных слоев общества начали высказываться в защиту САО, доказывая необходимость создания подобного рода организации в Самаре.

Найдя постановление губернского по делам об обществах и союзах присутствия «незаконным», 13 декабря учредители Общества подали жалобу в первый департамент Правительствующего Сената.⁶

Ф.Т.Яковлев утверждал, что открытие Общества не противоречит ни одному из существующих законов, последовательно доказывая несостоятельность аргументов Присутствия.

«После некоторых препятствий, на преодоление которых потребовалось почти три года, Самарское археологическое общество получило, наконец, право существования»⁷. — отмечал А.Г.Елшин в своем докладе на общем собрании Общества.

7 мая 1916г. устав Общества был утвержден губернатором. А 25 мая в помещении городского музея состоялось первое общее собрание САО под председательством члена окружного суда В.Э.Бернера⁸. На этом собрании председателем был избран А.Г.Елшин, товарищем председателя — П.А.Преображенский, членами правления — С.А.Хованский, В.Э.Бернер, К.П.Головин, Ф.Т.Яковлев. Максимальная общая численность членов САО в первый год существования Общества составила 54 человек⁹.

Целью САО устав называл — «археологическое, историческое и этнографическое исследование края, собирание и охрана памятников древности и ознакомление с ними населения».¹⁰ Материальные средства Общества составлялись из членских взносов, «пособий различных обществ и учреждений и доходов с капиталов Общества, а также из сборов с устраиваемых Обществом лекций и выставок»¹¹.

Известие о регистрации САО встретило живой отклик обществ занимающихся изучением родного края по всей стране, что выразилось в объемах корреспонденции полученной от них Обществом¹².

Итак, Самарское археологическое общество было создано несмотря на сопротивление губернской власти, которая предпочитала «частным» общественным организациям учрежденные властью статичные и малоэффективные институты.

Первоначально планировалось предпринимать раскопки, разбирать сочинения, как рукописные, так и печатные, относящиеся к прошлому Поволжья, а также знакомиться и изучать дела и бумаги, хранящиеся в архивах казенных и общественных учреждений и т.п.¹³

Однако, будучи открыто только в 1916г., т.е. во время Первой Мировой Войны, потребовавшей от населения материальные средства и живую силу, не могло развить свою деятельность в намеченном масштабе, а оставшись без средств и работников, сосредоточило все свое внимание на городском музее.¹⁴

Таким образом, грандиозным планам учредителей Общества не суждено было осуществиться, именно трудности военного времени сделали невозможным систематическое и планомерное исследования края.

Примечания

1. ГАСО. — Ф.558. — Оп.1. — Д.15. — Л.1.
2. ГАСО. — Ф.429. — Оп.1. — Д.2. — Л.5.
3. Там же.

4. 1906г., марта 4 именной высочайший указ правительствующему сенату о временных правилах об обществах и союзах // Российское законодательство X – XX вв. / под ред. О.И.Чистякова. – Т.9. – М., 1994. – С. 200 – 217.

5. ГАСО. – Ф.429. – Оп.1. – Д.2. – Л.19.

6. Там же. – Лл.21-23.

7. Там же. – Д.3. – Л.1.

8. Там же. – Д.10. – Л.6.

9. Там же. – Лл.11-13.

10. Там же. – Д.2. – Л.12.

11. Там же. – Л.17.

12. Там же. – Д.8.

13. ГАСО. – Ф.429. – Оп.1. – Д.2. – Л.12.

14. ГАСО. – Ф.558. – Оп.1. – Д.15. – Л.2.

Е.Д. Арапова

*Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова*

ПРИСЯЖНАЯ АДВОКАТУРА В РУССКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Появление в России присяжной адвокатуры в 1866 году – важнейшее этапное явление не только в истории русского суда, но и в общественной жизни всей России. Историко-культурная значимость данного феномена подтверждается наличием информации о соответствующей реакции общества на это событие. Она нашла свое отражение в самых разных источниках. Среди них была и сатирическая печать, до сих пор по этому вопросу системно специально не исследовавшаяся.

Комплексный анализ массива сатирических журналов пореформенного времени показывает наличие значительного интереса у русского общества к адвокатуре. Размещение на страницах таких журналов как «Будильник», «Развлечение», «Искра» материалов о народившемся «профессиональном сословии» присяжных поверенных способствовало повышению спроса на эти издания, ибо читательская среда хотела знать как можно больше о данной стороне жизни пореформенного суда.

Особое место здесь для нашей темы имеет такой жанр русского изобразительного искусства как карикатура. Особенность сатирической печати – необходимость молниеносной реакции на остро злободневные темы дня – позволяет проследить наличие определенных тенденций в

отношении общества к присяжной адвокатуре (как одобрительного, так и негативистского плана)¹, и выявить те или иные факты из жизни известных адвокатов (Александра Ивановича Урусова, Федора Никифоровича Плевако и некоторых других)². Очевидно, что карикатура может служить ценным дополнением при использовании традиционно применяемых при исследовании этой темы (текстовых) материалов. (Мы располагаем весьма значительным материалом изобразительных источников, прежде всего карикатур по судебным делам, но их изучение должно стать предметом особых специальных работ).

Анализ сатирической печати как источника по истории русской присяжной адвокатуры позволяет лучше и глубже проследить общие тенденции, характерные для такого сложного и противоречивого явления как воплощение в жизнь судебной реформы 1864 года.

Примечания

1. Развлечение. — № 2. — М., 1872. — С. 28; Будильник. — № 43. — М., 1868. — С. 435.

2. Будильник. — № 15. — М., 1871. — С. 114; Будильник. — № 43. — М., 1878. — С. 3.

А.В. Ермошин

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Казань)

РОЛЬ ПРЕДМЕТА “ЗАКОН БОЖИЙ” В ГОСУДАРСТВЕННОМ ВЛИЯНИИ НА ДУХОВНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Одним из способов влияния государства на общественное сознание в дореволюционной России была система религиозного образования и воспитания, охватывавшая не только многочисленные духовные учебные заведения, но и все светские образовательные учреждения на всех ступенях образовательного процесса. Не были исключением и средние учебные заведения Российской империи: гимназии, училища, институты и др., где важной составной частью учебных программ был предмет “Закон Божий”.

Государственная власть оказывала прямое влияние на организацию учебного процесса по этому предмету. Высочайше утвержденные Уставы гимназий и прогимназий, министерские предписания и другие документы строго регламентировали место и роль Закона Божьего в средней школе, структуру предмета, схему подбора и утверждения препода-

вательских (законоучительских) кадров, требования к поступающим в средние учебные заведения в плане осведомленности в данном предмете.

Духовные власти в лице Святейшего Синода и епархиальных архиереев могли зачастую влиять лишь на содержание самих учебных курсов в рамках предмета (Священная история Ветхого и Нового Завета, церковная история, Катехизис, учение о богослужении и т.д.), на составление и отбор учебной литературы, на содержание экзаменационных программ по Закону Божьему, на методику его преподавания, но и здесь ощущается сильный контроль государства в лице чиновников учебного округа и министерства народного просвещения. Часто эта государственная опека проявлялась и в довольно грубых методах, например, в навязывании в начале XIX века православным законоучителям заведомо неправославных авторов для чтения на уроках, в то время как традиционные святоотеческие тексты находились фактически под запретом, в пропаганде различных “библейских кружков” и т.п.

Система религиозного образования со времени появления в России первых светских средних учебных заведений в начале XVIII века прошла довольно существенную эволюцию, выкристаллизовавшись преимущественно к середине XIX века (Устав гимназий и прогимназий 1864 г. и последующие). Она была в целом едина для всех средних учебных заведений страны, поэтому вполне возможно рассматривать ее на примере гимназий и иных средних школ Казани – центра весьма обширного Казанского учебного округа.

Важные перемены происходят после 1905 г.: ощущается большая свобода от государственной “заботы”, дается большой простор для реализации законоучителями творческого подхода в преподавании, для расширения спектра методов обучения (в т.ч. для методического новаторства). Этот процесс был прерван революционными событиями 1917 г. и отделением школы от Церкви в 1918 г.

А.А. Рогач

Самарский государственный университет

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ САМАРСКОЙ И САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война, затем революционные события кардинальным образом изменили жизнь провинциального обывателя. Большой интерес при исследовании повседневной жизни представляет внебюджетная сфера, время отдыха и досуга. Театр, отвечая на запросы публики,

в определенной степени отражает духовный и культурный облик общества в целом и его отдельных страт. Вместе с тем, театр, испытывая влияние со стороны государства, выполняет определенную роль в формировании гражданской позиции, развитии патриотизма. Анализ театра в контексте изучения повседневной истории дает возможность проследить влияние социальных, культурных, политических изменений на данную сферу искусства. Кроме того, мы можем выяснить, каким образом эти изменения проявились на театральной сцене. В свою очередь изменения в театральной жизни говорят не просто о реорганизации самого театра, но также дают представление о социально-политическом развитии общества в изучаемое время.

В рассматриваемый период развлечений в Самаре было не много, однако в городе действовало 3 театра: Драматический, Оперный, в третьем – “Олимпе” выступали приезжие артисты. Именно игру приезжих артистов положительно характеризовал М.Н. Тихомиров, проживавший в Самаре в это время¹. Самарскими городскими театрами демонстрировались зрителям драмы и трагедии: “Смерть Иоанна Грозного”, “Каширская старина”, “Потонувший колокол”, “Разбойники”, “Графа де-Ризор”, комедии “Волки и овцы”, “Ревизор” и многие другие². Опера была представлена такими произведениями, как “Дубровский”, “Кармен” и исполнялась приезжей труппой под руководством Д.Х. Южина и П.П. Россолимо³.

Театральное дело и кинематограф при новой власти находились под контролем местных отделов искусств. У большевистского руководства была сформулирована четкая установка по отношению к учреждениям искусства: “...наполнить душу зрителей высоким чувством героизма, самопожертвования, идеями социализма, осмеять лицемерие и лживость разлагающегося капиталистического общества, сделать театр народным в полном смысле этого понятия...”⁴. Большевики, осознавая значительное влияние театральной сферы на умы и настроение обывателя, очень критично отнеслись к театральному репертуару дореволюционного периода. Соответственно, в первую очередь, как в Самаре, так и в Саратове проводилась работа по его упорядочению, изменению декораций. Острой критике подверглись постановки, не соответствующие обличительным мотивам советской действительности, “чуждые народным идеалам добра и справедливости”.

В Самаре отрицательные отзывы получили пьесы “Лес” Островского и “Волна” Рышкова. Обе постановки были признаны антихудожественными, серыми, демонстрирующими узость кругозора своих героев⁵. Для улучшения ситуации предлагалось “фильтровать” многовековое художественное наследие и выбирать то, что было терпимо и допустимо на советской сцене. Таким требованиям отвечала пьеса Гейермана “Гибель Надежды”. Драма на протяжении четырех актов яркими

штрихами рисовала “гнусную эксплуатацию труда рабочих-моряков судовладельцами, расценивающими десятки и сотни человеческих жизней с точки зрения своего кармана, благополучия и спокойствия”⁶. Однако и постановки, казалось бы, угодных произведений вызывали подчас нелестные отзывы критиков. Так, опера Южина “Демон” подверглась жесткой критике из-за плохой игры актеров, которые халатно отнеслись к своим обязанностям⁷.

Театральная жизнь Саратовской губернии отличалась большей насыщенностью и разнообразием. К услугам местных театралов были следующие учреждения: Советский оперный театр имени Н.А. Римского-Корсакова (бывший оперный театр имени Очкина), Народный драматический театр имени Ф. Энгельса, Детский драматический театр имени В.И. Ленина⁸. Театры возникали также в уездных центрах, Например, 17 октября 1918 г. постановкой “Власть тьмы” по пьесе Л.Н. Толстого был открыт драматический театр в здании Народного дворца города Балашова. В Покровске 4 марта 1919 г. в бывшем театре “Пробуждение”, прибывшими из Петрограда артистами, был открыт городской драматический театр имени А.В. Луначарского⁹. Несмотря на существование определенных идеологических рамок, у местных театров оставалась возможность радовать своего зрителя постановками произведений классической литературы. Среди них можно выделить следующие: оперы “Снегурочка” Н.А. Римского-Корсакова, “Демон” А.Г. Рубинштейна, “Князь Игорь” А.П. Бородина; драматические постановки “Синяя птица” М. Метерлинка, “Власть тьмы” Л.Н. Толстого, “Царь голод” Л. Андреева и другие¹⁰.

Подготовкой актеров в Саратове с осени 1920 г. занимались мастерские театрального искусства. Это учреждение являлось высшим учебным заведением. Для выявления способностей учащихся при ВГМТИ были созданы опытные студии — мастерские сценических постановок с двухлетним курсом обучения¹¹.

Кроме профессиональных театров, распространение получили любительские, создавались драматические кружки, при рабочих клубах устраивались спектакли. Одним из первых возник Сергиевский драматический театр профсоюза грузчиков (март 1918 г.), позднее Драматический театр железнодорожников (февраль 1919 г.)¹². Артисты-любители не переоценивали своих сил, старались не браться за очень сложные произведения. В Сергиевском театре шли такие спектакли, как “Женитьба” Н.В. Гоголя, в “Чужом пиру похмелье” А.Н. Островского, Фарфоровые куранты Чуженина¹³.

Заслуженная театральная актриса и режиссер Зинаида Михайловна Славянова, работавшая в рассматриваемое время в Самаре, указывала на то, что население, утомленное войной и разрухой, пыталось как-то раскрасить свои будни, а потому по возможности стремилось из дома.

Артистка подметила следующий факт: “Буржуазия почти скрылась. Обычных посетителей лож, первых рядов партера... не стало видно даже до большевистского переворота”¹⁴. По ее мнению интеллигенции также было не до театра, так как многие ее представители были заняты общественной деятельностью¹⁵.

В революционный период социальная структура претерпевала существенные изменения, что незамедлительно сказалось на облике театральной аудитории. “В антрактах между актами стали громче, страстные хлопки, но появились семечки и поцелуйные причмокивания с галереи даже в городском театре. <...> Артисты “Олимпа” умоляли публику не бросать на сцену, хотя бы тяжелые вещи, — с легкими они мирились...”, — отмечала З.М. Славянова¹⁶.

Культурный уровень театрального зрителя в значительной степени обуславливал профессионализм игры на сцене. Ориентация на менее взыскательного зрителя снижала уровень даже тех актеров, игра которых раньше не вызывала нареканий. З.М. Славянова вспоминала, что “к первому марта 1918 года артисты, по общему мнению, даже очень хорошие, стали играть много хуже”¹⁷.

Революционные события изменили социальный облик любителей театра. Став доступным и общенародным, театр привлек большие массы новых зрителей, обладавших невзыскательным вкусом и отличавшихся невысоким культурным уровнем. Успех у публики доставался актерам проще, чем раньше, соответственно уровень актерского мастерства быстро снижался. Кроме того, в это время государство заняло активную позицию по отношению к учреждениям искусства. Большевики стремятся приспособить театральную сферу к нуждам создававшейся идеологии, сделать его проводником революционных идей. В подходе к театральному репертуару начинают проявлять себя идеологические штампы, получившие активное распространение в последующие десятилетия.

Примечания

¹ Тихомиров, М.Н. Самара в моей жизни (1919-1923) / М.Н. Тихомиров. — Самара, 1994. — С. 20.

² Известия Самарского отдела искусств. — Самара, 1919. — № 1. — С. 12.; № 3. — С. 12-13, 16.

³ Там же. — № 4. — С. 8.

⁴ Культурное строительство в Саратовском Поволжье: документы и материалы / Сост. Г.А. Малини, З.Е. Гусаков. — Саратов : Приволжское книжное издательство, 1985. — С. 218-219.

⁵ Коммуна. — Самара, 1919. — 25 июня, 6 июля.

⁶ Там же. — 15 июля. — С. 2.

⁷ Там же. — 27 августа. С.2.

⁸ ГАНИСО. — Ф. 605. — Д. 205. — Л. 2, 4.

⁹ Культурное строительства в Саратовском Поволжье... — С. 277, 278.

¹⁰ Там же. — С. 220, 277, 278; Хроника революционных событий в Саратовском Поволжье 1917-1918 гг. — Саратов : Приволжское книжное издательство, 1968. — С. 267.

¹¹ Там же. — С. 214.

¹² Там же. — С. 217, 278.

¹³ Там же. — С. 217.

¹⁴ Славянова, З.М Искусство и революция в Самаре 1917-1918 годов / З.М. Славянова // Революция 1917-1918 гг. в Самарской губернии. Самара, 1918. — Т. 1. — С. 107-108.

¹⁵ Там же. — С. 108

¹⁶ Там же. — С. 108-110.

¹⁷ Там же. — С. 110-111.

М.С. Аникушина

*Самарский государственный
экономический университет*

СОВЕТСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САТИРЕ 1920-Х ГОДОВ

История нового общества, создание которого в России началось после октябрьского переворота 1917 г., традиционно изображалась в советской историографии как успешно развивавшийся поступательный процесс. В первую очередь, это касалось переустройства повседневной жизни, семейного уклада, ведения домашнего хозяйства, устройства жилища, сферы досуга, то есть того, что непосредственно влияло на формирование облика так называемого нового человека. Широкое распространение получила литература о быстром и безвозвратном искоренении пережитков или, как тогда говорили, родимых пятен капиталистического прошлого: пьянства, преступности, проституции, бюрократии, самоубийств.

В сатирическом журнале «Крокодил» к постоянным темам относились: мелкое хулиганство (эпопея краж электророзеток в подъездах домов и на фонарных столбах проходит сквозь весь журнал на протяжении пяти лет, с 1924 по 1928 год), недочеты рыночной и кооперативной торговли, нерадивость дворников, обшаривание пассажиров трамвай-

ными кондукторами, недостатки общественного питания, ошибки бюро погоды, нарушение правил уличного движения и др.

В сатире затронута была и тема городского здравоохранения. Быт и нравы некоей больницы описаны в рассказе М. Зощенко «История болезни». В этой больнице посетителей встречает на стене «жизнерадостный» плакат, в котором говорится о том, что выдача трупов происходит от трех до четырех часов. Фельдшер же вразумляет больного, которому не нравится это объявление, говоря, что больной может критиковать это объявление в том случае, если он поправится, что вряд ли произойдет в этой больнице¹.

Двадцатые годы XX века — это время возрождения общественного транспорта, который также нашел свое отражение в советской сатире. Мудрствования кондуктора в трамвае, вечно переполненным пассажирами, описываются в рассказе П. Романова «Плохой номер»: «Дело не в вагоне, — поучает кондуктор, — а в номере. На других номерах никогда, столько народу не бывает, а тут постоянно, как сельди в бочке»².

Заработная плата в крупных городах к середине 1920-х годов значительно возросла и составило примерно у фабрично-заводских служащих 55 рублей, а у служащих учреждений и торговых предприятий 78 рублей и 65 копеек³. Однако очень распространенным явлением в то время была выдача зарплат продуктами производства. М. Булгаков в «Дьяволиаде» иронично говорит о том, как работникам производств выдали зарплату: «кому негорящими спичками, кому церковным вином, кому скверной пайковой колбасой»⁴.

Как известно, с осени 1921 г. стала широко развлекаться кооперативная и государственная торговля. В Москве были открыты универсальные магазины: Бауманский, Замоскворецкий и другие, начал свою работу и Государственный Универсальный Магазин на Красной площади (ГУМ), восстановлены были Верхние и Средние торговые ряды, Лубянский пассаж, развивалась и частная торговля⁵. Об этом рассказывает М. Булгаков в своем «Торговом ренессансе»: на оголенных стенах цветной волной полезли вывески с каждым днем все больших размеров, на Петровке в сумеречные часы дня из окон на черные от народа тротуары льется непрерывный электрический свет (но вместе с тем ощущалась острая нехватка электричества в жилых домах), блестят окна конфесинов⁶.

Тема кооперативов была затронута А. Зоричем в его сатирическом произведении «Башмаки». Суть составляет не раскрытие образа монтера, а развитие темы плохих башмаков — блестящих по виду, но очень плохих по качеству.

Московские гостиницы также нашли отражение в сатире 1920-х гг. Например, М. Булгаков в «Похождениях Чичикова» описывает одну из московских гостиниц, куда въезжает Чичиков следующим образом: «Все

решительно в ней было по-прежнему: из щелей выглядывали тараканы, и даже их как будто больше сделалось⁷.

В рассказе «Баня» М.М. Зощенко он дает комичное описание советской бани. К примеру, в советских банях давали по два бумажных номерка (за бельё и за пальто с шапкой), но номерки эти некуда было положить моющимся людям, и они привязывали их к ногам, к тому же была острая нехватка шаек для мытья и постоянная путаница с выдачей одежды по номеркам⁸.

Основными формами досуга советских граждан являлись чтение, в основном, агитационной литературы, посещение кинотеатров и театров. Большую популярность приобрели кондитерские и летний выезд горожан на съемные дачи. А игра на музыкальных инструментах и пение были широко распространены в пролетарской среде, но исполнять разрешалось не все произведения. Особой критике подвергались танцы, так как большевики считали их антисоветским проявлением и разложением молодежи. Поощряемыми были «русские» танцы – краковяк, кадрили, полька-тройка и др. поэтому «западные» танцы распространялись в приватной среде. В результате политизации повседневной жизни новые поколения молодежи овладевали не столько культурно-бытовыми нормами городской жизни, сколько культурой социалистической, представлявшей собой сложный конгломерат деревенских и псевдопролетарских политизированных традиций.

Примечания

¹ Зощенко, М.М. История болезни / Зощенко, М.М. // Голубая книга: рассказы / М.М. Зощенко. – М.: Правда, 1989. – С. 464.

² Романов; П.С. Плохой номер / Романов, П.С. // Избранные произведения. / П.С. Романов. – М.: Изд-во Художественная литература, 1988. – С. 211.

³ Лебина, Н. Б. Повседневная жизнь советского город : нормы и аномалии. 1920–1930 годы / Н.Б. Лебина. – СПб.: Изд.-торговый дом Летний сад, 1999. – С. 265.

⁴ Булгаков, М.А. Дьяволиада / М.А. Булгаков // Булгаков, М. А. Чаша жизни: повести, рассказы, пьеса, очерки, фельетоны, письма. Предисл. Б.В. Соколова; Сост., подгот. текста и коммент. Б.С. Мягкова, Б.В. Соколова / М. А. Булгаков. – М.: Сов. Россия, 1988. – С.24.

⁵ Горинов М.М. Москва в 20-х годах / М.М. Горинов // Отечественная история. – 1996. – N 5. – С. 6.

⁶ Булгаков, М.А. Торговый ренессанс / М.А. Булгаков // Булгаков, М. А. Повести, рассказы, фельетоны / М.А. Булгаков. – М. : Сов. писатель, 1988. – С. 435.

⁷ Булгаков, М.А. Похождения Чичикова / М.А. Булгаков // Булгаков, М.А. Похождения Чичикова: повести, рассказы, фельетоны, очерки 1919 – 1924 гг. / М.А. Булгаков. – М. : Современник, 1990.

⁸ Зошенко, М.М. Баня / М.М. Зошенко // Зошенко, М. М. Голубая книга. – М.: Правда, 1989. – С. 386-388.

Ф.В. Драчиков

*Волгоградский государственный
педагогический университет*

КУЛЬТПОХОД ПО ПОВЫШЕНИЮ ТЕХНИЧЕСКОЙ ГРАМОТНОСТИ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ ОСЕНЬЮ 1929 ГОДА

После революции 1917 года, промышленность и сельское хозяйство Нижнего Поволжья настоятельно требовали квалифицированных кадров, и их подготовка шла по всем возможным каналам. Культпоход дал еще один путь подготовки кадров через организацию технического и агрономического начального и среднего образования. В Нижнем Поволжье по решению партийных и общественных организаций осенью 1929 г. начались технический и агрономический походы, ставшие новыми звеньями культпохода. В основу организации был положен уже имевшийся опыт ликбезпохода, его основные принципы. Отличительной особенностью культпохода было то, что борьба шла не только с азбучной неграмотностью, но со всеми ее видами, в том числе и с технической и агрономической¹

Возглавлял техпоход краевой штаб, образованный осенью 1929 г. Он осуществлял общее руководство технической учебой в крае, а на местах эту работу вели подчинявшиеся ему городские и районные штабы техпохода, комиссии содействия на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях. В состав штабов входили представители партийных, комсомольских, профсоюзных организаций, хозорганов, ИТР, комиссий ликбеза, техникумов, вузов, рабочих-ударников. Задачей штабов было поднятие общего технического, общеобразовательного и политического уровней рабочих и, в первую очередь, ликвидация технической неграмотности, а также руководство сетью вечернего рабочего образования. В этом им помогали на местах комиссии содействия².

Обучение технической грамоте в системе техпохода велось в разных формах. Одной из них был техчас в ликбезе. Он был введен по обоюдному соглашению краевой Особой комиссии техпохода с осени 1929 г. в всех школах в обязательном порядке. Теперь в них шла одновременно ликвидация трех видов неграмотности: азбучной, политической

и технической. Технический час проводился 2 раза в пятидневку по заранее составленному плану, и его содержание не связывалось с общеобразовательным и общественно-политическим материалом ликбеза. Программы учитывали производственные запросы отдельных групп рабочих квалифицированных и неквалифицированных. Это обеспечивало лучшую организацию учебного процесса.

Следующее звено представляли кружки и курсы повышения квалификации и переквалификации. Кружки и курсы работали, как правило, на каждом предприятии, учитывая местные потребности в рабочей силе. Кроме технических дисциплин, в них изучали и некоторые общеобразовательные – обществоведение, химию, физику, математику и другие³.

Самой высшей ступенью рабочего образования в системе техпохода были рабочие университеты. Они возникли еще в середине 20-х годов. Их функция состояла тогда в расширении общеобразовательного уровня рабочих, в воспитании у них коммунистического мировоззрения. С началом техпохода они изменили свою программу в соответствии с его целями. В связи с большими потребностями в кадрах для народного хозяйства они стали содействовать повышению производственной квалификации слушателей, подготовке рабочих с большим производственным стажем к выполнению обязанностей среднетехнического персонала и готовить желающих к поступлению в технические вузы⁴.

Кроме вышеназванных были и такие формы распространения техзнаний, как чтение эпизодических лекций по отдельным техническим проблемам, проведение экскурсий на передовые предприятия, технические выставки, пропаганда технической книги. Этой работой руководила возникшая в марте 1930 г. краевая техническая станция. Она также оказывала консультационную помощь заочному техническому обучению.

Однако не везде техпоход проходил в благоприятных условиях. Сталинградский окружной отдел народного образования, например, в начале похода отказался предоставить помещения школ для занятий курсов и кружков, а в Астрахани был ряд случаев, когда со штабом техпохода города отказывались сотрудничать. В Саратове на заводе “Сотрудник революции” не выделили средств на организацию кружков, и это не единичный случай. Крайкому партии и крайштабу техпохода пришлось провести серьезную разъяснительную работу с такими руководителями, применив даже такую меру, как партийное взыскание. Но в целом можно сказать, что уже на первом этапе техпохода работа была успешной и результаты она дала хорошие; вместо 5250 человек, обучавшихся в сети вечернего рабочего образования в 1929/30 г., было обучено около 21 тысячи человек.

Партийным, комсомольским и профсоюзным организациям многих предприятий края удалось привлечь к технической учебе значительную часть рабочих. Это было серьезной победой культпохода. Общественные начала в подготовке кадров массовой квалификации позволили ускорить и сроки производственного обучения и сократить стоимость этого обучения, что было немаловажно в условиях индустриализации⁵.

Примечания

¹ Постановление секретариата крайкома ВКП(б) об организации похода за овладение техническими знаниями // ГАВО. – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 74.

² Постановление бюро крайкома ВКП(б) об итогах 1928/29 учебного года и мерах по ликвидации неграмотности 18 апреля 1929 г. // ГАСО. – Ф. 315. – Оп. 1. – Д. 240. – Л. 27, 40.

³ Справка начальника краевого штаба о ходе техпохода в Нижнем Поволжье // Материалы к отчету Нижне – Волжского крайкома ВКП(б). – С. 62.

⁴ Воеводский, И.К. Профессионально-техническая подготовка кадров для тяжелой индустрии СССР (1917 1972) / И.К. Воеводский. – Курск: Курский пед. ин-т, 1973.

⁵ Ермакова, Э.В. История рабочего класса СССР на страницах исторической периодики (вторая половина 20-х 30-е гг.) / Э.В. Ермакова // История СССР. – М., 1980.

Т.В. Семенова

*Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова*

ОБРЯД ЛАРМА В СРЕДЕ ПРИВОЛЖСКИХ ЧУВАШЕЙ

Историко-сравнительное изучение обряда ларма этнографических и территориальных групп чувашей позволяет выявить общие и специфические черты их традиционной духовной культуры. В основу исследования легли опубликованные исследования ученых, а также собственные полевые материалы, собранные в чувашских поселениях Республики Татарстан. Опорными точками были отобраны населенные пункты: с. Тоншерма, с. Верхние Тарханы Тетюшского района и с. Матаки, с. Чувашское Дрожжаное, Дрожжановского районов Республики Татарстан.

Ларма – межсельский молодежный обряд. Термин ларма представляет собой сочетание имени существительного от глагола лар «сиди» и словообразовательного суффикса – ма; буквально «сидение». Аналогичный обряд, описанный на русском материале, М.М. Громыко называет «специфической формой посиделок». Обряд проходил в рамках традиционной крестьянской этики и предусматривал общение молодежи разных селений¹.

Суть обряда состоит в приглашении девушек-родственниц в гости из соседних или дальних деревень. Традиция проводилась повсеместно. Притом существовали постоянные партнеры-деревни. Например, в с. Матаки ходили девушки из села Чувашское Дрожжаное и д. Хайбулдино [А]. Соответственно, между этими поселениями сохранялись прочные брачно-родственные связи. Наряду с приглашением в гости девушек из чужих деревень встречались случаи приглашения девушек из своей деревни. В этом случае выбирается девушка-родственница. Цель приглашений – подготовка приданного и знакомство с парнями из экзогамной группы. В центре ритуала оказывалась девушка из чужой деревни.

Ларма практиковалась в определенные календарные сроки. Салмин А.К. считает, что время проведения ларма – зимние месяцы, сразу же после сурхури. В отличие от них самарские чуваша связывают время ларма с концом зимы – началом весны, точнее с временем перед Зварни. Кроме того, существовали и летние ларма, однако они не практиковали широкое вовлечение публики и предназначались только для тех, кто не успевал к свадьбе подготовить вышивки². В с. Верхние Тарханы Тетюшского района Республики Татарстан на хер ларни девушки собирались, начиная с 14 августа (Медового спаса) до 21 ноября (Михайлова дня). Возможно, что здесь произошло наложение двух обрядов ларма и улах, что вылилось в нечто среднее между ними. Девушки собирались после полевых работ, ночевали в доме у женщины-вдовы, готовили одежду для приданного. Если девушка собиралась замуж, а приданное у нее не готово, другие девушки помогли ей подготовить приданное. Собирались 10-12 девушек [В,С,Д]. В с. Тоншерма Тетюшского района Республики Татарстан ларма начиналось с 12 октября и до рождества. Во время ларма оставались ночевать в том доме, где собирались. Здесь же знакомились с парнями, которые могли «заглянуть на огонек» к девушкам во время их работы [Е]. В книге «Чуваши: этническая история и традиционная культура» авторы называют зимние посиделки в избах, где временно отсутствовали старшие хозяева – ларни, а не ларма. На этих посиделках девушки пряли, а с приходом юношей начинались игры, участники посиделок пели песни, плясали и т.д.³.

Цель девушки-гостьи – успеть приготовить приданое, желательно побольше и получше, ибо у родителей она всегда занята повседневны-

ми делами и не имеет свободного времени. Если говорить прямо – это подготовка к замужеству. Основным ее занятием было пряжание, ибо нитки в большом количестве шли на изготовление себе одежды и на подарок. Занимались также вышиванием и шитьем.

В гостях девушка находилась от недели до месяца, это зависело от объема предстоящей работы и от того найдется ли за это время жених по нраву.

Во время ларма, как правило, пряли. За ночь девушки пряли до трех мотков ниток, а самые проворные и трудолюбивые успевали напрядь и больше четырех мотков ниток. Пока не заканчивалось «сырье», никто из девушек не уезжал в свои деревни. В с. Чувашское Дрожжаное нам рассказали такой случай, одна девушка очень хотела домой и чтобы для нее закончились посиделки (ларма) спрятала под снег волокна для пряжения (сяс) [F].

На ларма приходили парни. Некоторые из них – из других деревень. Таким образом, межсельский обряд собирал девушек и парней не менее чем из трех деревень. Юноши стремились выбрать лучшую обстановку для более близкого знакомства в дальнейшем. Важным было проявить инициативу и перекинуться словом, показать себя в танце, разговоре или оказать какую-либо услугу. Возьмет впоследствии парень ее в жены – это во многом зависело от родителей невесты⁴.

В исследованных нами селениях обряд ларма прекратился после Великой Отечественной войны.

Полевые материалы

1. ПМА 2008 – Полевые материалы автора: Республика Татарстан, 2008 г. (Дрожжановский, Тетюшский р-ны).

Список информаторов

А. Кузьмина А.Г.; 1928 г.р.; с. Матаки Дрожжановского района Республики Татарстан.

В. Васильева В.В.; 1942 г.р.; с. Верхние Тарханы Тетюшского района Республики Татарстан

С. Васильева С.П.; 1931 г.р.; с. Верхние Тарханы Тетюшского района Республики Татарстан

Д. Леонтьева М.П.; 1940 г.р.; с. Верхние Тарханы Тетюшского района Республики Татарстан.

Е. Кутяшова К.А.; 1940 г.р.; с. Тоншерма Тетюшского района Республики Татарстан.

Ф. Кушникова Е.С.; 1914 г.р.; с. Чувашское Дрожжаное района Республики Татарстан

Примечания

¹ Громыко, М.М. Традиционные формы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. / М.М. Громыко. – М., 1986. – С.239.

² Салмин, А.К. Система религии чувашей / А.К. Салмин. – СПб., 2007. – С.90.

³ Чуваша: этническая история и традиционная культура / сост. В.П. Иванов, В.В. Николаев. – М., 2000. – С.85.

⁴ Салмин, А.К. Система религии чувашей / А.К. Салмин. – СПб., 2007. – С.91.

А.В. Липатов

*Волгоградский государственный
педагогический университет*

ВЛАСТЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАЛИНГРАДСКИХ ХУДОЖНИКОВ И ПИСАТЕЛЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-Х ГОДОВ

Предметом данного исследования являются взаимоотношения властей и Сталинградских художников, писателей во второй половине 1950-х гг., в период «оттепели», когда под влиянием перемен в общественных процессах стал происходить процесс расшатывания одного из элементов «государственного социализма» — это тотальный контроль властей над духовной жизнью и образом мышления людей. Однако власть отчетливо понимала, что культура-это основа для политической жизни, поэтому партийно-государственный аппарат не хотел отказываться от этого руководства культурой.

Историография государственной культурной политики в СССР, как в целом, так и ее реализации в период «оттепели» в Сталинградском регионе не обширна, малочисленна.

Реализация цели данного исследования осуществлялась, главным образом, на базе изучения краеведческой литературы, монографий по истории искусств советского государства и архивных документов, хранящихся в Центре документации новейшей истории Волгоградской области. Задачи работы: раскрыть взаимоотношения власти и творческой интеллигенции, определить, как в деятельности Сталинградских художников и писателей нашел свое выражение механизм реализации государственной культурной политики.

После XX съезд КПСС (14-25 февраля 1956г.) работа Сталинградских художников и писателей, входящих в местные Отделения Союза Советских художников и Союза Советских писателей, получила новый

виток развития, т.к. было решено, что литература, печать и искусство должны отвечать за распространение и утверждение коммунистической идеологии в советском государстве и мире. Сталинградские художники, выполняя идеологические решения съезда и руководствуясь партийным документом «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа», в своих произведениях «пытались показать духовный облик и идейный рост нашего советского человека – патриота и творца коммунизма».¹ Создаются такие произведения, как «Эстакада Сталинградской ГЭС» Г. Печенникова, «Нефть пошла» М. Павловского, «Огни Сталинградской ГЭС» И. Бирюкова, а также групповая скульптура «Смена» Н. Павловской. Широкою общественную признательность в этом аспекте получили произведения таких писателей, как Н.Сухов с романом «Казачка», цикл стихотворений о женщинах поэтессы М.Агашиной, «Лето в степи» Н. Нефедовой, «Начало дружбы» М. Тугана и др.

В выступлениях участников Сталинградского областного совещания работников литературы и искусства, проходившего в начале марта 1956г. и на котором выступал секретарь Сталинградского обкома по пропаганде КПСС Д.П. Журавлев, отмечено, «сила литературы и искусства в том, что она вдохновляется великими идеями коммунизма».² Задачей советского искусства и литературы было формирование советского человека как сознательного строителя великого социалистического будущего, верно выполняющего ленинские заветы и постановления КПСС. Советский человек в таком случае становился инструментом реализации планов и идей партии, «живой» машиной, которая воплощала бы наяву поставленные цели и задачи.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что партийные работники находили целый ряд серьезных недостатков в деятельности художников и писателей. Главные из них заключались в том, что авторы мало отображали коммунистические идеи, роль КПСС в жизни общества. Начавшаяся внутренняя демократизация в СССР при Н.С. Хрущеве во второй половине 1950-х гг. не могла остановить стремления творческой интеллигенции отойти от уже традиционной лакировки реальной жизни людей в социалистическом обществе и пробовать реализовывать свои силы в новых художественных формах, чуждых принципу «партийности».

В справке Сталинградского отделения Союза советских художников о состоянии творческой работы местных художников говорится, что отсутствует тема труда; знатные сталевары, трактористы, каменщики, заслуженные учителя, чьи образы, воплощенные в искусстве, действительно, должны были воспитывать поколение того времени, будить в них такое же отношение к труду, остаются незамеченными художниками. Указывалось, что «тема быта Сталинградских трудящихся в творчестве художников отражалась недостаточно».³ Такая характери-

стика показывает соотношение между официальной пропагандой и деятельностью Сталинградских художников. Писательская интеллигенция начала пытаться реализовываться во всех видах литературного жанра, искать новые формы для выражения своих идей (писательская деятельность, таких Сталинградских авторов, как Р. Ошейко, В. Леднева, Л. Тыриной, А. Шейнина). Местная власть хотела видеть в произведениях Сталинградских авторов отражение руководящей деятельности КПСС в жизни страны; работу человека, как творца социалистического будущего, отвечающего моральному кодексу строителя коммунизма; героике трудовых будней.

Таким образом, власть подходила к культурной сфере с определенной задачей, которая выражалась в стремлении поставить ее на службу административно-командной идеологии. Деятельность местных писателей и работа художников призваны были проводить партийные идеи, показывать народу возможность построения коммунистического общества, т.е. должен был полностью реализовываться принцип «партийности» в искусстве. Проследивая взаимоотношения власти и деятелей культуры Сталинграда, отчетливо заметен предел творческой свободы и истинный смысл хрущевской «оттепели» в духовной жизни общества.

Примечания

¹ Доклад, стенограмма и выступления участников областного совещания работников литературы и искусства «XX съезд КПСС и задачи работников литературы и искусства». 5 марта 1956г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДН ИВО). – Ф. 113. (Сталинградский областной комитет КПСС). – Оп. 52. – Д. 119. – Л.161.

² Там же. – Л.1.

³ Справка бригады о состоянии творческой работы в Сталинградском отделении Союза советских художников. 3 марта 1957 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДН ИВО). – Ф. 113. (Сталинградский областной комитет КПСС). – Оп. 60. – Д. 120. – Л. 3.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ ТАССР ПО РУКОВОДСТВУ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В советском обществе государственному управлению подлежали все сферы человеческой деятельности, не была исключением и область культуры, которая являлась основным участком идеологического фронта.

Руководство духовной сферой включало в себя организацию работы органов управления культурой по таким ее сегментам, как: идейному, эстетическому, организационному. В данной статье предпринимается попытка изучения опыта организационной работы проводимой Министерством культуры ТАССР в учреждениях культуры республики.

Среди функций Министерства культуры ТАССР было руководство районными отделами культуры, библиотеками, избами-читальнями, сельскими клубами, домами культуры, парками культуры и отдыха, театрами, музеями, музыкальными учебными заведениями республики, а также оказание методической помощи учреждениям культуры в улучшении их работы по культурному обслуживанию населения. Ведомство кроме того проводило финансовый контроль и документацию ревизий деятельности культурно-просветительных учреждений, снабжало их техникой, предметами материального оснащения. Оно осуществляло мероприятия по строительству, реконструкции, ремонту зданий учреждений культуры. Остановимся подробнее на деятельности структурных отделов Министерства по выполнению указанных выше функций.

Отдел искусств нес ответственность за создание и исполнение государственного заказа на нужные режиму произведения, а также должен был обеспечить проведение в жизнь партийные решения в области культуры.

Источники свидетельствуют, что работники отдела были мало оперативны в работе, слабо руководили деятельностью театров и филармонии, не вникали в жизнь творческих коллективов, в результате чего идейно-художественный уровень работы в учреждениях культуры был низкий. Данный сектор намеренно отходил от решения принципиальных вопросов, ограничиваясь лишь регистрацией недостатков в работе театров, творческих союзов и концертных организаций.

Так, в 1954 г. отдел не контролировал выполнение репертуарных планов театров, вследствие чего имелись нарушения при их реализации. Например, в Альметьевском театре запланированная к постановке в 1954 г. пьеса «Капитан в отставке» не была осуществлена¹.

О работе фискальных подразделений Министерства культуры ТАССР можно судить по результатам рассмотрения годовых отчетов культурно-зрелищных учреждений. Так, в заключение составленное руководителем группы финансирования социально-культурных мероприятий Министерства Финансов ТАССР Раимовым С., отмечалось, что годовые отчеты за 1954 г. были представлены в Министерство финансов ТАССР с опозданием против установленных сроков от одного до тридцати дней по семи предприятиям из девяти. Постановка учета и отчетности в отдельных театрах находилась в неудовлетворительном состоянии, о чем свидетельствовали наличие бухгалтерских ошибок в представленных отчетах: так, по отчету Татарского Академического театра им. Г. Камала не подтверждались материалами инвентаризации – материалы и топливо на 145589 руб. и малоценный инвентарь на 7320 руб.². В театрах и госфилармонии не обеспечивалось надлежащее выполнение репертуарного плана и плана по количеству спектаклей. Это приводило к невыполнению плана по обслуживанию зрителей и по доходам. Руководители театров не только не соблюдали режим экономии в расходовании государственных средств, а напротив, допускали значительные перерасходы.

Ведомство слабо осуществляло систематический контроль за финансово-хозяйственной деятельностью учреждений культуры, не давало необходимых указаний по рассмотрению отчетов. Группой было также выявлено, что Министерство культуры республики не обеспечило выполнения Постановления СНК СССР от 1936 г. по осуществлению внутриведомственного контроля в 1954 г. Известны случаи, когда оставались не обревизованными за 1954 г. основные театры республики – оперы и балета им. М. Джалиля и Татарский академический театр³.

Снабжение культурно-зрелищных организаций находилось на низком уровне. В частности, в 1954 г. отдел снабжения недостаточно осуществлял противопожарные мероприятия, слабо обеспечивал учреждения культуры кабельной продукцией, кровельными и строительными материалами, мебелью⁴. При этом существовала постоянная необходимость в регулярном снабжении и более полном обеспечении учреждений культуры различными материалами.

Работники Министерства не вникали в работу подведомственных организаций, не контролировали их работу. Отделы культуры и районные дома культуры, не говоря уже о зональных и сельских клубах, жаловались на отсутствие руководства со стороны Республиканского Дома Народного Творчества (РДНТ) при Министерстве культуры ТАССР, его сотрудники мало бывали на местах, так как многие из них являлись совместителями. РДНТ не оказывал клубным учреждениям соответствующую помощь в вопросах развития художественной самодеятельности, не доводил до каждого клуба репертуары, вследствие чего клубы

ставили спектакли с устаревшими по своему содержанию пьесами. Работники ведомства, выезжая в районы, занимались сбором сведений, но, при этом не вникали в существо работы.

Часто работники Министерства свои выезды ограничивали только проверкой культурно-просветительных учреждений в райцентре. Имелись факты несвоевременной реакции на сигналы, поступающие из районов. К примеру, после сообщения о неудовлетворительной постановке работы о библиотеках Пестречинского района в 1954 г., туда не были направлены специалисты для оказания помощи⁵.

Министерство культуры ТАССР мало обращало внимания на оказание методической помощи домам культуры в создании новых народных театров, ансамблей народных институтов, духовых оркестров. Проводя смотры, конкурсы оно не обобщало опыт их организации. Отдельные методисты не четко представляли свои служебные обязанности. Встречались факты элементарного недобросовестного отношения к своим служебным обязанностям. Например, методист Лотфуллин Р., командированный в 1975 г. в Арский район республики с целью организации и проведения зонального смотра, к месту назначения не явился и отсутствовал в это время и на своем рабочем месте⁶.

О неудовлетворительном положении в сфере культуры ярко свидетельствует замечание, высказанное заместителем Министра культуры Железковым Е.М. на партийном собрании Министерства культуры ТАССР: «что мы дали нашим клубам нового в 1960 г. — нет ни плакатов ни брошюр. Мало выступаем в печати. В работе много формализма, необходимо заняться индивидуальной работой с каждым членом нашего коллектива. Дисциплина в Министерстве хромает, специалисты выезжают в командировки, а результатов нет»⁷.

Работники аппарата, бывая на местах, не добивались устранения отмеченных недостатков, не проявляли настойчивости в этом деле. Имели место случаи, когда после принятия решений и издания приказов, их исполнение не контролировали. Это создавало у работников безответственное отношение к поступающим директивным документам. Отмечалось, что не рационально использовались командировочные средства, в один и тот же район выезжало несколько человек из одной организации.

Необходимо было совершенствовать структуру руководства сельскими клубными учреждениями, добиться во всех сельсоветах единой клубной системы обслуживания, внедрения единого руководства и единого планирования. Оказание практической помощи домам культуры и клубам проводилось в форме отдельных и изолированных мероприятий, не чувствовалось слаженной системы.

Исследование показало, что в основном аппарат Министерства культуры был сосредоточен на составление различных директив, резолю-

ций, приказов и справок, а не на улучшение организационной работы. Ведомство проявляло мало оперативности и деловитости в руководстве культурно-просветительными учреждениями, оно не оказывало низовым работникам культуры действенной помощи.

Примечания

¹ Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). – Ф.1029. – Оп. 1. – Д.55. – Л.15.

² Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). – Ф.7237. – Оп.1. – Д.42. – Л.144,147.

³ Там же... – Л. 144,147.

⁴ НА РТ. – Ф.7237. – Оп.1. – Д.42. – Л.164.

⁵ НА РТ. – Ф. 1029. – Оп.1. – Д.51. – Л.35.

⁶ ЦГА ИПД РТ. – Ф.1029. – Оп. 1. – Д. 95. – Л.91.

⁷ ЦГА ИПД РТ. – Ф.1029. – Оп. 1. – Д 71. – Л.26.

Л.А. Панкратова

*Самарский государственный
педагогический университет*

БИБЛИОТЕКИ И СЕЛЬСКИЕ КЛУБЫ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ИХ РАБОТА ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ НАСЕЛЕНИЯ В 1950-1960 гг.

Начиная с момента прихода большевистской партии к власти в России, партия не оставляла своим вниманием культуру. Отныне культурная жизнь всей страны была «вмонтирована» в партийно-государственную систему и была одним из основных опорных столпов. Государство принимало самое активное участие в деле приобщения населения к культуре.

К сожалению, критерием эффективности работы учреждений культуры были количественные показатели. Чем большее количество населения привлечено было к работе в учреждениях культуры, тем больше руководство ценило работу этих учреждений.

В марте 1953 года было создано Министерство культуры РСФСР, которое фактически целью своего существования ставило, прежде всего, всестороннее проникновение идеологии в культурную жизнь. Уже в октябре 1953 года из Главного Управления в местные структуры было разослано письмо, в котором местные подразделения должны были активно включиться в пропаганду решений сентябрьского Пленума ЦК КПСС.¹

Такие меры пропаганды принимались и на местном уровне: так, в июле 1955 года Куйбышевский облисполком принял решение «О мероприятиях по пропаганде постановлений июльского Пленума ЦК КПСС», что предусматривало проведение чтений лекций, бесед, проведение иллюстрированных выставок.² Фактически работники культуры должны были выполнять функции, не имеющие прямого отношения к культурной работе.

Работники культурно-просветительных учреждений должны были обладать практически энциклопедическими знаниями. В середине 1950 – х годов сельским учреждениям культуры была поставлена задача коренного улучшения работы по пропаганде сельскохозяйственных знаний, что приводило к принудительному изучению работников культуры основ агротехники, зоотехники, знания экономики колхозного производства и достижений колхозников- передовиков, совхозов, МТС.³

Необходимо отметить, что в данный период были и положительные тенденции в работе учреждений культуры. Некоторые работники культуры в силу своих возможностей старались заинтересовать население. В сельской местности самой распространенной формой приобщения к культуре были просмотр кинофильмов и чтение книг. И здесь очень многое зависело от работы библиотекаря. В Куйбышевской области наблюдается в данный период тенденция увеличения интереса к библиотекам. Если в 1953 году количество читателей было равно 281,3 тыс. человек, то в 1955 – 349, 8 тыс. человек. Количество выданной литературы увеличилось с 5 176, 5 тыс. экземпляров в 1953 году до 6 223,6 тыс. экз. в 1955 г. ⁴

После принятого в сентябре 1959 года постановления ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране» только в одной Ульяновской области было привлечено 1 335 книгонош.⁵ Традиционно было отмечать каждый приближающийся съезд партии трудовыми свершениями. В преддверии XXII съезда КПСС библиотекари Кошкинского района Куйбышевской области приняли обязательство донести книгу до каждой семьи. Кроме того, в 1960 – 61 годах библиотекари часто совершали подворовый обход местного населения, проводились пункты громкого коллективного чтения, иногда даже переходили на удлинённый рабочий день и непрерывную рабочую неделю.

В самих библиотеках, начиная с 1953 года, постоянно проводилась чистка литературы, при этом политическая литература, на страницах которой высказывались мысли, не угодные правящей партии, подлежала изъятию.⁶

С работой библиотек была органично связана работа клубных учреждений. Кроме обязательных лекций, бесед и т.п. городские дома, районные клубы и сельские дома культуры имели в своей структуре различные кружки художественной самодеятельности. Чем большее

количество трудящихся посещало эти клубы, тем выше оценивалась работа коллективов. В Куйбышевской области на начало 1951 г. в клубах, районных домах культуры, избах-читальнях насчитывалось 1 222 кружка.⁷ Пензенская область также имела большое количество кружков — одних только драматических 1015.⁸

Развитию культуры со стороны властных структур уделялось довольно пристальное внимание. В регионе постоянно проводились различные смотры, конкурсы, фестивали. К примеру, в Куйбышевской области в 1954 году проводился областной смотр художественной самодеятельности, в котором приняли участие свыше 7 тыс. человек. В работе смотра особенно отличились представители Похвистневского, Богатовского, Челно-Вершинского, Кинель — Черкасского районов. В то же время представители Шенталинского, Ново — Буянского, Алексеевского и Больше — Глушицкого районов не приняли участия в работе смотра.⁹

Таким образом, культурные учреждения региона постоянно должны были привлекать население. К сожалению, количественные характеристики, которые можно встретить в архивных документах, не дают представление об качественном культурном развитии населения региона. К примеру, рост числа посетителей библиотек не всегда означает увеличение истинных ценителей книг, любящих произведения писателей. Если рассматривать статистические данные, то в данный период происходит повсеместное увеличение участия населения в разнообразных кружках, клубах. Но такой прогресс не всегда переходит в действительное участие рядовых граждан в культурной жизни советского общества.

Примечания

¹ ГАУО. — Ф. 3049. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 70.

² ГАСО. — Ф. 4076. — Оп. 1. — Д. 30. — Л. 2.

³ ГАУО. — Ф. 3049. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 19.

⁴ ГАСО. — Ф. 4076. — Оп. 1. — Д. 46. — Л. 6.

⁵ ГАУО. — Ф. 3049. — Оп. 1. — Д. 98. — Л. 89.

⁶ См., например ГАУО. — Ф. 3049. — Оп. 1. — Д. 98. — Л. 88; ГАСО. — Ф. 4076. — Оп. 2. — Д. 97. — Л. 7.

⁷ Культурное строительство в Куйбышевской области... — С. 58.

⁸ Культурное строительство в Пензенском крае ... — С. 96.

⁹ ГАСО. — Ф. 4076. — Оп. 1. — Д. 20. — Л. 17-18.

ЮБИЛЕЮ ВУЗА ПОСВЯЩАЕТСЯ

В этом, 2008 году, 7 ноября нашему Самарскому государственному университету исполняется 90 лет. Это тот возраст, когда можно и нужно подводить итоги и думать о перспективах на будущее.

В далеком 1918 декретом №21 Совета Народных Комиссаров было постановлено учредить ряд университетов, в числе которых и наш¹.

Возглавил вуз профессор А.П.Нечаев – один из основателей педагогической психологии, который дважды избирался его ректором (в 1918 и 1921 гг.)². В университет пришли работать такие столпы науки как академик В.Н.Перетц, который занимался общими вопросами литературоведения, взаимоотношениями литературы и фольклора, связями русской, украинской и польской литератур и народного театра XVII—XVIII вв.³ А.П.Баранников – профессор по кафедре санскрита и сравнительного языкознания, В.П. Андрианова – Перетц – исследователь древнерусской литературы, профессора Е.И.Тарасов, П.Ф.Преображенский – специалист в области истории Древней Греции и Древнего Рима, этнологии и истории международных отношений, Н.П. Грацианский – его работы были посвящены исследованию аграрной истории раннего средневековья, истории древних германцев, западных славян, анализу варварских правд, П.М.Никифоровский – профессор медицины, ученик И. П. Павлова, В.В. Гориневский – ученый-гигиенист, который впервые в стране ввел преподавание курса физической культуры и врачебного контроля, Л.И.Сергиевский, Е.Л.Кавецкий и многие другие. В университете обучалось свыше 2000 студентов. Но из-за финансовых затруднений вуз был закрыт в 1927 г. На основе университета в конце 20-х – начале 30-х годах были созданы педагогический, плановый, медицинский, сельскохозяйственный институты.

Примечания

¹ ГАСО. – Ф. Р–1255. – Оп.1. – Д.59.

² Лебедева, Е.В. Научно-исследовательская деятельность Самарского государственного университета. 1918–1927 гг. / Е.В. Лебедева. – Самара, 2000.

³ Андрианова–Перетц, В.П. Владимир Николаевич Перетц (1870–1935) / В.П. Андрианова–Перетц // Перетц, В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII вв. – М.; Л., 1962. – С. 206–253.

**РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
ПО ОТНОШЕНИЮ К ДУХОВЕНСТВУ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ
В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ. (1964-1982).**

Особый период в жизни Русской православной церкви составили 18 лет (1964 – 1982), прошедшие после окончания хрущевской «оттепели», на которые пришлись последние годы патриаршества Алексия I и 11 лет патриаршества Пимена.

Показательно сопоставление «начала» и «конца» этого сложного и неоднозначного времени – с 1965 по 1982 гг. – хотя бы по некоторым количественным и качественным характеристикам.

Так, о кризисных явлениях в РПЦ в 1960-е гг. свидетельствовала острая нехватка священников. При этом «дефицит» служителей культа рос из года в год. По причине недостатка священников в целом по стране в 1960-е гг. не действовало 755 православных церквей.¹

Ухудшался и качественный состав духовенства. Около половины всех служителей культа в православии – лица старше 60 лет, 70% имели только низшее светское образование, 55% не имели никакого богословского образования.²

В Оренбургской области дело обстояло несколько лучше, но тоже имелся ряд особенностей. Так, в 1965 г. всего по области насчитывалось 30 зарегистрированных служителей культа.³

К концу 1960-х гг. число зарегистрированных служителей культа несколько возрастает. В православных религиозных обществах в указанный период зарегистрировано 23 священника и 9 дьяконов. Это составляло 1,8 священника и 0,7 дьякона на общество.⁴

В целом ситуация по стране складывалась достаточно сложная. Так, в 1968 г. естественная убыль священников, а также уход из церквей по разным мотивам составили 267 человек, а духовные учебные заведения подготовили только 41 священника.⁵ В Оренбургской области также имели место случаи, когда священники по собственному желанию отказывались от сана.⁶

Ситуация в количественном и качественном составе духовенства начинает меняться с середины 70-х гг. Так, в сравнении с серединой 60-х гг. количество иерархов в 1980-е гг. осталось неизменным – 74 человека. Однако в епископате произошли существенные изменения. Число лиц старше 60 лет сократилось с 62,2 до 30%. С 70-х гг. XX века средний возраст посвящаемых в епископы составил 40-45 лет, тогда как раньше – 50-55 лет. Имели место случаи посвящения в епископы

лиц моложе 40 лет. Повысился и образовательный уровень: с иерархов имели среднее светское образование, более 80% — высшее богословское образование.⁷ Шел процесс омоложения кадров духовенства: в 60-х гг. типичной фигурой был священник старше 60 лет, в 80-х — от 40 до 60. Повысился их общеобразовательный уровень: половина священнослужителей имела среднее светское образование, возросло число лиц с высшим светским образованием. Более половины духовенства в начале 1980-х имело среднее и высшее богословское образование.⁸

К 1982 г. приходы Оренбургской епархии были полностью укомплектованы священнослужителями, возраст большинства из которых колебался от 40 до 50 лет.⁹

Заметные изменения за этот период произошли и среди прихожан Русской православной церкви. Несмотря на то, что посещаемость храмов снижалась, так как большинство населения страны стало составлять поколение, воспитанное вне церкви, более частыми становились случаи религиозного обращения людей, выросших в атеистических семьях.

На основании выборочных сведений, полученных в результате социологических исследований, можно считать, что число сознательных верующих в конце 1970-х годов составило примерно 30-40 миллионов.¹⁰

Особенно тщательно уполномоченными Совета по делам религий изучалась проповедническая деятельность духовенства, которая отражала его настроение.

Так, проповедническая деятельность в Оренбургской области какого-либо организованного начала не имела. Да и сам епископ Леонтий утверждал, что не следует вносить в это дело организацию. Поэтому в православии часть служителей культа с проповедями не выступала. Ряд священников переписывали проповеди из «Журнала Московской патриархии», а затем читали их прихожанам. Некоторые священники делали перевод старославянских текстов евангелия на русский язык, читали их и считали проповедями.¹¹

В условиях государственного контроля за деятельностью священнослужителей, им приходилось приспосабливаться к изменившимся условиям. Особенностью церковной пропаганды в условиях 1960-х — 1980-х гг. являлось стремление примирить религию с наукой.¹²

Таким образом священники уже в 1970-е — 1980-е гг. лояльно относились к Советской власти, между представителями исполнительных органов и священниками складывались ровные отношения. Кадровая проблема к началу 1980-х гг. также была решена: количественный и качественный состав духовенства улучшался в связи с ростом числа духовных учебных заведений, а следовательно рос и образовательный уровень священников. Тот факт, что с середины 1970-х гг. средний возраст посвящаемых в епископы составил 40-45 лет, говорит о многом.

Примечания

¹³ Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНННННН). — Ф.371. — Оп.38. — Д.67. — Л.32.

² Бессонов, М.Н. Православие в наши дни / М.Н. Бессонов. — М., 1990. — С. 95.

³ ЦДНННННН. — Ф. 371. — Оп.33. — Д.128. — Л.41-42.

⁴ ЦДНННННН. — Ф. 371. — Оп.38. — Д. 67. — Л.11.

⁵ ЦДНННННН. — Ф.371. — Оп.38. — Д.67. — Л.32.

⁶ ЦДНННННН. — Ф.371. — Оп.40. — Д.58. — Л.21.

⁷ Васильева, О.Ю. История Православной церкви на страницах школьного учебника / О.Ю. Васильева // Отечественная история. — 2002. — №3. — С. 48.

⁸ История религий в России / под ред. О.Ю. Васильевой. — М., 2004. — С. 238-240.

⁹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). — Ф. 617. — Оп.1. — Д. 421. — Л.5.

¹⁰ Цыпин, В. История Русской Православной церкви 1917-1990 гг. / В. Цыпин. — М.: Хроника, 1994. — С. 187-188.

¹¹ ЦДНННННН. — Ф.371. — Оп.38. — Д.67. — Л.14.

¹² Гордиенко, Н.С. Эволюция русского православия (20-80-е гг. XX столетия) / Н.С. Гордиенко. — М.: Знание, 1984. — С.55.

**МОДЕЛЬ ПОВСЕДНЕВНОСТИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА:
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗРАБОТКИ БИОГРАФИЧЕСКИХ СВЕДЕНИЙ**

В названии работы обозначены две категории: биография и общество, объединенные в рамках анализа повседневности, проявляющейся в индивидуальном бытии и социальной по природе.

В восприятии повседневности существует целый ряд историографических нюансов. Мы опирались на подход, выработанный французской школой Анналов, совмещающий интерес к личности и общественным проявлениям обыденной жизни. Самым широким определением этой категории является следующее: то, что повторяется изо дня в день; максимально узко, ее можно представить как быт. Мы основываемся на широком варианте определения, учитывая, что повседневность плотно обступает человека и уяснить механизмы функционирования ее структур можно только изнутри, поэтому перспективным видится биографический подход. Только он дает возможность обратиться к эмоциям, которые в воспоминаниях сопутствуют изложению фактов в виде оценочных суждений. Это позволило выявить систему ценностей и приоритетов (действительных, а не усредненных). В свою очередь эти факторы могут содействовать пониманию периода, к которому мы стремились. А оно важно для всех, кто исследует XX век, пусть и не в социальном аспекте.

Как в отечественной, так и в зарубежной историографии есть опыт, убеждающий в правомочности изучения биографий с целью глобальных исторических реконструкций. Например, монография Натальи - Козловой и Ирины Сандомирской «Я так хочу назвать кино»¹ освещает советскую реальность с помощью записок Евгении Киселевой. Мы опирались на схожую группу источников², дополняя документальные сведениями устными беседами.

Таким образом, основу источниковой базы составили неопубликованные материалы, что дало возможность эмоционально оживить повествование и отойти от схематизированных оценок. Учитывая особенности источников (их субъективность), мы должны признать, что создали на их основе модель.

Особую значимость обращения к неизвестным ранее научному обществу источникам мы отметим, позаимствовав фразу Роя Медведва: «Люди уходят, а архивы могут подождать»³.

Второстепенную роль в источниковой базе сыграли опубликованные документы. Среди них письменные свидетельства, исходящие от окружения героев или современников.

Визуальные источники исполняли иллюстративную функцию, помня, что в изображениях заметен «дух» времени⁴ мы подобрали образный ряд, позволяющий представить лица героев и их дома, обрисовать жизненное пространство и окружение. Визуальные источники использовались и при определении канонических образов дома. При этом мы анализировали плакаты и иллюстрации в специализированных изданиях⁵.

Механизм перехода от частного к общему, дополненный перспективами сравнения нескольких биографий, можно увидеть у Натали Дэвис в работе «Women on the margin»⁶, в которой, «детали жизненных перипетий не только дали автору «натуру» для выразительных портретов, но проявили все характеристики социальной и культурной среды»⁷.

Вооружившись подобным опытом, мы задались целью на основе биографических данных создать охватывающую все сферы жизни модель повседневности советского общества.

Нашу уверенность в перспективах укрепил тщательный отбор героев. Это люди, родившиеся в 20-е годы⁸. Речь идет о Марии Агафоновой, Сергее Рыжакине и Николае Столярове⁹. Сами по себе эти имена ничего не говорят. Героиня при первой встрече удивилась: «Почему я, ведь мы жили как все». Именно это «как все» и ценно для нас. Исходя из этого, наши герои идеальны для обращения к советскому обществу. Биографии охватывают семидесятилетний этап советской истории полностью, а значит, позволяют рассматривать жизнь общества одновременно и в движении, и в связи с предшествующими этапами (через связь поколений).

Для выявления особенностей взята биография Владимира Шнегаса¹⁰, переживающего этот период сформировавшимся человеком, учтены сведения героев о родителях. Опираясь на четыре биографии, мы работали с большим количеством людей (члены семей, друзья, коллеги и те, с кем герои старались не общаться).

Наш подход верно назвать микро—историей, способом накопления материала для макро—исторических выводов. Ведь любой человек живет в двух мирах: микрокосме (малых группах типа семьи) и макрокосме (цивилизации, мировой системе)¹¹, потому правомерно, что предмет исследования составили биографии, а объектом изучения являлась повседневная сторона жизни общества. Мы отстранились от статистических методов, что обычно оценивают как качественное исследование¹².

Материал, полученный от героев, был структурирован с помощью классической социологической схемы, отождествляющей общество с системой из четырех сегментов — политического, культурного, экономического и социального, интегрируемых на уровне повседневности с

помощью категории «дом». Это позволило перейти на уровень характеристик общества в целом, отразив результаты воздействия политической сферы на прочие, что считается одной из особенностей советской истории.

Как материальный объект из стен и потолков дом описан через поствозование о внешнем и внутреннем облике жилищ, бытовых практиках, связанных с ними, материальной культуре недалекого прошлого.

С экономической точки зрения синонимом дома является домохозяйство, отражающее вопросы домашнего и производственного труда, и обратной их стороны – отдыха, как показателя уровня жизни.

Дом является так же кругом домоладцев, взаимодействующих с внешним миром, а это дает возможность проанализировать социальные связи, судить о нормах коммуникации, распространенных в изучаемом обществе.

В результате мы можем говорить о создании полномасштабной модели. Простая модель (именно с ней мы имели дело) обладает большей возможностью решения проблемы, чем сложная, что извиняет узость круга наших информаторов. Макс Вебер считал, что «чем значительнее масштаб представления, тем дальше оно уводит от богатства действительности»¹³. Остается надеяться, что у нас получилось к ней приблизиться.

Специализация историков на исследовании частных проблем в наше время стала требованием профессии и фактом историографии. Как ее сторонники, отметим плюсы подобного взгляда: доскональное знание изучаемого предмета и применение тонкой методики анализа. Но теоретики отмечают и недостатки: чрезмерное значение деталей, утрату понимания связи между аспектами и целым явлением, отказ от обобщений и объяснений¹⁴. Но все это не относится к нашему исследованию. Для нас интерес к деталям стал стартовой площадкой при переходе к обобщениям, пониманию происшедшего, выяснению причин.

Ее одним плюсом выбранного подхода можно считать внимание к

частным примерам, позволяющее отойти от стереотипного, усредненного восприятия советских людей. Интерес к ним обычно проявляется в рамках исследований по формированию «нового человека»¹⁵, исходящих из предпосылки: советский человек — особый человек, носитель исключительных ценностей¹⁶. Его определяющей чертой видят подавленность индивидуального начала. Но обращение к людям непосредственно рушит стройные схемы. И мы уже не можем говорить об абсолютно новых людях, ведь на них влияли родители и даже более старшие поколения. А значит, эволюционная линия не прерывалась. Хотя своеобразие этих людей все же бесспорно.

То же самое мы можем сказать и о повседневной жизни советской эпохи. Она представляла собой дополненные элементами «нового» быта вполне привычные, выработанные исторически и максимально удобные практики, стала сложной смесью старого и нового.

Разобраться в этом крайне важно, ведь современное общество развивается как следствие возникших тогда изменений, а сам факт выживаемости некоторых традиций показывает бесперспективность модернизации, даже силами государства, и может уберечь от ошибок в социальной политике.

В дальнейшем исследование может быть продолжено либо в направлении уточнения модели через сравнение со статистикой, что расширит исследование, либо в рамках его специализации можно детально осветить отдельные сюжеты, выявленные нами.

Примечания

¹ Козлова, Н.Н. «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо»: опыт лингвосociологического чтения / Н. Н. Козлова, И. И. Сандомирская. — М.: Гнозис, 1996.

² Автобиография Николая Столярова [Рукопись]; Рыжакин, С.Г. Фронтовые дороги. Воспоминания фронтовика, командира взвода, артиллериста [Рукопись]. — Сердобск, 2004.; документы домашнего архива Марии Агафоновой (учётная карточка члена КПСС, диплом об окончании КФЭИ, семейные альбомы).

Агафонова, М. И. Беседы о прошлом: [серия интервью с М. И. Агафоновой, февраль—апрель 2006] / записала Н. Клековкина. — Казань, 2006.; Валеева, А.З. Для нас он больше чем герой: [о Столярове : беседа с куратором музея Н. Г. Столярова при казанской школе № 32 А.З. Валеевой, февраль 2005] / записала Н. Клековкина. — Казань, 2005.

Копии всех документов хранятся в личном архиве автора.

³ Цит. по: Саннич, А. В. Источниковедение в кругу исторических дисциплин // Источниковедческая культура студента-историка / А.В. Саннич. — Тверь, 1990. — С.18.

⁴ Шмит, Ж.-К. Историк и изображения / Ж.-К. Шмит // Одиссей. Человек в истории. — М., 2002. — С. 10.

⁵ Портал культурно-просветительского и издательского проекта «Плакаты России» — <http://www.plakat.ru/>; Краткая энциклопедия домашнего хозяйства. — М., 1979. — илл.

⁶ Davis, N.Z. Women on the Margins. Three Seventeenth-century story / N.Z. Davis. — L., 1995.

⁷ Цит. по: Репина, Л. П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти / Л. П. Репина // Сотворение истории. Человек. Память. Текст: Цикл лекций. — Казань: Мастер—Лайн, 2001. — С. 346.

⁸ Социолог Ю. А. Левада, считает что «советская история знала *лишь одно* поколение вполне советских людей, вступивших в активную социальную жизнь в 30–50-е». Цит. по: Антонов, А. И. Микросоциология семьи / А.И. Антонов. — М.: ИНФРА-М, 2005. — С. 222.

⁹ **Агафонова М. И. (1923)** — родилась в семье рабочего в Казани. Во время войны служила связисткой, имеет боевые награды. После получила профессию бухгалтера. В 1947 вышла замуж, но в 1948 уехала от мужа, родила дочь Ирину (двое детей умерли в младенчестве). Работала по специальности в НИИ ХП. На пенсии с 1987, но занималась общественной работой.

Рыжакин С. Г. (1924 — 2008) — родился в крестьянской семье в Саратовской области. Во время войны служил артиллеристом, награждён медалями и орденами. После войны остался в армии, вышел в отставку в 1969. Жил в Пензенской области, занимался общественной работой. Женат с 1947, имеет сына, внуков.

Столяров Н. Г. (1922 — 1993) — родился в казанской семье. Во время войны сражался в небе, дважды награждён «Золотой звездой». После остался в армии до 1956. Позже жил в Москве, работал на автобазе, вёл общественную работу. Женат с 1956, воспитывал дочь Екатерину, внука Николая.

¹⁰ **Шнегас В. В. (1876 — 1943)** — родился в дворянской семье, учился в военной академии. В 1900 женился, воспитал троих детей. Работал на Казанском пороховом заводе. Подвергался арестам трижды. В 1941 вошёл в состав ОТБ–40, разрабатывал порох для «Катюш». Умер в 1943, реабилитирован в 1956 году.

¹¹ Бергер, П. Социология: биографический подход / П. Бергер // Личностно-ориентированная социология. — М., 2004. — С. 35.

¹² Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. — М., 2001. — С. 16.

¹³ Цит. по: Методологические проблемы исторической информатики // Отечественная история. — 1997. — № 3. — С. 90.

¹⁴ Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XXв.) / Б.Н. Миронов. – Т. 1. – СПб., 1999. – С. 13.

¹⁵ Сальникова, А. А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования / А.А. Сальникова. – Казань, 2007. – С. 14.

¹⁶ Согомонов, А. Ю. Рецензия на кн. «Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х» // <http://www.socjournal.ru/article/41>.

СОДЕРЖАНИЕ

Секция I. Социально-экономические проблемы и международные связи России

<i>Газизуллина Э.И.</i> Взаимоотношения хазар и восточных славян	11
<i>Кистенев В.В.</i> Государственное управление промышленности в первой четверти XVIII века в Среднем и Нижнем Поволжье	13
<i>Мариун Т.В.</i> Торгово-промышленные связи самарского и уфимского купечества во второй половине XIX – нач. XX вв.	17
<i>Мельников М.С.</i> Российская империя в контексте европейского блокового противостояния накануне Первой мировой войны (1904-1914 гг.)	21
<i>Яблокова А.В.</i> Радио в Самарской губернии в 1920-х гг.	23
<i>Белицкая М.А.</i> Вклад высших профессиональных учебных заведений Сталинграда в подготовку кадров для народного хозяйства страны в 1930-е годы	26
<i>Чащин А.В.</i> Население Свердловской области: естественное движение и миграционный прирост в 1933-1939 гг.	28
<i>Данилов Н.А.</i> Авиационные поставки по ленд-лизу в СССР в годы ВОВ	33
<i>Баженев А.Ю.</i> Волгоград, научный сотрудник Развитие танкового производства в Сталинграде в 1941-1945 гг.	37
<i>Богданов И.О.</i> Самара, СамГУ, студент. Влияние боевого опыта на теорию применения и организацию советских бронетанковых войск	39
<i>Хуснутдинова Ф.А.</i> Население Сталинградской области в 1939-1959 гг.	42
<i>Хайруллина Р.М.</i> Оренбург, ОГПУ, аспирант. Осуществление жилищного строительства государственными предприятиями, организациями и индивидуальными застройщиками в Чкаловской (Оренбургской) области в 1953-1964 гг.	44
<i>Каменских М.С.</i> Применение труда китайских рабочих в послевоенном СССР (на примере Молотовской области)	47
<i>Деманов А.А.</i> ВПК как фактор ускорения научно-технического прогресса в первое послевоенное десятилетие (на материалах автономных республик ВВЭР)	50
<i>Сандровский А.В.</i> Эволюция российско-германских внешнеполитических связей (1990–2008 гг.)	53

Секция II. Власть и общество в истории России

<i>Алдашев Э.Г.</i> Формирование системы церковных приходов в нагорной части Южного Средневолжья в 80-е гг. XVI–начале XVIII вв.	56
<i>Столяров О.Д.</i> Роль А.И. Остермана во внутренней политике в период правления Анны Иоанновны	60
<i>Плетнева В.Н.</i> Особенности системы государственного управления Северным Кавказом во второй половине XIX века – начала XX в.	64
<i>Мубаракшина А.Г.</i> Деятельность «Казанского Общества любителей-велосипедистов» (1893-1896 гг.)	67
<i>Егоров Д.В.</i> Волостная администрация Казанской губернии и чувашское крестьянское общество (вторая половина XIX – начало XX веков)	69
<i>Баева Е.В.</i> Челябинск, ЮУрГУ, аспирант. Социальная характеристика земских начальников Самарской губернии	72
<i>Лапина П.В.</i> Самара, СамГУ, студентка. Самарская полиция во второй половине XIX – начале XX века	74
<i>Морозов В.В.</i> Казенные палаты Российской империи как элемент системы властно-общественных коммуникаций	78
<i>Владимирова Л.М.</i> Отношение татарских крестьян Самарской губернии к аграрной реформе П.А. Столыпина	80
<i>Маркин В.Л.</i> «Университетский протест» 1911 года и реакция российского общества	82
<i>Голубинов Я.А.</i> Продовольственный вопрос и народные волнения в Среднем Поволжье (1914-1917 гг.)	84
<i>Хохлова И.Л.</i> Самара, СамГУ. Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим (1890 – 1917 гг.)	89
<i>Казakov А.Е.</i> Основные этапы военной мобилизации в России в 1914-1917 гг.	92
<i>Чернова О.А.</i> Участие профессиональных союзов в организации охраны труда и техники безопасности на предприятиях Центрального Черноземья в 20-е годы XX века	94
<i>Хайруллина А.И.</i> Деятельность казанского отделения “European Student Relief” (ЕСП) в 1922-23 гг.	98
<i>Мистрюгов П.А.</i> Организация судебной системы в период становления советской государственности	101
<i>Низамиева Н.К.</i> Введение латинского алфавита в ТАССР: теория и практика (1920–30-е гг.)	104
<i>Леонтьева Е.А.</i> Детская преступность на Южном Урале в 1953–1964 гг.	107

<i>Чупина А.Н.</i> Партийно-государственный контроль за деятельностью вузов и научных учреждений г. Сталинграда в послевоенный период	110
<i>Кондрашова Ю.А.</i> Деятельность студенческих строительных отрядов в трудовом воспитании молодежи Волгограда (1950-1980-е гг.)	112

Секция III. История общественной и исторической мысли, политических партий и общественных движений

<i>Натаров А.И.</i> Строельная книга города Симбирска как исторический источник	115
<i>Русяев П.С.</i> Либеральная историография государственной и общественной деятельности императорской фамилии первой четверти XIX века	118
<i>Стайцов Р.Е.</i> М.П. Погодин и польское восстание 1830-1831 гг.	124
<i>Гаршин А.В.</i> Христианство как основа исторической концепции П.Я. Чаадаева	127
<i>Ицкович М.А.</i> Идея и практика личного самосовершенствования в культуре русского нигилизма 1860-х годов	130
<i>Казеева Т.В.</i> Роль нравственных начал в деятельности судей после Судебной реформы 1864 г. в оценках А.Ф. Кони	132
<i>Блохина С.С.</i> Социальная элита российских городов в конце XIX – начале XX вв.	135
<i>Гильмутдинов Н.В.</i> Правовая периодическая печать в России (позднеимперский период)	137
<i>Купченко К.В.</i> Общественно-политическая мысль России по проблеме местного самоуправления в городах в конце XIX – начале XX вв.	139
<i>Вишнякова А.М.</i> Аграрная реформа П.А. Столыпина в зарубежной историографии	141
<i>Миняшев В.С.</i> Аграрные законопроекты депутатских фракций II Государственной Думы	146
<i>Суворов В.В.</i> Черты евразийства во взглядах на Восток в российском обществе во второй половине XIX – начале XX вв.	149
<i>Воеводина А.А.</i> Христианские либералы о первой мировой войне	151
<i>Гомонова С.А.</i> Изучение политической полиции российской империи историками зарубежных стран	155
<i>Рязанцева Е.А.</i> Саратовские социалисты: от июльских событий к корниловскому мятежу	157
<i>Демина А.</i> Самарский губернский революционный трибунал: источниковедческий анализ фонда Государственного архива Самарской области	160

<i>Гноевых А.В.</i> Исторические взгляды Л.Д. Троцкого и идейное наследие Г.В. Плеханова: проблема соотношения	162
<i>Костарева Л.В.</i> Съезд 1926 года в Париже как кульминация объединительных попыток «правого» крыла Русского Зарубежья	164
<i>Галямичева А.А.</i> Религиозно-философское общество «Круг» (из творческой жизни русской эмиграции)	166
<i>Бушуева О.Ю.</i> Создание базы данных безвозвратных людских потерь Самарской области в годы ВОВ	170
<i>Гайдашев А.В.</i> Донское казачество в ВОВ	172

Секция IV. Русская культура и повседневность

<i>Федорова Е.Ю.</i> Петербург Екатерины II глазами иностранцев	175
<i>Лазарева О.П.</i> Первый брак цесаревича Павла Петровича	179
<i>Горбунова А.С.</i> Проблема восточного влияния на средневековую русскую культуру в творчестве В.В. Стасова	182
<i>Синельникова Е.Ф.</i> История создания самарского археологического общества	186
<i>Арапова Е.Д.</i> Присяжная адвокатура в русской сатирической печати	188
<i>Ермошин А.В.</i> Роль предмета “Закон Божий” в государственном влиянии на духовно-образовательный процесс	189
<i>Рогач А.А.</i> Театральная жизнь в Самарской и Саратовской губерниях в годы гражданской войны	190
<i>Аникушкина М.С.</i> Советская повседневность в художественной сатире 1920-х годов	194
<i>Драчиков Ф.В.</i> Культурный поход по повышению технической грамотности в Нижнем Поволжье осенью 1929 года	197
<i>Семенова Т.В.</i> Обряд ларма в среде приволжских чувашей	199
<i>Липатов А.В.</i> Власть и деятельность сталинградских художников и писателей во второй половине 1950-х годов	202
<i>Галихузина Р.Г.</i> Деятельность министерства культуры ТАССР по руководству культурно-просветительными учреждениями во второй половине XX века	205
<i>Панкратова Л.А.</i> Библиотеки и сельские клубы Среднего Поволжья и их работ по привлечению населения в 1950–60-е гг.	208
<i>Федорова Г.Н.</i> Юбилею ВУЗа посвящается...	211
<i>Попова К.Ю.</i> Религиозная политика советского государства по отношению к духовенству и ее реализация в Оренбургской области (1964-1982)	212
<i>Клековкина Н.В.</i> Модель повседневности советского общества: перспективы разработки биографических сведений	215

Научное издание

ПЛАТОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

XIV Всероссийская конференция
молодых историков
(Самара, 14-15 ноября 2008 г.)

Материалы и доклады

*Публикуется в авторской редакции
Художественный редактор Л.В. Крылова
Компьютерная верстка, макет Л.Н. Замамыкиной*

Подписано в печать 16.12.2008.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 13. Гарнитура «Newton». Тираж 150 экз. Заказ
Издательство «Самарский университет»,
443011, г.Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. (846) 334-54-23. E-mail: lizam@ssu.samara.ru
Отпечатано в типографии издательства «Книга».
г. Самара, ул. Песчаная, 1.
Тел. (846)267-36-82. E-mail: slovo@samaramail.ru